

Алексия Каст

Когда
сбываются
МЕЧТЫ

Алексия Каст
Когда сбываются мечты
Серия «Бойтесь своих
желаний», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
2022

Аннотация

Яна Косицына выросла в детском доме и мечтала о настоящей семье. В один ничем не примечательный день мужчина, который однажды обидел её, исполняет сокровенное желание Яны, помогая обрести родных. И кого волнует, что этот старый знакомый не совсем человек...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	34
Глава 4	46
Глава 5	65
Глава 6	72
Глава 7	86
Глава 8	102
Глава 9	115
Глава 10	132
Глава 11	151
Глава 12	163
Глава 13	176
Глава 14	192
Глава 15	208
Глава 16	223
Глава 17	237
Глава 18	252
Глава 19	269
Глава 20	282
Глава 21	295
Глава 22	302
Глава 23	318

Глава 24	329
Глава 25	351
Глава 26	367
Глава 27	385

Алексия Каст

Когда сбываются мечты

Глава 1

Яна

В какой именно день может кардинально измениться судьба человека, не знает никто. Так же, как и то, что именно или, как в моем случае, кто именно станет причиной этих самых изменений. Как бы банально это ни звучало, но, увидев *его* сегодня днем, сразу же поняла, что моя жизнь уже не будет прежней.

Это была даже не первая встреча, наши пути уже пересекались. Не уверена, что он меня тогда запомнил, но я-то уж точно его не забыла.

И вот сейчас этот высоченный красавчик, просто секс-символ, мать его, раздевался, стоя прямо передо мной. Ходячий тестостерон, по-другому о нем и не скажешь: красиво очерченные мускулы, бронзовый загар, черные до плеч волосы и ярко-голубые, практически прозрачные глаза. Я бы сказала, что в них можно утонуть, но не стану. Не потому, что утонуть нельзя, нет, как раз таки очень даже можно. Но вот в эту нашу встречу, я приложила невероятные усилия,

чтобы этого самого утопления избежать.

Встретив его на улице после работы, я подумала, что мне померещилось. Но мужчина быстро мои сомнения развеял и убедительно настоял, чтобы я села к нему в машину. В джип. Красивый, черный и большой. Это единственные эпитеты, которыми я смогла описать его транспортное средство, потому как в машинах полный ноль. Ехали мы до моего дома в тишине, и как только мужчина припарковался рядом с домом, я без раздумий сразу же вышла. Но его слова о том, что у меня есть ровно двадцать минут на сбор всех вещей, заставили меня застопориться и, наконец, вступить с ним в диалог. Как выяснилось, зря, пользы от этого странного разговора не было никакой. Мужской идеал, стоящий прямо передо мной, пытался объяснить, что просто необходимо срочно собрать нужные вещи и поехать с ним не куда-нибудь, а в Новосибирск. Дар убеждения однозначно не его сильная сторона, хотя... это с какой стороны посмотреть. Когда меня попытались силой запихнуть обратно в машину, я все же вняла его просьбе и отправилась собирать вещи.

Управилась быстро, потому как на сто процентов была уверена в скором возвращении. Переделалась в более удобную одежду: если и ехать куда-то на машине, то уж точно не в офисном костюме и на каблуках. Покидала в чемодан белье, пару кофт и футболок, запасные джинсы с кедами, косметику и документы. Я хоть и была отчаянна в своих поступках, но не на столько, чтоб отправляться куда-либо без докумен-

тов, это во мне говорил оптимист. Пессимист же был уверен, что выкинут мое невинно убиенное тело под ближайшим кустиком сразу же за чертой города, и настоятельно рекомендовал: «Запри сейчас же дверь, подопри ее чем-нибудь тяжелым для убедительности и вызывай скорее на подмогу полицию». Только вот, несмотря на свои рекомендации, верил он с трудом в эффективность этой задумки, и я все равно, по его мнению, окажусь под тем же кустом.

Когда, проехав три часа в полной тишине, мы остановились, а вокруг не было ни души, и водитель сказал выходить, я задумалась: а не оказался ли прав пессимист внутри меня? Следующие действия мужчины убедили меня в этом окончательно: он снял с себя футболку.

И вот сейчас он стягивал передо мной штаны, внутреннее я уже объединилось и даже оптимист был уверен, что ничего хорошего не предвидится и просто кричал внутри благим матом: «Беги!» А я смотрела в прозрачные глаза, и все, о чем могу думать: как бы снова не потерять в них себя.

– Я лучше сначала все покажу, а потом буду объяснять, окей? – Голос отвлек меня, я попыталась оторваться от его взгляда и тут же забыла вообще обо всем на свете: красавчик стоял напротив меня абсолютно голый.

Если он и пытался еще что-то сказать, я больше его не слышала и была, как мне кажется, слегка невменяема. Дальше черты стали искажаться, и буквально за пару мгновений на его месте появился огромный серый волк. Ну а потом,

как бы ни было это банально, пришла пустота, в глазах стало черным-черно, и сознание отключилось. Наверное, это был первый в моей жизни обморок.

– Черт, я так надеялась, что все это мне померещилось.

– Яна, не выражайся.

– Ты знаешь, как меня зовут. – Моему удивлению не было предела.

– Естественно, – фыркнул он, – я все о тебе знаю.

Вот же самец самоуверенный. Нет, ну какая наглость! Я злобно прищурилась и поинтересовалась:

– Прямо таки и все? Хоть бы представился!

Приподнялась и огляделась: разместили меня на заднем сидении. Плюс красавчику и его машине: сиденье было довольно удобным.

– Ну самое основное я знаю точно, – проговорил он серьезно, не обращая внимания на мои подначки. – Косицына Яна, двадцать один год, отказница, родилась в Омске, в Красноярске оказалась по распределению. Сразу после детдома пошла в местное педучилище, затем год проработала в школе преподавателем начальных классов, после чего через знакомую устроилась секретарем в торговую компанию, и уже два месяца как там трудишься. – По мере того, как он продолжал перечислять факты моей биографии, мне все больше становилось не по себе. – Что еще? Дай подумать. Детей нет, мужа и постоянного мужчины тоже нет. – Он задумался, наклонился ко мне еще сильнее, насколько ему поз-

воляло сделать это кресло водителя и вдохнул аккурат возле моего живота. Какой кошмар, он меня понюхал, как самая настоящая собака. – Причем уже о-о-очень давно нет.

Интересно, он бы перестал так самодовольно улыбаться, если бы знал, насколько меня задела его слова?! Или радовался бы еще больше, что получилось меня уколоть? Ненавижу мужчин! Особенно красивых, самонадеянных, самовлюбленных и наглых, как этот. Кстати, как его? Его ненавижу в первую очередь!

– Ты так и не представился.

– Еще забыл сказать: ты оборотень. – Он как будто меня не услышал. – Только вот неизвестно, будет ли у тебя ипостась и кто твоя мать: человек или полукровка. Ах да, Васильев Максим Викторович, альфа твоей стаи. – Все же услышал, но лучше бы он молчал!

– Если ты заразился от какой-нибудь дикой собаки бешенством и теперь воешь на луну, то это еще не значит, что я такая же! – Как же он меня бесит. Максим! Альфа! Мужлан он с дырявой памятью, вот кто.

– А вот в выражениях будь поаккуратнее, на сегодня я тебя прощаю, все же у тебя шок, но больше таких высказываний, да и вообще подобного пренебрежения в свой адрес не потерплю. – Прозвучало весьма устрашающе, да и вид у него был довольно угрожающим. – Ты теперь часть стаи, должна соблюдать наши правила и порядки, иначе последует наказание. Вопросы есть?

Я промолчала, потому что все, что крутилось на языке, было очень нецензурным. Максим это понял и, видимо, усилия мои оценил.

– Хорошо, я понимаю, что так сразу трудно собраться с мыслями. Поэтому полежи пока, подумай, если хочешь, можешь сесть вперед. Ехать еще часов шесть, но времени в обрез, так что решай быстрее, где ты поедешь. Кстати, еще вот, – протянул мне пакет с фастфудом, – перекуси, если хочешь.

Конечно же, хотелось подальше от него, но спереди было бы удобнее. Я не стала ничего отвечать, просто поднялась и пересела. Машина тронулась с места, а я только-только начинала понимать, что это все не шутки и домой я вернусь не так скоро, как рассчитывала.

– Расскажи мне.

После того как перекусила, и еда осела где-то в глубине желудка, я все же решила с ним заговорить. Конечно, можно было отрицать действительность и дальше. Куда проще поверить в собственное сумасшествие, чем в существование подобных тварей. Но какое-то чутье внутри, видимо, пресловутая интуиция подсказывала, что сознание мое чисто, и если кто-то и чокнулся в этом мире, то точно не я. Следом пришло и объяснение всем многочисленным непонятным событиям, случавшимся в моей жизни.

– Что именно тебя интересует?

Он даже голову в мою сторону не повернул. И как этому

человеку, извиняюсь, не-человеку можно не хамить?

– А как ты сам думаешь? Естественно, меня интересует все то, чего я не знаю, в том числе и о самой себе. – Получилось весьма мило, несмотря на настрой, даже удивилась собственному дружелюбию.

– Ну то, что оборотни существуют, ты не глупая, уже поняла. Только волки, никаких львов рысей и тому подобных.

– Вампиры? – перебила его.

– Боже упаси, никаких вампиров, и что там еще в сказках напридумывали... Байки про серебро тоже чушь.

– Продолжительность жизни? – выгнула бровь и, не удержавшись уточнила: – Истинные пары? – после чего фыркнула от собственной наивности.

– Около трехсот, если доживаем до старости. Убить нас намного сложнее, чем людей, но все же возможно. Истинные пары есть, но не в том понимании, как пишут в фэнтези и показывают в кино.

– И в каком понимании?

– Правда? Да что с вами женщинами не так? – Неужели я видела проявление эмоций?! С ума сойти. – Часа не прошло, как ты узнала о существовании оборотней и своем возможном отношении к ним, и единственное, что тебя волнует, это тема парности.

– Что-то более серьезное ты, видимо, и так не горишь желанием рассказывать.

Он промолчал и съехал на обочину.

– Твой отец, мой друг, попал в серьезную аварию и был фактически при смерти, поэтому я здесь. Не думаю, что нужно было начинать разговор именно с этого.

– Мой отец? – Занавес просто. – Ты знал, кто мой отец, а сам все это время нес какую-то лабуду. Стоп! Ты сказал, он умирает?

– Попал в аварию, после которой долго не мог перекинуться в волка и запустить процесс регенерации, слишком людно было на дороге, затем и в больнице. К тому моменту, как мы смогли его забрать, состояние значительно ухудшилось.

– Боже, только со мной такое могло случиться, двадцать один год не знать ничего о родителях и вдруг получить весть об умирающем отце. Seriously?!

Нет, ну правда, как можно быть такой неудачницей?

– Не утрируй, я сказал, был при смерти, а не умирающий. Если быть точнее, когда я уезжал, его шансы были достаточно велики. И он, кстати, ехал за тобой!

– Да ты что? – протянула каждое слово. – Я сейчас типа проникнуться должна была этим или что? Долго он как-то ехал, не находишь?

– С тобой невозможно разговаривать, – взмахнул руками и завел машину, – как ты вообще смогла проработать целый год в школе с твоим-то лексиконом? Я бы тебя к своему ребенку не подпустил и на километр.

– У тебя есть ребенок?

– Нет, но это ничего не меняет, общение с тобой опасно

для детской психики.

Машина тронулась, а у меня пропало всякое желание что-либо узнавать. Что он понимает. С детьми я другая, только рядом с ними я могу позволить себе быть заботливой и любящей. Лексикон ему мой не понравился... Пожил бы моей жизнью, я бы посмотрела, как он запел после этого или завыл, он же волк... Альфа, ему по статусу положено только выть. Смех вырвался сам собой. Васильев взглянул на меня, нахмурился, но ничего спрашивать не стал.

– Зачем он ехал за мной?

В душе начала зарождаться надежда, совсем легкая и невесомая, но так мне необходимая. Неужели я все-таки кому-то нужна в этой жизни? Моя самая заветная мечта – обрести семью. Я не мечтала, как многие дети в интернате, о том, что однажды появятся родители и заберут меня, нет. О них старалась не думать, ведь они отказались от меня, бросили, это означало лишь то, что я им не нужна. Днями и вечерами напролет представляла свою взрослую жизнь и семью, которую создам сама. Я непременно видела себя заботливой матерью троих (как минимум) карапузов и идеальной женой при не менее идеальном муже, который бы заботился о нас каждую секунду своей жизни...

– Любой ребенок должен жить в стае, даже полукровка. – Голос Васильева неприятно резанул по ушам и оторвал меня от столь прекрасных фантазий.

– Почему именно сейчас?

– Он только недавно узнал о твоём месте нахождения.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказал! Он не знал, где ты живешь. – Максим тяжело вздохнул и продолжил: – Там какая-то запутанная история. С твоей матерью они были мало знакомы, и он ничего толком о ней не знал, кроме имени. Женщина не была волчицей, но то, что она знала о существовании оборотней, навело его на мысль, что она полукровка, и зверь его как-то странно на нее реагировал.

– Как их зовут?

– Кого? А-а ... – Он действительно не сразу понял, о чем я, а еще говорит, что женщины странные. – Олег и Марина.

– Яна Олеговна, красиво, – задумчиво пробормотала я, – что дальше?

– А дальше они поругались, и Марина ушла. Олег уехал обратно в Новосиб. О том, что есть ты, он узнал, когда Марина позвонила перед самыми родами. Но мы с Олегом как раз вместе занимались делами клана в Бразилии, и когда он приехал в Омск, там уже не было ни тебя, ни твоей матери. Сначала твой отец подумал, что Марина просто сбежала к родственникам, и время было упущено. Искал не в том, направлении и только спустя пять лет узнал, что она умерла родами. В итоге собирал информацию по крупицам и сводил воедино целых двадцать лет. Сама понимаешь, даже то, что ты оказалась так далеко, странно. Обычно просто так детей из области в область не кидают.

– Да уж, печальная история, хоть бери и книгу пиши. Но почему тогда я по всем документам прохожу как отказник, если мать умерла?

– Еще одна нестыковка, значительно затруднявшая твои поиски, – ровно протянул он, как будто говорил о какой-то мелочи.

Интересно, скольких возможных счастливых лет жизни, стоила мне эта нестыковка. Могло ли и у меня быть счастливое детство, пока я росла? Рядом с отцом не было бы так горько от одиночества всю мою сознательную жизнь. Мне, конечно, грех жаловаться. Наш детдом был образцово-показательным, и девчонки, попадавшие к нам из других мест, рассказывали откровенные ужасики. Маленькой я слушала их с замирающим от страха сердцем, как страшную историю. А немного погодя, когда подросла, осознала, как же мне и всем воспитанникам нашего интерната повезло. Да, воспитательницы были строгими и не заменили нам матерей, но они были добрыми и справедливыми, это ли не главное в месте, где обитают обиженные и одинокие дети? Но, несмотря на это, из довольно странного ребенка я выросла закрытым человеком, очень тяжело шла на контакт и обычно никому не доверяла. Вот и сейчас поверить Максиму было непросто...

На улице давным-давно стемнело, за окном мелькали огни проезжающих мимо машин и светили фонари, а я сидела и пыталась осмыслить море новой информации. Существование мифических оборотней и даже то, что спустя четыре

года я встретила и узнала имя когда-то самого желанного и одновременно с этим ненавистного мужчины в моей жизни, уходило на второй план и терялось где-то на задворках сознания. У меня есть отец, и была мать, никто от меня не отказывался. Олег и Марина. Господи, а если он не доживет до моего приезда и я никогда его не увижу? Паника нашла на меня внезапно, раньше такого не случалось. Стало невыносимо тяжело дышать, и в глазах периодически темнело. Машина успела остановиться и припарковаться на обочине, а я не замечала этого, продолжала вдыхать и выдыхать.

– Что с тобой? – словно сквозь дымку услышала голос.

Подняла голову и увидела расплывающегося передо мной Максима, даже не сразу поняла, что вокруг все такое мутное из-за слез, застилающих глаза.

– Мы же успеем? Я увижу его? – прерывающимся голосом спросила.

Я ждала ответа, а он подвинулся ко мне, обняв, и принялся гладить по волосам. Я больше не слышала его слов, только чувствовала прикосновения рук к голове и вдыхала запах, от него исходили сила и спокойствие. Дружеские объятия и моральная поддержка – именно в этом я сильнее всего нуждалась в данный момент. Я почти расслабилась в его руках, пока не вспомнила, чьи именно руки меня обнимают. Эта мысль меня отрезвила.

Как я могла быть такой глупой и, забыв обо всем, плакать у кого-то на плече, тем более у него? Никто и никогда больше

не должен видеть моих слез. И этот мужчина в том числе. Я предприняла безуспешную попытку выбраться из его крепких рук, проделала то же во второй раз. И когда уже собиралась завывать от безнадежности, потому как его запах пьянил, заставляя забыть обо всем на свете, ровно как в тот вечер четыре года назад, он сам разжал руки и отпустил меня на волю.

– Все будет хорошо, – начал он, но голос сел, и, прокашлявшись, Максим продолжил: – Мы успеем, да и Олег живучий волк, столько разных передряг – и всегда цел и невредим. Вот и сейчас выкарабкается, а ты перестань тут воду лить и бери себя в руки. Я понятия не имею, что делать с плачущей девушкой в таком ограниченном пространстве. Особенно когда эта девушка – дочь моего единственного близкого друга. А если я чего-то не знаю, начинаю паниковать. – Он произнес это так серьезно, хотя явно насмеялся, что я просто не могла ему не улыбнуться.

Мы опять тронулись с места, но такой насыщенный событиями день утомил меня не на шутку, и я даже заметить не успела, как меня сморил сон.

Максим

Обычно полукровки больше похожи на людей, в них не так сильны животные инстинкты. Потом, когда в некоторых просыпается зверь, они становятся полноценными оборот-

нями. А вот Яна уже сейчас напоминала мне маленького волчонка. Скалилась и рычала, пытаясь защитить территорию, собственную зону комфорта. Маленькая, наглая и такая аппетитная. Мой волк, как только почувствовал ее, приосанился и насторожился, всю дорогу до ее дома и потом пребывал в странном волнении. Наверное, дело во мне, неосознанно сам передал ему эти эмоции.

Я уже двадцать лет как альфа и управляю одним из самых больших кланом в мире, но ни разу не доводилось сообщать кому-то о существовании оборотней. Волк внезапно пришел на выручку, попросившись на волю (желал показать себя во всей красе). Так я и поступил: выпустил перед ней волка, тот расхорохорился, а девчонка возьми да и упади в обморок. Зверь расстроился, а я над ним посмеялся и решил приструнить. Нечего нам подкатывать к дочери Олега, он нас за это и потрепать может. Ребров единственный человек, которому я всецело доверял и мог позволить многое, но вот дочери его я не позволю болтать языком, еле сдержался, когда она сказала про заражение бешенством. Детский сад какой-то, не по мне это, приеду и сдам с рук на руки, главное, чтобы Олежа выкарабкался.

Но все же как хороша, особенно когда спит. Длинные темные волосы, собранные в хвост, доставали до попы, а сейчас лежали на ее подогнутых под себя ногах. Это же надо исхитриться так выгнуться, еще и спать при этом. Такая умиротворенная во сне, но такая фурия, когда бодрствует. А чего

стоят ее глаза! Да Олег с палками будет отгонять наш молодец от нее. Светло-зеленые с голубым отливом, в обрамлении черных пушистых ресниц, и такой интересный разрез, вроде и раскосые, но не узкие, вполне себе европеоидные, наверное, такие глаза и называются миндалевидными, я в этом не особо разбирался.

На телефоне запищало оповещение о пришедшем сообщении, и я поспешил отключить звук. Пусть подольше поспит, у нее был чересчур насыщенный день, в особенности на информацию.

«Я все еще не сдох» – гласило сообщение. Поспешил с ответом.

«Чувак, я рад за тебя».

Следом написал: «400 км уже позади, так что приводи себя в культурный вид и сделайся менее дохлым, что ли, хотя бы на первый взгляд. Об аварии я ей рассказал, она начала переживать».

«Какая она?»

«Яна ведет себя как маленький дикий волчонок, хамит и огрызается, но внутри очень ранима, а еще она очень красивая. Не в тебя, однозначно».

«Только попробуй подкатить к ней свои яйца, ты меня знаешь! Все, ушел, пришла неугомонная Мари и заставляет меня жрать таблетки».

И следом: «Спасибо. От души, брат». Я улыбнулся и убрал телефон, тихо включил радио, продолжая путь теперь уже

под музыкальное сопровождение. Моя пассажирка все еще сладко спала.

Глава 2

Яна

Проснулась от странного и неприятного ощущения. Потом почувствовала прикосновение к плечу, мгновенно распахнула глаза и наткнулась на досадливый взгляд Максима, руки он тут же убрал и выпрямился.

– Надеялся, что не разбужу, уж очень ты крепко спала.

– Приехали? – По ощущениям скоро начнет светать.

– Да, четыре часа утра, давно я так долго не ездил на машине, в основном только по области, если нужно дальше, то на самолете. Сама понимаешь, значительная экономия времени.

– А сегодня, – вылезла из машины и, потягиваясь, задала волнующий меня вопрос: – М-м-м... уже вчера. Почему поехал за мной?

– Не вчера, а позавчера, – уточнил альфа-волк. – Мне же надо было как-то добраться до Красноярска.

Васильев достал мою сумку из багажника и закрыл машину.

– Сейчас отца мне не разрешат увидеть?

– Естественно. В больнице все спят, – нахмурился своим же словам, видимо, понял, как это неправильно звучит, ведь больница не поликлиника, чтобы закрываться по ночам.

– Тогда сейчас мы куда? – оглядевшись, выгнула бровь и поправилась: – Хотя своевременнее было бы спросить, где мы?

– Пока поживешь в одной из свободных клановых квартир, я бы мог пустить и в свою, – усмехнулся Максим, – но сомневаюсь, что Олег оценит. Тем более ты поживешь некоторое время, пока твоего отца не выпишут. С ним и передешь в поселение. Сама понимаешь, день еще можно было бы перекантоваться у меня, но больше, – он сделал трагическую паузу, – зачем нам эти слухи? – Развернулся и ушел прочь от машины.

Передо мной предстал целый микрорайон, состоящий из четырех восемнадцатизэтажных домов современной постройки с отлично обустроенной придомовой территорией и огражденный забором со шлагбаумом на въезде. Миленько.

– И сколько у вас тут клановых квартир? – поинтересовалась сразу, как нагнала его.

– Все, – ответил Максим, даже не повернувшись. Видимо, главный волк утомился нянчиться с такой вредной мной.

Дальнейший наш путь до подъезда и в лифте продолжался в тишине. Звуковой сигнал оповестил об открытии дверей, глянув на табло, увидела цифру «14». Максим Викторович протянул связку ключей, а сам взял мою сумку и направился к одной из находившихся на этаже квартире. Наверное, я должна была открыть дверь сама, что ж, не так уж это и трудно. Он в квартиру так и не зашел, лишь уточнил напоследок:

– Будь готова к восьми, встретимся на улице, и если случится что-то срочное, я на семнадцатом этаже, дверь направо.

Странный он, то разбудить и потревожить боится, то шутит, то заигрывает. Ну а как по-другому можно расценить его намеки на проживание у него в квартире? А потом вдруг становится угрюмым, молчаливым и таким, как будто ужасно от меня устал. Еще бы, считает себя, наверное, добрым самаритянином, который нянчится с кем ни попадя.

Квартира, конечно, была шикарной, особенно для меня, не искушенной в таких делах. Такую обстановку и просторные квадратные метры я видела только на картинках. Нет, в детдоме было просторно, только вот детей и подростков слишком много.

Большой квадратный коридор, дверь справа, две двери прямо, судя по тому, что расположены они так близко, это туалет и ванная комната. Слева тоже имелось две двери. Заглянув в каждую, увидела одинаковые по размеру комнаты-близнецы, с милой такой обстановкой. Кровати, встроенные шкафы, комоды и телевизоры, в каждой всего по одной штуке. Даже одинаковые картины висели, различалась только цветовая гамма и та не на много тонов, первая комната светло-бежевая, вторая – тоже бежевая, только с присутствием песочных оттенков. В общем-то, все необходимое для комфорта тут имелось, но, оглядев обе комнаты, я развернулась и направилась к единственной двери справа от входа.

Там была кухня, совмещенная с гостиной, вот здесь я и решила обосноваться. Кинула сумку возле большого углового дивана, кстати, он был молочного цвета, такого же, как и кухонный гарнитур. Нет, я, конечно, не дизайнер интерьеров и на наличие безупречного вкуса не претендую, но слишком уж здесь все одинаково. Сразу видно, что с обстановкой квартир не заморачивались, просто отштамповали по единому принципу. Главное, чисто, удобно и современно. Уют, видимо, оборотням не требовался.

Осмотр кухни произвел на меня положительное впечатление, нет, скорее, даже великолепное. Я заглянула в холодильник и забыла обо всех остальных мелочах, даже плюнула на то, что он тоже был бежевого цвета. Ну правда, какая разница какого цвета холодильник, когда внутри него столько еды? Мы хоть и перекусили после моего падения в обморок, но для меня, не съевшей ни единой крошки с самого утра, это было как-то несерьезно. Правда, вчера я об этом даже и не вспомнила, а вот сейчас, увидев аппетитные сосиски, поняла насколько была голодна.

Разогрев их в микроволновке (уж больно долгим мне казалось их сейчас варить), поджарила огромную сковороду пышного омлета и нарезала зелень с овощами. Просто божественно. М-м-м... кажется, я умерла и попала в рай.

Обойтись бы еще без нескончаемого потока мыслей в голове. Как только голод немного утих, они как по команде вернулись обратно. Оборотни... уму непостижимо! И я, воз-

можно, тоже буду становиться зверем. Эту информацию я приняла достаточно легко. Сколько раз замечала слишком быстрое заживление мелких ранок на теле. И запахи, которых мои знакомые не чувствовали. Эту странность за собой я уловила еще в детстве, привыкла с этим жить и никому-никому не говорить. Единственного раза, когда я сообщила девчонкам, что чувствую духи директрисы, находившейся на другом этаже, хватило, чтобы отбить желание делиться с ними этой информацией. Мне было шесть, и меня подняли на смех, тогда же я и отгородилась ото всех.

Что же до того, что мой отец волк – странно и волнительно. Но не от того, что он оборотень, а от того, что это мой отец, до сих пор не верилось в его наличие. Будь он хоть обезьяной, главное, что он меня не бросал. Он меня искал, и я ему нужна, поэтому все остальное неважно. Кроме того, конечно, что он будет жить после аварии, хотя сдается мне, что альфа-волк изначально в этом не сомневался, просто решил меня припугнуть. Только вот зачем ему это?!

Он меня не вспомнил, это без сомнений. Даже с учетом того, что обоняние у него должно быть лучше моего во много раз. И он мог бы как-то запомнить меня по запаху, но, видимо, это был совсем незначительный эпизод в его жизни. Что совсем неудивительно, с их-то продолжительностью жизни. Тем более, если Максим изучал мое досье, то ему и в голову не придет, что в семнадцать лет я целый месяц прожила здесь, в Новосибирске. По всем документам этот времен-

ной отрезок я провела в детдоме. Конечно, такое упущение с их стороны – несовершеннолетний подросток вместе со всеми документами пропал в неизвестном направлении. Когда я вернулась, заведующая первые пять минут меня чуть ли не целовала, потом, конечно, долго кричала, хотя правильнее было бы выразиться – орала, она орала на меня как сумасшедшая. Сама по себе она женщина неплохая, даже наоборот, порядочная, с правильными понятиями, заставлявшая людей себя уважать. Потому подставлять ее я совсем не собиралась, лишь хотела напоследок перед поступлением развеяться. Да уж, развеяться у меня получилось, не то слово как получилось.

Тяжело вздохнув и отогнав неприятные мысли и воспоминания, я пошла на разведку ванной комнаты.

* * *

– Ты вовремя, – произнес Васильев, как только я вышла из подъезда.

А я дар речи потеряла, и не только речи, кажется, и дышать разучилась, потому что с тех пор, как лифт начал спускаться, я не дышала совсем. Невозможно было находиться в маленькой кабине, заполненной потрясающим ароматом, принадлежавшим неизвестному черноглазому мужчине, от вида которого у меня вышибло дух и поехали мозги. Я не дышала, совсем не дышала. Один лишь раз вздохнула, когда

случайно налетела на него и стукнулась практически об его грудь. В тот момент, кажется, забрала частичку его запаха с собой... насовсем. Вобрала его в себя, впитав и запомнив навсегда. Господи странно-то как. Приложила ладони к горящим щекам и огляделась.

Максим внимательно за мной наблюдал. Еще бы... вела себя как чокнутая. В эту минуту тишины, когда мы встретились взглядами, я посмотрела на него оценивающе.

Он очень красив. Самый красивый мужчина из числа тех, с кем мне доводилось пересекаться. Природа-матушка сотворила его идеальным. Смотришь на него и не понимаешь, как мужчина с такими правильными и мягкими чертами лица может быть настолько мужественным. Чего только стоили его пухлые губы. Да половина женского населения этой планеты мечтает о таких, а вторая половина, возможно, уже стала обладательницами подобных же при помощи гиалуроновой кислоты. Нереальная красота, но все же... Все же он проигрывал незнакомцу с черными глазами по всем фронтам.

«Так, соберись, Яна, сейчас совсем неподходящее время для того, чтобы пускать слюни на мужчин».

– А ты, думал, что я опоздаю на знакомство с собственным отцом? – возмутилась, пытаюсь взять себя в руки и привести мысли в порядок.

– Ничего я не думал, просто женщинам обычно свойственно опаздывать.

– Это всего лишь стереотипы.

– Хочешь мне сказать, что ты никогда не опаздываешь?

– Нет, совершенно нет. Я как раз таки, опаздываю очень часто, но не из-за долгих сборов и наведения марафета и всего того, что вы там мужчины себе представляете. – Я остановилась возле его машины. – А потому, что очень люблю поспать, – после чего мечтательно улыбнулась, прикрыла глаза и покачала головой.

– Ну вот, а говоришь, стереотипы, и тут же подтверждаешь правильность моих убеждений.

– Я имела в виду, что скорость сборов человека и пунктуальность совсем не зависит от пола. Есть женщины, которые никогда в жизни не опаздывают, а есть мужчины, которые не способны приходить вовремя на работу, например, потому, что так же, как и я, любят поспать. – Волк в ответ на мои слова лишь фыркнул и завел автомобиль. – Нет, я не спорю, что женщинам присущи долгие сборы, но ровно настолько же, насколько и некоторым мужчинам.

– Ладно, уредила.

– Серьезно? – удивилась я и взглянула на его лицо.

Он улыбался, наверное, во все свои тридцать два зуба. Стоп. А у оборотней столько же зубов, сколько и у людей, или нет? Наверное, да, ведь, судя по всему, я одна из них, а у меня их двадцать девять. Недавно обзавелась зубом мудрости, ох, и попортил он мне нервы.

В этот момент Максим засмеялся, да так громко и чуть ли

не со слезами на глазах.

– У тебя такая богатая мимика, – смеясь, проговорил он, – даже боюсь спросить, о чем ты так напряженно задумалась.

– О зубах.

– Серьезно? – теперь уже заикаясь, переспросил он. – Доказывая мне, что у меня неверные убеждения, ты решила поразмыслить о зубах?

– Мне стало любопытно, у вас их тоже тридцать два? Как и у людей?

Мой собеседник проигнорировал этот вопрос, он вообще игнорировал меня всю дорогу, если так можно выразиться. Максим смеялся так, что не мог связать и двух слов. Успокоившись, поворачивался ко мне, чтобы что-то сказать, наткнулся на мой озадаченный вид и начинал смеяться вновь, не произнеся в итоге ни единого слова.

Когда мы подъехали к больнице, Максим враз переменился, и из машины вышел серьезный и собранный взрослый мужчина. Мне же больше нравился озорной, веселый и жутко обаятельный парень, каким он был в нашу первую встречу. И сейчас, смеясь в машине, Васильев был именно таким, каким я его запомнила.

Уже на входе Максим, приблизившись ко мне вплотную и обдав своим дыханием, прошептал прямо в ухо:

– Сорок два, – и отстранился.

– Что? – Он был сама серьезность. – Ты серьезно?

– В волчьей ипостаси, как у самых обычных волков, –

улыбнувшись, Максим подмигнул мне.

– Иди ты, – возмутилась и пошла вперед.

Пройдя пару метров, сообразила, что не знаю, куда идти, остановилась, посчитала парочку барашков про себя и обернулась.

Максим шел следом за мной, только очень-очень медленно, и опять был «мистер сама-серьезность».

– Я вот все думал, что же ты сделаешь, когда поймешь, что не имеешь понятия, куда идти, – хмыкнув, добавил: – ставил на то, что из вредности предпочтешь все выяснить сама.

– Ага, так мне и разболтали. Место нахождения пациента – конфиденциальная информация. Сомневаюсь, что моим словам об отцовстве кто-то поверил бы. Тем более могу поспорить, что здесь если не все, то половина точно оборотни. – Обратила внимание, что мой собеседник удивился. – Нет, ты правда думал, что я такая глупая? Не спорю, у меня противный характер, но считать из-за этого меня тупой как-то не айс.

– Вот умеете вы, женщины, все с ног на голову переворачивать. Нам на четвертый, – показал пальцем на табло, когда мы зашли в лифт.

– Тебя обидела какая-то женщина? – Я, конечно, не надеялась, что он вот так возьмет и выложит мне всю информацию о себе, но удержаться не смогла.

– Ты о чем? – Васильев явно удивился такой смене разговора.

– Ты все время поминаешь весь наш женский род, несмотря на то, что мы все очень разные. Это говорит о том, что кто-то тебя все же обидел или задел.

– Вот и я о том же! – Он махнул оттопыренным указательным пальцем в воздухе. – Вашу логику хрен поймешь.

– Ну да, ну да, – деланно вздохнула. – Слушай, а кто мой сосед в вашем доме? – решила опять сменить тему, и почему-то сразу в голову пришел черноглазый мужчина. Или он и не уходил из моей головы?

– Что за сосед?

– Так я тебя и спрашиваю.

– Опиши его.

– Ну он большой такой, – протянула я.

– А поконкретней? Девяносто процентов оборотней крупного телосложения.

– Да, точно, слово крупный к нему больше подойдет. Молодой, на вид не больше двадцати пяти, хотя с вашей продолжительностью жизни и не разберешь кому сколько лет.

Еще раз прокрутила в голове нашу встречу, чтобы припомнить детали. Мы прямо врезались друг в друга, когда он выходил из лифта, а я, захлопнув дверь, пыталась успеть в этот же лифт, пока тот не уехал без меня. Странно все как-то вышло, и я толком ничего не запомнила, кроме его больших и крепких рук на своих плечах. Еще чувство защищенности. Почувствовала себя такой маленькой рядом с ним. Впервые в жизни с моим далеко не низким ростом у меня возникло

такое ощущение рядом с мужчиной.

– Он темно-русый. Точно! И у него черные глаза, такие прямо нереально черные, – чуть повысила голос, не сдержав радости, что смогла вспомнить что-то более конкретное, кроме запаха и цвета глаз. Мы вышли из лифта и направились прямо по коридору, Максим выглядел задумчивым. Остановившись у одной из дверей и взявшись за ручку, он произнес:

– Я догадываюсь, кто это был, только странно, что он оказался с тобой на одном этаже, ему выделили квартиру выше. Но разберемся в этом и поговорим о нем с тобой позже, сейчас лучше не волнуй лишний раз Олега.

Сказав это, Максим повернул дверную ручку и вошел в палату. А я стояла и пыталась сообразить, что же в этом большом черноглазом волке не так, что даже Васильев напрягся и решил не беспокоить моего отца известиями об этом самом волке.

Хотя какое мне дело до этого мужчины, стою тут и размышляю, когда до встречи с отцом расстояние всего лишь в пару шагов.

Олег полусидел в кровати, облокотившись на несколько подушек и широко мне улыбался. Громко работал телевизор, у которого он тут же убавил звук, и, видимо, пытался встать, потому что Максим стоял очень близко к койке с довольно-таки угрюмым выражением лица.

– Привет, – как-то чересчур заодно, несмотря на свое со-

стояние, поздоровался со мной Олег.

А я просто смотрела на мужчину и пыталась уложить в своей голове, факт того, что это мой отец. И это было весьма трудно, ведь на вид Олег не намного старше меня и совершенно другой наружности. Светло-русые, практически золотистые, кудрявые волосы, прямой нос, ямочки на щеках, губы бантиком, большие серые глаза и озорной, можно сказать, мальчишеский взгляд. Ну прямо херувимчик с картинки, правда, двухметровый и бородатый, ну это ничего, сходство определено есть. О росте судить было сложно из-за его положения, но однозначно можно было сказать, что он достаточно крупный мужчина и два метра в нем точно найдется. Видимо, мужчины-оборотни и правда все такие большие, или, как сказал Васильев, девяносто процентов из них.

– Привет, – выдохнула в ответ. Никакие другие слова просто не шли в голову.

Глава 3

Игнат

Устроившись поудобнее в салоне самолета, улетал из Москвы с больной головой. Как будто мало мне было проблем в семье моего альфы, которые я ехал решать, так еще и волчица, с которой спал последний месяц, оказалась сущей мегерой. Самая настоящая дикая кошка, мать ее. Благо у оборотней хорошая регенерация, а то пришлось бы лететь с расцарапанным лицом.

До сих пор в голове не укладывается, как Виолетта посмела предъявлять мне какие-то претензии, да еще и накинулась на меня при этом чуть ли не с кулаками. Заявилась в мою городскую квартиру, когда я собирал сумку для поездки, и начала с самого порога:

– Ты невозможен! Я пыталась дозвониться до тебя два дня!

– Раз я не брал трубку, значит, мне было некогда разговаривать. На мой взгляд, весьма логично? – Отвернулся и продолжил свое занятие.

Судя по звуку и цоканью каблучков, Виолетта пошла следом за мной не разуваясь.

– Что ты делаешь?

Она пропищала это слишком визгливо, и я поморщился.

Чересчур неприятным оказался этот звук для моего слуха.

– Ты сама все прекрасно видишь, собираю вещи.

– Я вижу, что ты собираешь вещи, не делай из меня дуру.

Зачем? – А голос между тем становился все громче и громче.

– Я уезжаю.

– Опять? Стесняюсь спросить, куда на этот раз.

– Лучше бы стеснялась и дальше, а не вопросы глупые задавала. И вообще, что ты себе позволяешь? – Не выдержал и посмотрел на нее, выпустив немного подавляющей силы.

Сильная волчица. Опустила глаза, но продолжила гнуть свою линию.

– Ты должен быть сегодня вечером в Москве.

С самого начала она прекрасно знала, что ее ждет. Я не искал постоянных отношений, у меня бы просто не хватило на это времени. Мне нужен был только секс во время моего нахождения в Москве по первому требованию, для разрядки и какого-никакого, но отдыха от работы. Я и без этого особой сдержанностью не отличался, а если бы не спускал пар, давно бы перебил треть клана точно.

Думал, что наконец то попалась разумная волчица. Целый месяц продержалась без неуместной ревности и каких-либо претензий. А тут на тебе. Именно сейчас, когда нужно срочно лететь искать Татьяну, пока информация об ее исчезновении не просочилась дальше, чем нужно, Виолетта решила показать характер.

– Что тебе нужно? – Устало вздохнул и спросил девушку,

чтобы поумерить ее пыл. Планы менять в любом случае не стану.

– У меня сегодня показ, я думала мы пойдем вместе, – залепетала она.

– Какой показ?

– Ну как же? – Вита на секунду застопорилась и продолжила: – Моя первая коллекция, дебют в мире моде. Я же тебе говорила.

– Прости, но сегодня никак, – коротко произнес и не подал виду, что вообще впервые слышу о том, что она модельер.

Если честно, мне до лампочки было, чем она занимается в свободное от встреч время. Красивая, ухоженная, моему волку нравился ее зверь, секс с Виолеттой опять же был неплох, большей информации о ней мне и не нужно было знать. Как оказалось, зря. Серая волчица была настоящим стратегом в юбке.

– Что? – закричала она. – Да как ты? Да как вообще ты так можешь? Да ты... да я... – Видимо, нужных слов у нее не находилось.

– Что я? – застегнул сумку и понес ее в коридор, девушка поспешила за мной следом. – Давай ты уже скажешь все, что хотела. Только по существу, ладно? И я пойду уже.

До ее хорошенькой головки только в этот момент дошло, что в Москве сегодня я ни при каких обстоятельствах не останусь. И тогда ее-то и понесло. Виолетта подбежала ко

мне и начала махать руками. Пыталась меня ударить, но роста и силы ей однозначно не хватало. Перед тем как поймаю ее руки и окончательно успокоил, обзавелся парочкой царапин и выслушал все ее стенания. Какая же она бедная-несчастливая, столько терпела, выполняла все мои прихоти и желания, была услужлива и великолепна в постели, вела себя тише воды, ниже травы и не лезла в мои дела. И все это ради предстоящего показа. Именно сегодня я должен был там быть, дабы поднять ее авторитет в наших кругах, обеспечить будущую популярность и процветание бизнеса. В общем, от меня-то и требовалось всего лишь посветить своим фейсом, а я и на это оказался не способен.

Узнав подробности такого коварного плана, мне даже стало слегка жаль девушку. Вызвал еще одного водителя, посадил в машину и отправил восвояси с четкой уверенностью, что ни одной встречи с этой ненормальной впредь не допущу.

– Пожалуйста, пристегните ремень.

Стюардесса своей просьбой отвлекла меня от анализа сегодняшнего происшествия. Хм... довольно милая. Молоденькая и аппетитная. Только зверя ее совсем не ощущаю, наверное, полуровка, человек вряд ли бы попал на борт нашего самолета. У нас рабочих мест даже для волков желающих устроиться не хватает, зачем брать кого то со стороны?

– Как тебя зовут?

– Милена, Игнат Маркович.

Имя-то как подходит – милая Мила. И засмушалась... прямо святая невинность, куда бы деваться. Но для снятия скопившегося напряжения из-за мегеры, объявившейся в моей квартире, милый божий одуванчик будет в самый раз. Тем более полет долгий, надо же заниматься чем-то целых четыре часа, когда голова абсолютно отказывается работать.

– Скажи-ка мне, Милена, кто твои родители? Зверя твоего не ощущаю, кто из родителей волк?

– Отец, а вот мой зверь так и не проснулся, – грустно вздохнула девушка.

По итогу девочка оказалась неплоха и прекрасно скрасила время моего полета, чем значительно подняла мне настроение. Я даже позвонил секретарю сразу по прилету с распоряжением поставить ее в команду, обслуживающую все мои передвижения по воздуху. А то потом закручусь, забуду, да и не до того будет.

Новосибирск встретил меня пасмурной погодой, вечерней прохладой и двумя машинами во главе с одним из местных бет.

– Приветствую тебя, Игнат, на нашей территории, – произнес, протягивая мне руку, самый молодой помощник Васильева.

– Здравствуй, Тимур, где Максим или Олег? – Странно, что именно он меня встречает. Не был бы я еще младше оно-го и до сих пор формально не считался таким же бетой, мог бы принять это за оскорбление.

– Альфа уехал по делам клана, только завтра должен вернуться, а Олег сейчас в больнице.

Я подошел к одной из машин и поставил сумку в багажник.

– Давай-ка мне ключи, я сам поеду, а ты забирай всех своих волков во вторую машину, покажите мне дорогу. Давно у вас не был. Уже и забыл, где дома стоят.

Взял ключи, закрыл багажник. Тимур продолжал стоять на месте, значит, теперь можно и полюбопытствовать.

– А что с Ребровым, почему в больнице?

Олег сильный, взрослый волк, даже представить сложно, что могло вывести его из строя настолько, что он угодил в больницу.

– Попал в автомобильную аварию, когда находился довольно далеко от всех наших поселений, а на место происшествия приехали люди и увезли в свою больницу. Естественно, он не мог долгое время перекинуться, что не способствовало быстрому заживлению переломов. – Бета тяжело вздохнул. – Он почти перешел черту, найди мы его на пару часов позже, мог бы уже и не выкарабкаться.

– Кругом черт-те что творится, и у вас тут тоже странности. Первый помощник альфы такого большого клана, один, так далеко и в такой ситуации, – хмыкнул, – на покушение смахивает.

– Игнат, на что ты намекаешь? – ошетинился волк.

– Я прямым текстом говорю, что дурной запах у этого де-

ла, впрочем, это не мои заботы. Максим приедет, пусть разбирается. – Хлопнул бету сибирской стаи по плечу и поспешил закончить разговор. – Давай по машинам, мне бы быстрее где приземлиться, не спал двое суток.

Сел в машину и завел двигатель, дождался, когда вторая машина тронется с места, и поехал следом за ними. Не нравился мне этот Тимур никогда. Мутный парень. Многие к нему относились несерьезно из-за его возраста, ему всего-то пятьдесят. Только я прекрасно знал, что и в более раннем возрасте можно стать серьезным противником. Вряд ли, конечно, именно он замешан в происшествии с Ребровым, но то, что авария – спланированная акция, я не сомневался ни минуты. У меня особый нюх на такие дела. В нашем клане раз за разом такое происходит, постоянно кто-то кого-то подставляет, желая выслужиться перед Назимовым.

Если бы погиб такой волк, как Олег, было бы жаль. Мне всегда жаль толковых ребят. Альфа сибирской стаи и Ребров, насколько я знаю, друзья с самого детства, они почти вдвое старше меня, но это никоим образом не мешает нам поддерживать приятельские отношения. Дружбой я это не назову, у меня вообще нет друзей. При положении, которое я занимаю, любой, кто не будет меня бояться, может воткнуть нож в спину, а что это за дружба, когда один опасается второго?!

Чуть меньше чем через час мы подъехали к шлагбауму, стоящему на въезде в микрорайон, включавший в себя шесть

высоток и развитую придомовую территорию. Хорошо они здесь все обустроили. Факт.

– Вот ключи от квартиры, – подойдя к нужному подъезду, протянул мне объемную связку Тимур, – семнадцатый этаж, дверь налево.

Я быстро оглянулся на высотку и прикинул, что этаж мне достался предпоследний, быстро смекнул, что у них устроено все по тому же типу, что и в Москве, да и в других центральных городах.

– Двухуровневая?

– Да, там по соседству квартира альфы.

– Альфа по соседству – это, конечно, хорошо, – усмехнулся, – но давай мне что-нибудь пониже, – подумав, на всякий случай уточнил: – одноэтажное.

Всучил ключи ему обратно. Бета от такой неожиданности даже замер на пару секунд, но, плюс ему, быстро сориентировался.

– Захар, – подозвал одного из стоящих в стороне волков, – сбегай во второй корпус, возьми у дежурного ключи, кажется, четырнадцатый этаж свободен.

– Понял, Тимур, – кивнув, молодой волк развернулся и убежал.

– Сколько ему? Совсем молоденький.

– Семнадцать, – ответил Тимур, посмотрел на меня со значением и, опережая мой вопрос, продолжил: – в этом году только школу закончил, подрабатывает на летних кани-

кулах. Еле уговорили его обучаться по профильной специальности, работать хотел. Отец у них умер три года назад, и остался Захар единственным мужчиной в семье, вот и возомнил, что уже достаточно вырос и должен содержать мать и трех сестер.

– Достойное желание. Забота о семье – это святое.

– Никто не спорит, что достойное. Только вот парень толковый, прирожденный технарь, любая техника в руках оживает. Сам знаешь, что грубой силы у нас достаточно, а вот настоящих спецов в разных профильных направлениях не так уж и много.

– И не говори, Тимур, объясняешь им по сто раз: надо учиться, надо! Пока клан помогает и поддерживает. А такое большое количество людей и закрытые помещения нужно просто перетерпеть, – улыбнулся, вспомнив своего альфу. – Назимов уже шутит, что у него мозоль на языке от постоянных нравоучений старшеклассникам образовалась.

Пока мы обсуждали насущную проблему нашего вида – нежелание волков долго обучаться, а оттого и нехватку своих спецов в разных профессиях – парнишка вернулся с ключами. Быстрый малый, и даже не запыхался.

– Вот. Двадцать седьмая квартира, четырнадцатый этаж.

– Спасибо. Захар, да? – Увидев кивок мальчишки и положив руку ему на плечо, продолжил: – Ты молодец, что все-таки выбрал учебу. Этим решением ты обеспечил свое будущее, будущее своей семьи и всех волков вместе взятых. Нам

очень нужны ценные кадры, чтобы со временем мы абсолютно во всем перестали зависеть от людей. И просто прекрасно, что хоть кто-то из вас, подрастающего поколения, это понимает.

Надеюсь, что смог его воодушевить и подбодрить. Захар кивнул, посмотрел на бету и, дождавшись кивка от последнего, поспешил прочь, попрощавшись напоследок.

– И я пойду. Лунной ночи тебе, Тимур, спасибо, что встретил.

Пожал руку бете и поспешил на четырнадцатый этаж. Квартиру мне выделили небольшую, как я и хотел, но довольно комфортную. Не разбирая вещей, направился сразу под холодный душ. Надежда хоть чуть-чуть взбодриться не оправдалась, но попробовать все же стоило. Уснул уже через две минуты на первой попавшейся горизонтальной поверхности, сказались двое суток постоянного бодрствования.

Поспать получилось минут тридцать. Проснулся от звонка, на который просто не имел права не прореагировать. Поступила информация о более точном месте нахождения Татьяны, ждать до утра я, естественно, не мог. Умылся и, взяв ключи, от машины, отправился по указанному адресу. Даст луна, сегодня же улечу обратно вместе с парой нашего альфы и завтра уже ночевать буду дома, в своей, так обожаемой мною кровати.

Надежды мои не сбылись. Всю ночь ездил по указанным информатором местам. Будил людей и общался с видевши-

ми ее. Конечно, на контакт они шли неохотно, но что делать, приходилось убеждать, что это в их же интересах. Татьяну не нашел, но узнал, что в этом городе она и правда находилась какое-то время. Так же узнал, что она искала следы пропавшей двадцать с лишним лет назад внучки Назимова – Марии. Этот факт был странным, но он с лихвой объяснял ее спонтанное исчезновение.

По итогу возвращался утром в выделенную квартиру злой, усталый и до сих пор жутко не выспавшийся. На часах было восемь утра, в Москве – четыре, как раз пару часов на сон перед докладом альфе у меня было.

Лифт издал сигнал о прибытии на нужный этаж, и не успели до конца раскрыться двери, как на меня налетела девушка. Красивая девушка, да что там, очень красивая, намного ниже меня, но выше среднего роста. Она подняла голову, посмотрела прямо мне в глаза, и я потерялся в них, как бы по-бабски это ни звучало. Но я смотрел в светло-зеленые омуты, и у меня кишки скручивало, учащалось дыхание и мурашки, как сумасшедшие, бегали по спине. Руки инстинктивно сжались на ее плечах, а волк ошалело принюхивался и пытался учуять ее волчицу. Конечно, его ждало разочарование, зверя у этой девочки не было. Я сам с расстройством выдохнул и отпустил ее, как бы тяжело это ни было сделать. Промелькнула мысль, что она могла бы оказаться моей парой.

Только вот девчонка отошла назад сразу, как почувствовала свободу от моих рук, сковывавших ее движения.

– Извините, я просто очень спешу, – не произнесла, а пропела она.

Растерянно улыбнулась и поспешила за мою спину в лифт. Только тогда я сообразил, что так из него и не вышел, вовремя успел нажать на кнопку, отменяющую закрывание створок. Обернулся, бросив последний взгляд на девушку, и, кивнув ей, вышел. Все это происходило на автомате, тогда как в голове билась одна единственная мысль: «Да, у девчонки не было зверя, но у нее было кое-что другое. Необыкновенное сходство с Марией Назимовой и безумно сексуальный с легкой хрипотцой голос».

Глава 4

Яна

– Так, Макс, свали отсюда, видишь, девочка стесняется. Не удивлюсь, если тебя.

Пока мои брови поднимались все выше и выше от такого панибратского отношения к своему жожаку, отец продолжил, на этот раз обращаясь уже ко мне:

– Наверное, достал он тебя за время поездки своим постным выражением лица, – похлопал по пустому месту на своей кровати, – садись ко мне поближе, я хоть получше тебя рассмотрю.

Я замешкалась буквально на пару секунд, но Олег успел это заметить.

– Да не бойся ты, я хоть и серый волк, но маленьких девочек вместе с их бабушками не ем, – и сделал печальное выражение лица.

Боже! Я давно так не смеялась. Потрясающее умение разряжать накаляющуюся обстановку вокруг себя, да еще и с такой легкостью.

– А ты и правда серый? – вторила ему и поспешила присесть рядом.

– Конечно, по глазам же заметно, я сейчас истощен, и они выдают меня с головой. – Заметив мое растерянное выраже-

ние лица, Олег окликнул направлявшегося на выход Васильева: – Ты, что ей этого про нас не говорил? – Максим в ответ покачал головой. – А что тогда ты ей рассказывал? – не унимался Олег.

– Практически ничего, – поспешила я пожаловаться на альфу, – про вашу продолжительность жизни, – начала загибать пальцы, – наличие истинных пар, – задумалась, приложив палец к губам, – и, кажется, все.

– А о чем вы тогда так долго общались? Путь-то неблизкий.

– Вспомнила! – опять вмешалась в разговор. – Еще я теперь знаю, сколько у волков зубов.

Сказала довольно серьезным тоном, так что отец не сразу понял, к чему это я вообще. Максим на это патетично взмахнул руками и проговорил:

– Сумасшедшие, вы однозначно родственники, даже сомнений никаких. Знакомьтесь, разбирайтесь во всем, общайтесь. Только без меня, ладно?

И, не дождавшись ответа, ушел.

– И что это было? – слегка укоризненно спросил отец.

– Да ничего такого, просто мне в голову пришел интересный вопрос: у оборотней столько же зубов, как и у людей, или нет? В общем-то, твой Макс мне так и не ответил, сказал только про волчью ипостась и все, – притворно-горестно вздохнула и захлопала глазами.

– Ясно все с вами. В человеческой ипостаси мы такие же,

как и обычные люди, только сильнее и выносливее. Даже ту же регенерацию при сильных повреждениях можем запустить, лишь перекинувшись в волка. Чего, собственно, я и не смог сделать, когда очнулся в человеческой больнице сразу после аварии.

– Мне же этого никто не объяснил. Расскажи еще какие-нибудь ваши фишки, типа этой с глазами. И про глаза, кстати, поподробнее, пожалуйста.

– Когда появляется зверь, глаза у человека меняются, становясь того же цвета, что и окрас волка. Ненадолго, когда дети начинают лучше себя контролировать, их родной цвет глаз возвращается. А волчий появляется только в моменты всплеска сильных эмоций, радости, переживания, злости или слабости, как у меня сейчас. Еще когда оборотень на грани обращения. – Говоря все это, Олег как-то враз поменялся и из насмешливого парня, превратился в серьезного молодого человека, понимающего значимость своих слов и говорящего о действительно важных вещах.

– Получается, сосед по моей лестничной площадке черный волк? Я в него врезалась, забегая в лифт, – уточнила, а затем хлопнула себя по лбу. – Максим сказал не говорить тебе о нем, а я и забыла. Хотя что в этом такого?

– Странно, зачем ему пытаться скрывать что-то настолько пустяковое? – задумчиво проговорил отец.

– Говорит, тебе меньше надо волноваться, – пожала плечами.

– Ладно, вернемся к твоему вопросу. Если глаза были черными, то, скорее всего, так и есть, и зверь его черный, только должен был быть какой-то фактор, который вывел его из равновесия, или... – Он запнулся на полуслове. – Поддай-ка мне телефон, он вон там, на тумбочке лежит.

Поспешила выполнить его просьбу и начала прислушиваться к разговору. Мне стало очень любопытно, что же пришло ему в голову так внезапно.

– Серега, здорово. Да все в норме уже, лежу, поправляюсь, бока наедаю. Сам как? Ага, да, ну хорошо. У меня к тебе вопрос: к нам никто не прилетал из чужих стай? Да? Тимур встречал, ну понятно. Спасибо за информацию. Ладно, буду дальше наслаждаться отдыхом. И ты тоже не хворай, лунных тебе.

Отдал мне обратно телефон, я на автомате положила его на место, продолжая по-прежнему внимательно смотреть на отца, который не заставил долго ждать каких-либо объяснений.

– В общем-то, я сразу так и подумал. По соседству с тобой остановился один из бет центрального клана, самый приближенный к Назимову. У Романова в любом состоянии глаза черные, причем сразу заметно, что это не обычный человеческий черный цвет, согласись? – После моего кивка продолжил: – Почему у него всегда такие глаза, он никому не докладывает, но других таких волков я не встречал.

– А с чего ты взял, что это он, ну в смысле, вдруг это обыч-

ный черный волк, у которого потемнели глаза?

– Это очень маловероятно. Ты еще пока не разбираешься во многих наших тонкостях. Начнем с того, что черных волков очень мало и в нашем клане их всего трое. И даже если бы это был кто-то из них, чтобы на подходе к своей квартире у волка переменялись глаза, должно было случиться что-то экстраординарное. А тут врезался в него кто-то в лифте, и что с того? Если бы ты была парой его зверя, такое могло бы случиться, но у тебя-то второй сущности пока нет, и неизвестно появится ли... Так что я сложил два и два. Все просто.

Сказав все это, он щелкнул меня по носу. Серьезно? Боже, это так мило. Со мной никогда никто не общался в такой легкой и в то же время воспитательной манере.

– А почему тогда Максим не хотел, чтобы ты про это узнал? – прищурилась я.

– Ну тут все тоже элементарно, это его косяк, точнее, его помощников, что тебя поселили рядом с таким волком. – Даже рот открыть не успела, как он продолжил: – Ты молодая девушка без зверя, тебя легко соблазнить, очаровать, использовать или просто обидеть, особенно такому жестокому волку, как Романов. Ни одному нормальному отцу не понравится такое соседство с его дочерью. Я тебе даже больше скажу, могу поспорить, что твои вещи уже перевозят, ну или собираются вот-вот перевезти в другую квартиру.

– Что? Не надо! – возмутилась. – Мне там очень понрави-

лось, и я пока не хочу никуда переезжать! Можно?

Почему я так сильно не хотела съезжать, сама не знала, ведь мне было абсолютно все равно, где жить. В этой квартире или в еще одном ее таком же безликом близнеце. Просто странное чувство сидело червячком внутри меня. Причем чувство это, не понятное и до сих пор не приобретенное четких границ и очертаний, грызло меня изнутри и настаивало на еще одной встрече с тем большим черноглазым мужчиной. Интересно, сколько ему лет, старше или младше отца? Этих оборотней и правда не разберешь. Но взгляд его говорил, что это человек с большим багажом знаний и опыта.

– Ладно-ладно, разве перед твоими милыми глазками можно устоять и не выполнить твою просьбу? – вырвал меня из воспоминаний голос отца. – Сейчас позвоню Максиму.

Он сам дотянулся до телефона, лежащего на тумбе, на этот раз не прибегая к моей помощи. И коротко дал указания своему альфе, как бы абсурдно это ни звучало, но было это именно так, по-другому назвать их общение было сложно. Олег манипулятор еще тот, сразу видно, как легко он использовал свое состояние.

Замолчал и просто уставился на меня, глаза в глаза, уже без прежних смешинок, серьезно так, я даже успела заметить быстро проскользнувшую печаль в его взгляде.

– Ты очень похожа на мать. – Ах вот оно что, наверняка он вспоминал ее. – Несмотря на то, что знакомы мы были всего месяц, в течение которого я отдыхал в Москве. С тех

пор прошло уже двадцать два года. Сколько женщин у меня было за это время, и не упомнишь, но ее образ до сих пор со мной, вот здесь, – приложил ладонь к груди, – не знаю, почему так. Но предполагаю, что она была полукровкой с еще спящим внутри зверем, который мог бы стать моей парой. Других объяснений у меня нет, тем более такая быстрая беременность тобой только подтверждает мою теорию, – печально улыбнулся и погладил меня по щеке. – Ты мой единственный ребенок, а мне уже ни много ни мало, а восемьдесят один.

И замолчал, наверное, ожидая моей реакции, которая не заставила себя долго ждать... Челюсть моя отвисла, а словарный запас просто закончился в этот самый момент. Увидев, какое произвел на меня впечатление, отец продолжил:

– Твоя мать была молодой. Когда мы встретились, Марине было девятнадцать. Зверь у полукровок-женщин просыпается от двадцати до двадцати пяти, у мужчин раньше, с пятнадцати до двадцати. Если не проснулся к этому времени, то шансов на обретение второй ипостаси не будет уже никаких.

– А чистокровные оборотни когда обретают вторую ипостась? – Мне вдруг стало очень интересно. – А живут сколько? Получается, они живут дольше полукровок? Сколько проживу я?

– Чистокровные мальчики начинают оборачиваться с семи-восьми, у самых слабых оборот происходит к пятнадцати. Девочки позже, с десяти и до семнадцати, как раз к пе-

риоду полового созревания. – Он взял меня за руку и продолжил: – Я очень надеюсь, что твоя волчица проснется и ты проживешь достаточно долго. Если зверь не просыпается, полукровки живут около ста лет, а если проснулся, то они перестают вообще чем-либо отличаться от обычного оборотня. Двести пятьдесят-триста.

– Вау, ты прямо меня простимулировал, и я теперь жуть как хочу обернуться волчицей.

– Все хотят. Только вот получается, сама понимаешь, это далеко не у всех.

– А как у вас все устроено? Как определяется сильнейший? Альфа. Почему кто-то альфа, а кто-то бета?

– Вообще все эти понятия пришли с запада и не до конца к нам подходят. – Олег усмехнулся и продолжил: – Поговорка, что у русских все не как у людей, подходит так же и к нам – волкам, населяющим Россию. Как Назимовы давным-давно поделили территорию, так и живем. Легендарная, кстати, личность, ему уже двести шестьдесят, а до сих пор у руля. Это я отвлекся, в общем, так, – потер ладошки и продолжил: – У нас на всю огромную территорию страны всего три клана, Центральный, Сибирский и Дальневосточный с тремя альфами. Естественно, волков с альфа-волнами намного больше, и они возглавляют поселения, входящие в эти кланы, только называются они формально бетами. Хотя внутри своего поселения их признают альфами. Альфа у нас – это вожак, а беты – его помощники. Но, как сама по-

нимаешь, из-за территории у нас все немного не так.

– Ну как-то вроде да, – неуверенно пробормотала, на деле мало что понимая.

– Ага-ага, поняла она. Учитель из меня еще тот. – Отец призадумался, барабанил пальцами по стоявшей рядом тумбе. – Ну давай пример на нашем клане?

Я только лишь кивнула в ответ. Хотя и не все понимала, но его действительно было интересно слушать, он рассказывал с таким азартом, что я невольно заражалась от него интересом к обсуждаемой теме.

– Наш клан называется Сибирский, чтобы тебе удобнее было представить, то по административному делению Российской Федерации это Сибирский и Уральские округа, без Бурятии и Читинской области. Если субъектов РФ на этой территории семнадцать, то наших, территориальных кланов двадцать четыре, поселений и того больше. Так же формально у нас имеется один альфа, Васильев Максим, и семьдесят бет, а по факту двадцать девять волков, включая Васильева, обладающих альфа-силой, и сорок один – бета-силой.

– Ого, – удивилась я, – получается, кланов на всех альф не хватает? И как Максим управляется с таким количеством волков?

– Ну на то и есть мы! Его беты, – шуточно постучал себя по груди, – а если кого-то что-то, не устраивает, он может вызвать на поединок любого бету или альфу, соревноваться за его место. Мне самому по наследству достались аль-

фа-волны, но, видимо, я какой-то бракованный, потому что не стремлюсь к власти, и, если бы не Макс, даже бетой не был бы. Тяжело, конечно, управлять таким большим кланом, но у нас очень много свободной земли, а вот центральный клан включает в себя просто нереальное количество волков и территориальных кланов. В свое время Назимов столько боев выиграл, мама дорогая, а сейчас его никто и не вызывает на поединки. Может, бояться и уважают до сих пор, а может, подступиться не могут. Сначала надо победить его преемника, первого бету Романова, черного волка, на которого ты успела напороться. Силы в нем просто немерено.

– А откуда вообще берется у вас эта сила? Ты упомянул про наследство, то есть от отца к сыну? И влияет ли она как-то на окрас?

Становилось все интереснее и интереснее. Фэнтези особо никогда не увлекалась, но, как и многие, наслышана об оборотнях, оттого было интереснее подмечать в чем-то схожесть с общеизвестными фактами, а в чем-то, наоборот, диаметрально противоположность им. А проскользнувшее в речи отца упоминания о черноглазом волке и вовсе подогрело мой интерес до пожароопасной отметки.

– Да, ты поняла правильно – альфа и бета-волны передаются только по наследству и то не всем, рождаемость у нас также очень низкая. Дети появляются на свет довольно редко и только от истинных пар, это более частое явление. Поэтому не всегда от отца к сыну может перейти сила, иногда она

переходит и к дочерям. – Отец задорно подмигнул и продолжил свой рассказ. – А что касается окрасов волков, то мы, как и обычные волки, бываем черными, серыми, бурыми и белыми. Сила на окрас не влияет, скорее наоборот. Черные волки сильнее всех остальных, почему так? Никто не знает, так же, как и то, почему белые – самые слабые, но они обычно компенсируют свою слабость хитростью и высокими умственными способностями. Причем и те, и другие виды довольно малочисленны. Если подсчитать общую численность волков, то белые вместе с черными составляют одну восьмую от общего числа, это по моим последним данным, может, что и изменилось за пару-тройку лет.

– А вот этот Назимов, да? – дождалась кивка и продолжила: – Ты уже столько раз упоминал его имя, так чем он такой особенный? – Отец посмотрел на меня выпученными глазами. Ого! Я свои не умела так округлять. Подняла руки и поторопилась: – Я поняла, что он очень старый и самый сильный, но разве этого достаточно, чтобы стать легендарным, как ты его назвал?

На самом деле мне крайне необходимо было узнать что-то еще о моем соседе, я не понимала, чем продиктовано такое желание, но продолжала ему потакать. И только сейчас до меня дошло, что за все время пребывания с отцом я ни разу не вспоминала альфа-красавчика Максима, этот факт не мог меня не порадовать.

– В этом ты абсолютно права, только лишь этого было бы

недостаточно, но чтобы понять, надо погрузиться в историю. Готова меня слушать?

Я с радостью кивнула.

– Наверное, ощущаешь себя как на уроке.

– Знаешь, и правда, – усмехнулась, – довольно непривычно после целого года работы с малышами самой с таким упованием слушать чьи-то поучительные рассказы. Но у тебя это действительно круто получается.

– Ох, Яна. Ну ты и лиса, – рассмеялся отец. – Значит, слушай.

И я действительно заслушалась. Дальнейший рассказ Олега приобрел форму, а картинки происходящего сами собой вставали перед глазами.

– Формирование наших кланов, а также их должное развитие значительно замедлялось существованием крепостного права на Руси, а затем и в Российской Империи. Обратни объединялись как могли, но согласись, если ты человек подневольный, не так-то просто поменять свою жизнь. Были какие-то небольшие группы внутри земской общины. Либо оборотни-дворяне, объединявшиеся в сообщества, кружки по интересам, как считали многие другие. Сама понимаешь, их было не так уж много. Как ни странно, за долгий период такого существования никто не пытался изменить сложившуюся ситуацию. Для всех это было, – он ненадолго замолчал, видимо, подбирая слова, – привычно, что ли, и воспринималось как данность. Пока однажды молодой тогда князь

Назимов, отец того, о котором ты меня спросила, – уточнил Олег, – не поехал в путешествие по Европе. И то, что он увидел там, его поразило. В особенности уклад, сложившийся в Англии и Шотландии, где его сородичи могли занимать практически целое герцогство, и отношения там были словно в семейном кругу. Тогда Александр Назимов по приезду на родину в 1790 году решил посвятить свою жизнь созданию таких обширных кланов на территории Российской Империи. В голову ему не пришло лучшей идеи, чем ездить по стране и скупать встречавшихся ему оборотней, если те были крепостными. Свободных же он просто звал на свои земли. Не все выходило гладко, например, кто-то не хотел уезжать из родных земель, и тогда он принял решение покупать вместе с волками и землю в их уездах. Многие семьи преобразовались в общины и остались жить самостоятельно, но все как один признавали Александра своим альфой. Он занимался этим больше ста лет, пока трагически не погиб, тогда за дело взялся Николай. Но если смыслом жизни его отца было создание Империи, то Николай всю жизнь старался ее сохранить, уберечь и расширить. История в те времена писалась прямо на глазах, крепостное право отменили еще при его отце, что значительно облегчило Николаю процесс. Но вот события, произошедшие в начале двадцатого века, внесли сумятицу.

Как бы ни было, но оборотней все равно было меньшинство, и Николай не мог повлиять на политическую ситуацию,

не было у него тогда еще достаточного влияния. Отца его убили во время Первой мировой, тогда же перестал существовать и еще один князь Назимов. Николай, наперед просчитавший многое, превратился в Николку Назимовского, сберег все нажитое добро с помощью сородичей и начал выступать против власти императора. При образовании СССР он получил одну из самых высоких партийных должностей и уже тогда начал продвигать всюду, где только мог, свой народ. Когда политик Николка ушел на пенсию, на его место пришел его протеже, естественно, оборотень. А вскоре появился молодой подполковник Назимский, который прошел всю Великую Отечественную бок о бок с солдатами. На линии фронта женился на полукровке из Польши, оставшейся сиротой, и за год до окончания войны у них родился сын. По окончании войны стал генералом и еще лет пятнадцать жил на виду, потом просто на слуху. Тогда же, кстати, он окончательно объединил в центральный клан многочисленные территории. До этого такие сильные кланы, как южный, приволжский и питерский относились к центральному лишь формально и жили автономно, с тех пор они начали подчиняться московскому альфе Николаю. Многие пытались изменить ситуацию, многие не хотели признавать его власть, но он день за днем доказывал право сильнейшего, отвечал на любой вызов и побеждал во всех поединках. За эти годы заработал такую устрашающую славу, что его боятся до сих пор, и вот уже почти пятьдесят лет ему никто не бросал вы-

зов, хотя он давно немолод. Ну про поединки мы уже с тобой говорили, возможно, тут дело в его бете.

– Что было дальше? – поторопила я отца.

– А дальше... Еще в шестидесятых он опять появился в политике, только как сын генерала, и начал расширять сферы влияния. В восьмидесятых опять ушел в тень. А вот в начале девяностых в Россию вместе с внушительным капиталом приехал князь Назимов, дедушка которого, как выяснилось, – Олег хмыкнул, выгнул бровь и указательным пальцем помахал в воздухе, – сбежал во Францию после Первой мировой. И начал этот эмигрант строить свою теперь уже финансовую империю. Ну и сейчас мы имеем то, что имеем: все тот же Николай Назимов, российский миллиардер, владелец газет, заводов и пароходов, не имеющий официальных наследников. Это все, что известно людям. Для нас же он один из самых сильных альф России, объединяющий не самый большой по территории, но самый большой по численности в России клан.

– А самый большой по территории, получается, ваш?

– Да, малышка, как я уже говорил, если рассматривать административную карту Российской Федерации, то нам подконтрольны территории Сибирского и Уральского округов.

– А на Дальнем Востоке тоже есть стаи?

– И там. Кстати, он ненамного уступает нам в территории, но значительно в населении.

– Все так же, как и у людей, – вздохнула я.

– Наши жизни и история тесно переплетены и связаны между собой, поэтому ничего удивительного. – Немного помолчав, он добавил: – Есть еще белорусская и украинская стаи, они не входят в европейскую, первые подвластны Назимову, но фактически сами по себе, у них суверенитет такой своеобразный, и дружба на века. Отец молодого белорусского альфы прошел отечественную войну бок о бок с Назимовым, тогда-то они и сдружились. Третьим их другом был украинский альфа, но умер еще в 1988, там была очень странная история. Молодой волк вызвал его на поединок, и все на первый взгляд было честно, кроме того, что не мог матерый волк так быстро и легко проиграть. Николай поехал разбираться, и как раз в этот период умер его старший сын. Все, что он успел, – это вызвать на поединок и убить мухлевавшего волка, а потом ему пришла новость из дома, и он уехал, не пожелав разбираться с тем, что происходит в клане, предоставив их самим себе. До сих пор, кстати, не поддерживает отношения с тамошними волками, считая их предателями, ведь Костюченко подставил кто-то из близких.

– Да уж, вот это история. Так странно, что кто-то, кто существовал на свете столько лет назад, до сих пор жив. Не могу даже, в голове уложить, что события, являющиеся для меня историей, кто-то пережил и с ним можно пообщаться даже сейчас.

– Ну вряд ли тебе так запросто удастся пообщаться с этим волком, – ухмыльнулся отец.

– Я это образно имела в виду. Он жив, в состоянии разговаривать, мыслить здраво и помнит войну. – я взмахнула руками.

– Да, волки, воевавшие в Великой Отечественной, – это практически отдельный вид. Нам, рожденным в послевоенный период, до них еще расти и расти.

– Слушай, пап, а ты упомянул, что у Назимова нет наследников. – После кивка переспросила: – Прямо совсем? И что же будет с его кланами, когда он умрет, ведь он немолод и по вашим меркам тоже? – сыпала я вопросами и даже не заметила, как легко из моих уст вырвалось такое незнакомое мне слово: «папа».

– Совсем. Был еще младший сын, но там совсем все печально, в 1997 году взорвался на машине вместе с годовалыми детьми. У него близнецы были, большая редкость для таких, как мы, – печально произнес Олег. – Еще у Назимова есть необратившаяся дочь и была внучка, ребенок старшего сына, но тогда же, в 1997, про нее перестали упоминать, как будто нет ее и все. Только домыслы и слухи, что жена Назимова тогда сошла с ума, она же полукровка, у нее менее устойчивая психика, и пойдя разбери их, что правда, а что вымысел.

– Как-то все очень печально.

– Ничего, у него еще есть названный сын. Сосед по твоей лестничной площадке, – замолчал, видимо, дожидаясь, пока эта информация уляжется в моей голове и продолжил: – Иг-

нат Романов воспитывался Николаем с девяти лет, вот он-то и станет скорее всего преемником. А сможет ли удержать власть в своих руках, покажет только время. Желаящих отгрызть у него по лакомому кусочку много, но и Романов сам не промах, молодой еще, а уже один из самых сильных альф, да и хватка у него ого-го. Зубы о него многие уже пообломали.

– Как же у вас все устроено странно... и интересно. До сих пор ощущение какое-то необычное, как будто в другой мир попала, или мир тот же, только какой-то искаженный, а может, реальность другая? – приложила палец к губам и удивила отца. – А может, я сплю? А? Впала в кому и вижу чудные сны... ай!

Отец меня ущипнул, причем больно так ущипнул. И мы вместе расхохотались. До сих пор не могла поверить, что сидящий рядом со мной красивый молодой мужчина приходился мне отцом и ему не двадцать пять, как казалось на первый взгляд, а все восемьдесят. Но родство душ мы почувствовали сразу, не знаю, как он, но я смущалась только первые пять минут общения, а потом стало необыкновенно легко и просто. И волнами на меня накатывало ощущение ничем не замутненного счастья, такого всеохватывающего и поглощающего, абсолютного счастья. Семья. Как много значило для меня это слово, как же дорого оно стоило, кто-то родной в этом одиноком и враждебном мире. Подчиняясь минутному порыву, я подалась к отцу и крепко обняла его

за шею, уткнувшись носом в крепкую грудь. Боже, как же от него невообразимо пахло! Запах дома! Я даже не знала раньше, что существует такой запах, но в это мгновение безошибочно его распознала. Может, дело в моем нюхе полукровки, более совершенном, чем у людей, а может, просто в осознании, что на этой земле наконец-то появился человек, которому я нужна не из-за чего-то, а просто потому что я это я, его родная кровь.

Глава 5

Яна

Оставшееся время мы просто болтали. Обо всем и ни о чем одновременно. Мой порыв сблизил нас окончательно, и разом как будто не стало долгих лет разлуки.

За это время успели принести обед на двоих, кормили, кстати, здесь отлично. Еще приходила лечащий врач отца. Красивая, но очень строгая волчица Мария. Она же и отправила меня домой, перед этим как следует отчитав. Видите ли, я совсем не берегу отца и не забочусь о его здоровье, ему сейчас вредны любые переживания и такие длительные нагрузки. Что она подразумевала под нагрузками, я, если честно, так и не поняла. Но послушаться ее пришлось, даже отец у нее ходил по струнке. Хотя, наверное, если правильнее подбирать слова, то лежал по струнке.

– Я сейчас позвоню, за тобой приедут. – Он уже было потянулся к телефону, но я поспешила его остановить.

– Не надо, я хочу прогуляться. – Встала и потянулась. – Знаешь, мне нужно размяться, – беззаботно улыбнулась, – и о многом подумать, столько новой информации, которую так сразу и не осмыслишь.

– Ты же можешь потеряться, – возмущился новообретенный папочка.

– Уже включил режим строгого отца? – Подошла к нему и поцеловала в макушку. – Не нужно. Я же двадцать один год как-то прожила и не потерялась. Тем более тут не так уж и далеко. Мы довольно быстро доехали, пешком буду не дольше часа добираться.

– А ты, значит, включила режим капризной дочурки, вьющей веревки из родного отца?

И притворно нахмурился, я просто не могла не рассмеяться и не потрепать его за волосы. Такие шикарные золотистые завитки, и почему они не передались мне по наследству?

– Ладно, иди уже, вымогательница. А то, боюсь, если неугомонная Мари вернется и застанет тебя здесь, мы оба от нее получим.

– Да уж, повезло тебе с врачом, – посмеялась над ним и протянула свой смартфон, – ты мне, главное, адрес запиши и свой номер вбей, – крутанулась на месте и добавила: – можешь еще номер вашего главного альфа-волка написать, а то он только сообщил на всякий случай, где живет. И все! А ходить к нему в гости как-то не айс.

Пожала плечами и засунула руки в карманы джинсов, дожидаясь, пока отец исполнит мою просьбу. Он протянул мне телефон, а я нагнулась и поцеловала его в щеку. Это не могло не нравиться, в наличии отца был определенно свой кайф. Все эти телячьи нежности, которые я не одобряла раньше, теперь обретали свой смысл.

– Я напишу, как доберусь до дома, – и уже в дверях обер-

нулась и поцеловала его опять. На этот раз с помощью воздушного поцелуя.

Часы показывали всего два пополудни, а столько уже успело произойти за сегодняшний день. С отцом мне безумно повезло, и вопрос переезда теперь даже не стоял передо мной, за Олегом – хоть на северный полюс.

Поток мыслей прервал знакомый голос, раздавшийся из соседней палаты, и прекрасное настроение улетучилось вмиг.

– Ну Мари, не будь такое букой, – не говорил, нет, скорее, мурлыкал Васильев.

– Максим, успокойся, – хихикнула женщина.

Слышно было, что она пыталась говорить серьезно, но это у нее не особо получалось.

Я решила аккуратненько заглянуть в приоткрытую дверь. Картина предстала прелюбопытнейшая. Васильев очень тесно прижимался к Марии, зажатой им же у стены. А она безрезультатно пыталась вырваться. Очень ее понимала, не такто это и просто, когда такой самец покрывает поцелуями попеременно то твою шею, то грудь, а руки его всю орудуют у тебя под юбкой.

– Пожалуйста, альфа, перестаньте, – уже умоляла она его.

– Вот ты специально, да? – оторвавшись от женщины, произнес Максим, – знаешь же, что я терпеть не могу этого обращения к себе в такие моменты.

– Если ты по-другому не понимаешь, – врач вновь пере-

шла на ты и, отдышавшись, продолжила: – Я, конечно, понимаю, целых три дня у тебя не было женщины. Но это совсем не повод зажимать меня на рабочем месте.

– Дольше, Мари, дольше, – погладил ее по губам. Как же эротично у него это получалось, и взгляд такой, как будто он готов был ее скушать.

– Я не слежу за твоими разъездами, поэтому не знаю точных дат. Но вот о том, как твоя Катя по тебе скучает и уже вся извелась, наслышан весь клан, ну или как минимум его женская половина.

Максим тяжело вздохнул и уткнулся лбом в стену аккуратно возле головы Марии.

– Вот не надо, не говори, что ревнуешь. Сама знаешь, тебе стоит только пальчиком меня поманить, и не будет никакой Кати, – раздраженно выплюнул.

– Плавали. Знаем, – горько усмехнулась она. – Если не будет Кати, то обязательно будет Оля, Даша, Карина, Алиса, а вишенкой на торте какая-нибудь малолетняя человеческая особь из клуба. Или, – сделала трагическую паузу, – не совсем человеческая?

И выжидающе посмотрела на нахмурившегося и не понимающего ее Макса.

– Ты сейчас о чем?

Он явно ее не понимал, тогда как я сразу же догадалась, на что она намекала. Не увидев ожидаемой реакции, Мария пошла на попятную.

– Ни о чем, просто строю разные предположения, основываясь на уже имеющемся опыте отношений с тобой.

Я отпрянула от двери и поспешила скрыться, не дослушав их разговор. И так услышала больше, чем нужно.

По мере удаления от больницы начинала накатывать паника, и все сложнее становилось сдерживать подступавшие к глазам слезы.

Ведь знала, с самого начала знала, что надо держаться от него подальше и не позволять себе на что-то рассчитывать. Но глупое сердце опять все решило за меня. На какое-то время даже успело показаться, что я стала к нему равнодушна, но подсмотренный разговор опроверг все мои предположения. Даже не сам разговор, а то, как он ее целовал и как смотрел. Это провоцировало у меня приступы давно затихшей и забытой боли. Последний раз так горько было четыре года назад, потом с каждым прожитым днем становилось все легче и легче, иной раз я не вспоминала о том происшествии месяцами. И это давало надежду, что когда-нибудь я вновь обрету целостность и смогу начать отношения с мужчиной, не оглядываясь на прошлое.

Но сейчас мне начинало казаться, что безумная тяга к этому мужчине неискоренима во мне. Видимо, это мой рок какой-то пожизненный, начиная с семнадцати лет, он тянется за мной. С тех самых пор, как я впервые увидела Максима и утонула в бездонной голубизне его взгляда. Забыв обо всем, что меня окружало. Ровно до тех пор, пока этих глаз рядом

не оказалось, а за дверью гостиничного номера не начали раздаваться голоса разбирающихся влюбленных. Тогда-то я и осознала все безумие и ужас совершенного мной поступка.

А ведь голос лечащего врача Олега сразу показался мне знакомым, надо было просто прислушаться к себе и покопаться в памяти. Волчица же, скорее всего, сразу узнала меня, наверное, по запаху, потому и была такой недовольной и так строго отчитывала нас с отцом.

Что же будет, если она ему расскажет?! Надеялась лишь на то, что, не сказав об этом Максиму, Олега в известность ставить она также не станет.

В таких размышлениях я шагала по дороге, совсем не обращая внимания на прохожих, и понимала, что мне просто нужно взять себя в руки и успокоиться. Отогнать все дурные и ненужные мысли прочь... Достала из-под ворота кофты кулон и, почувствовав подушечками пальцев гладкое дерево, начала потихоньку успокаиваться. Для полного завершения терапии прикусила деревяшку зубами и поводила кончиком языка по одному из заостренных краев кулона. Туда-сюда... Дыхание почти восстановилось... Туда-сюда... И из головы выветрился туман.

Это была моя дурная привычка с самого детства, как будто кулон сделан из успокой-древесины. Хотя на самом деле все проще.

Этот кулон был первой дорогой вещью, которая появилась у меня, первой и на долгие годы вообще единственной ве-

щью, которая принадлежала только мне. Дорогой не только материально, но и морально. Его мне подарила Кристина, моя единственная подруга. Деревянный кулон был в числе тех немногих вещей, что ей удалось сохранить после гибели родителей. Тогда, в наши девять лет, она назвала его знаком нашей вечной дружбы, и это многое для меня значило как тогда, так и сейчас.

Ну вот, сама не заметила, как успокоилась. Вздохнула и уже собиралась пойти дальше, но какое-то странное чувство заставило меня посмотреть на здание, около которого я в этот момент стояла. Это был ресторан, судя по обилию столиков внутри. Стены от земли и до следующего этажа были стеклянными и не прикрывались никаким декором. Поэтому было прекрасно видно располагавшуюся внутри мебель и находившихся там людей. Взгляд мой привлек один-единственный человек, сидевший за столиком вблизи окна и пристально наблюдавший за мной пленяющими черными глазами.

Черноглазый волк. Игнат Романов.

Встретилась с ним взглядом и сама не заметила, как ноги повели меня внутрь. Только садясь за стол напротив него, начала приходить в себя, но и тогда мой поступок не показался мне опрометчивым. Что-то внутри подсказывало, что мне сейчас необходимо общение. Общение именно с этим мужчиной.

Глава 6

Игнат

– Ну привет, девушка которая не смотрит по сторонам. – Увидев, что она начала выплывать из своих мыслей, а взгляд стал более осознанным, поспешил закончить свою мысль: – Что утром бежала сломя голову, что сейчас идешь и совсем не смотришь по сторонам.

На осмысление моих слов ей потребовалось намного больше времени, чем любому другому нормальному человеку. А потом она засмеялась, да звонко так, как переливы колокольчика. Конечно, такому задорному смеху не могла не поспособствовать моя улыбка, я из всех сил старался быть милым. На эту девушку у меня имелись планы.

– А ты не такой страшный, как о тебе говорят.

Ого, оказывается, не я один интересовался личностью своих соседей. Маленькая дочь Реброва наводила обо мне справки, понимание этого не могло не радовать.

– И что же, ты обо мне слышала? – усмехнулся.

Моя неожиданная собеседница цыкнула и лукаво посмотрела на меня.

– Что ты очень крутой мен, извиняюсь, волк.

– Дерзкая, – не смог удержать рычащих ноток. Зверю внутри очень нравилась эта самочка.

– И от тебя нужно держаться подальше.

Я выгнул бровь, а она, восприняв это как сигнал к действию, продолжила:

– Ну ты, например, можешь совратить такую невинную меня.

Потянулась к моей чашке с кофе и опять заглянула мне в глаза, на этот раз выжидающе – ждала реакции на свои слова и в то же время разрешения. Я кивнул, и она тут же притянула чашку к себе поближе.

– Значит, ничего нового. Я негодяй, которым пугают маленьких девочек. – Внимательно проследил за тем, как она сделала первый глоток, прикоснувшись губами к тому месту, которого совсем недавно касался и я. Отвел взгляд от этого завораживающего зрелища и продолжил: – Так что же тебя так расстроило, Яна? Первая встреча с отцом прошла не так, как ты ожидала?

Я раскрыл карты и дал ей понять, что тоже наводил справки. Если она поймет, что заинтересовала меня, то к ней станет проще подступиться. А мне обязательно нужно проверить свою теорию.

После встречи с девчонкой все мои планы на сон так и остались лишь планами. Зашел в квартиру и позвонил Богдану. Талантливый молодой айтишник, ему всего семнадцать, но он уже два года входит в мою команду, круг приближенных волков, верных, преданных и надежных. Дал ему задание разузнать все, что возможно, не наследив. Местный аль-

фа не должен был знать о природе моего интереса.

Разговор с Николаем получился напряженным. Он переживал из-за пропавшей жены, считая ту своей истинной парой, несмотря на то, что Татьяна была полукровкой и факт парности нельзя было подтвердить. И все же ему очень тяжело давалось расставание с ней и неизвестность. Сам на ее поиски отправиться он не мог, не то физическое состояние. Уже два месяца альфа болел, врачи дружно разводили руками и не могли найти причину, а состояние Николая между тем с каждым днем ухудшалось. Надежные беты скрывали это как могли, но ехать в чужой клан, хоть и дружественный, было равносильно смертельному приговору. Не только для Николая, но и для всего нашего клана, целостность которого последние двадцать лет я отстаивал изо всех сил.

Про такую хорошенькую копию его внучки я, само собой, ему не сказал, пока рано, да и фактов ноль. А вот случайная встреча, подстроенная самой судьбой, очень мне на руку.

– Ты навел обо мне справки? – спросила Яна и, хитро улыбнувшись, добавила: – Понравилась?

Кошка! Самая настоящая дикая и хищная кошка. Интересно, если в ней проснется зверь, ее повадки поменяются? Что станет с ее природной грацией? Возможно, обострится еще сильнее. Я начал представлять, какая бы могла получиться из нее волчица, если бы у девушки проснулся зверь. И мое нутро напряглось, волк был готов высунуть язык от жажды, он хотел ее человеком, перед ее волчицей расплылся

бы лужицей. Не знаю почему, но мне представилась именно черная волчица, такая же, как и я. Такая же, как Назимов: сильная, умная, выносливая, чертовски притягательная и с таким умопомрачительным запахом.

Яна закашлялась, оборвав этим мой полет фантазий. Надо закругляться, не в ту степь меня понесло. Посмотрел на девушку и отметил, что она не смотрела мне в глаза, куда угодно: в окно на прохожих, в сторону бара, на людей, сидящих поблизости, – но не на меня.

Протянул руку и, взяв ее лицо за подбородок, повернул в свою сторону. Наконец, встретившись с ее взглядом, понял, что она смущается. Яна успела заметить мое желание, когда я представлял ее волчицу. Хм, значит, не такие уж мы и хищники. Правда, милая? Общение с этой самочкой начало доставлять все больше удовольствия.

– Тебя смутило мое откровенное желание? – Она лишь моргнула в ответ, а я продолжил: – Ты мне задала вопрос и будем считать, я на него ответил.

Провел большим пальцем по ее нижней губе. Пухлая, но не сильно, губы не надутые, как это сейчас модно. Верхняя так и вовсе была аккуратной, почти тонкой, с четко очерченным бантиком, но от этого не стала менее манящей. Ее губы хотелось облизать, особенно ямку бантика. Девушка все это время сидела, затаившись испуганной птичкой. Ее зеленые миндалевидные глаза смотрели на меня с испугом, но на их дне плескался интерес.

– Ты мне так и не ответила, что тебя расстроило?

Прервал затянувшееся молчание и, убрав руку от ее лица, отодвинулся. Прежде чем ответить, она пару раз моргнула. Видимо, ожидала чего-то порочного, а такой резкий переход ее обескуражил.

– Тебе и правда интересно? – Схватила кончик своего длинного хвоста и начала накручивать его на палец.

– Если бы меня это не интересовало, я бы не спрашивал.

– Сомневаюсь, что можно разговаривать о таком с женщиной, симпатичным женщиной! – Это уточнение заставило меня улыбнуться. – И к тому же малознакомым.

– Ну тогда просто расскажи о себе. Может, заодно и прогуляемся?

– Знаешь, а может, и правда станет легче, если я поделюсь с кем-то, – оценивающе посмотрела на меня, скорее всего, решала может доверять или нет. – Только гулять я не хочу, не задалось у меня сегодня с прогулками.

– Что предлагаешь?

– Ты на машине?

Кивнул, ожидая продолжения.

– Поехали в какой-нибудь продуктовый супермаркет. Холодильники в наших квартирах заполнены, но я не уверена, что там найдется все, что мне нужно.

– И что же тебе нужно?

Ее глаза загорелись азартом.

– Хочу пиццу. Нет! Три разных пиццы. Домашнего при-

готовления.

– Готовить, как я понимаю, будешь ты? – кивнул сам себе, и она торопливо закивала мне в ответ.

Встал из-за стола, кинув на него деньги за кофе, и протянул Яне руку.

– Поехали.

Девушка вложила ладонь в мою, практически не думая. А меня словно парализовало, насколько ее маленькая ладошка органично смотрелась в моей. Дойдя так до машины и открыв для Яны дверь, осознал, что не хочу ее отпускать. Именно в этот самый момент понял, что у меня появилась жизненно важная необходимость держать ее за руку. Наваждение какое-то. Безлунная ночь! Морок самый настоящий.

Сидя в машине, не переставал искоса наблюдать за ней. Яна перекинула свой длинный хвост вперед на грудь. Вот бы обмотать его вокруг запястья и притянуть к себе. Да уж, желания у меня – хоть фильм для взрослых по ним снимай.

– Ты знаком с моим отцом? – слышался голос малышки Ребровой.

– Да. Не сказать, что близко, но пересекаемся довольно часто. У нас с ним, я бы сказал, приятельские отношения.

– А с Максимом? – спросила тихо-тихо, но я услышал.

Твою мать, только не говорите, что вся эта ее сегодняшняя прострация из-за мужика. И я сам спровоцировал ее на откровения, а ведь она предупреждала. Волк внутри меня все громче порывивал, но рациональная часть взяла верх.

Все-таки информация в нашем мире – это сила. Тем более информация личного характера об этой дикой кошке. Моей дикой кошечке. Я уже не сомневался, что девочка будет со мной, и дикой она тоже будет, особенно в постели.

– И с Васильевым. Это он так тебя расстроил?

– Сама не знаю, – ушла она от ответа.

Доехав до ближайшего к нашему временному пристанищу супермаркета, припарковался. Выйдя из машины, быстро обогнул ее и открыл дверь прежде, чем это успела сделать сама Яна. Девочка мило засмущалась и пробормотала тихое: «Спасибо».

По магазину мы ходили целый час. Нет, я, конечно, знал, что шоппинг – это любимое женское занятие, но не в продуктовом же. Такого опыта в моей жизни еще не было, я мог свозить свою девушку в торговый центр и недолго подождать, пока она меряет очередное платье, но вот в продовольственные магазины я еще никого не возил.

Яна тщательно рассматривала каждый товар и вчитывалась в надписи на упаковке.

– Что ты там все высматриваешь? – спросил я, теряя терпение.

– Срок годности проверяю, – ответила она, не повернув головы.

– Ты серьезно? – Потянул ее на себя за руку, из которой она так и не выпустила йогурт, и прижал покрепче к своему телу. – Если товары здесь стоят, значит, у них все в порядке

с годностью.

– Возможно, – протянула она в ответ, – только лучше есть что-то более свежее, чем то, что послезавтра станет просроченным.

Она выронила из рук йогурт, а мне пришлось выпустить ее из своих объятий, чтобы его поймать. Яна сработала на моих инстинктах и сейчас стояла поодаль, тихо посмеиваясь надо мной.

– Я взяла все, что хотела, может, выберем фильм?

А вот это уже интересно. Превосходный шанс для сближения.

– Давай, только выбирай сама.

Ее глаза опять заблестели, и я понял, что меня может ожидать очередная подлянка. Взял тележку и покотил вслед за Яной. Корзина вообще была полупустой, и на это она потратила почти час, странная она, непосредственная, как ребенок. Стояла у стенда с дисками и напевала себе что-то под нос, при этом еще и покачивала головой в ритм. Внезапно на ее лице появилась обворожительная улыбка, и она схватила какой-то диск, а следом за ним еще парочку, стоявших рядом. Демонстративно спрятала их за спину.

– Будет тебе сюрприз. Встречаемся на кассах.

И сорвалась с места с такой скоростью, что даже я со своей превосходной волчьей реакцией мгновенно упустил ее из вида. Она просто убежала от меня в магазине, заполненном под завязку людьми, это даже в голове с трудом укладыва-

лось. Как будто ей двенадцать.

Когда я нашел Реброву, она стояла у выхода: довольная, с черным пакетом в руках – и ела мороженое. Его-то она когда успела прихватить?

– Я взяла на двоих, – покрутила вафельный рожок в руке, – но оно оказалось чересчур вкусным. А ты очень долго меня догонял.

– Были бы люди на кассах быстрее. Тележка-то, почти пустая, а они тридцать три года копошились, – пробурчал недовольно и, наклонившись к Яне, попробовал мороженое в ее руках. – И правда вкусное, – добавил перед тем, как откусить еще раз.

Яна лишь довольно улыбнулась и продолжила держать его близко к своему рту. Искушала, чертовка. Глаза колдовские, смотришь и не можешь оторваться, еще недавно такие пустые, теперь горели лукавым огоньком, завораживая и подчиняя.

Нас прервал звук моего телефона. Она смутилась, отведя взгляд, и есть мороженое из ее рук стало уже не так интересно. Звонил Богдан, наверное, раздобыл интересующую меня информацию.

– Мне нужно ответить, пошли к машине.

– Окей.

Развернулась на пятках и направилась на выход. Я пошел следом за ней, попутно отвечая на звонок.

– Слушаю, Богдан. Узнал что-то новое?

– Да, босс, узнал, откуда она появилась.

– Сейчас, подожди.

Открыл переднюю дверь Яне, попросил ее подождать пару минут и, положив пакет на заднее сидение, отошел подальше, продолжая разговор.

– Ты выяснил, почему до вчерашнего дня на нее не было вообще никакой информации? – раздраженно произнес в трубку.

– Ребров о ней ничего не знал, ну в смысле, он знал, что у него есть ребенок, но кто он и где, понятия не имел, – хотнул Богдан на том конце провода.

– Что-нибудь еще выяснил?

– А как же.

– Говори уже.

– Мать девочки отказалась от нее в роддоме. Яна Косицына, по документам росла в одном из детдомов Красноярска. Трудный характер, не общительная, замкнутая. В наличии имеется одна близкая подруга.

– Бля, – не сдержался, – ты закругляйся с виртуальным общением и таким лексиконом. Не хватало еще «штука» сказать на девушку.

– Ну вообще-то я именно это слово и хотел использовать.

– Так, давай к делу.

– У Ребровой есть близкая подруга, которая уже два раза помогала ей с устройством на работу. Ну и вообще, я по соцсетям полазил, нашей Яночки нигде не нашел. Она год

проработала в школе, учила маленьких детишек. Те от нее чуть ли кипятком не писались.

– Богдан, – я уже рычал.

– Ладно-ладно, молчу. В общем, дети ее обожали, так же как и их родители, но на контакт со взрослыми людьми, мужчинами в том числе, она не шла. – В трубке раздался щелчок. Я мог поспорить, что это лопнул надувной пузырь жвачки. Щенок. Талантливый, способный, обязательный, но все еще ребенок.

– Значит, так. Отправь все, что нашел, мне на почту. Еще, – потер переносицу, – поищи информацию о ее матери. И не забудь о Назимовой, информатор дал верную информацию, но я опоздал на два дня, в общем, ищи следы.

– Будет исполнено, альфа.

– Богдан, не нарывайся.

Все-таки не удержался и перед тем, как нажать на отбой, хорошенько рыкнул на него.

Вернувшись в машину, услышал, как Яна напевает игравшую песню. Станным было, что песня играла не на радио, а на флэшке с моей подборкой. Она слушала «The Offspring» и знала слова. Я удивился. Поставил погромче и молча отправился на квартиру.

Когда мы приехали, дочь Реброва побежала к себе переодеваться, при этом плотно прижимая пакет с фильмами к груди. Смешная.

Встретить ее сегодня было несомненной удачей, и то, что

она с легкостью пошла на контакт, не могло не радовать. Обдумывая план своих действий, выгружал покупки на стол. Мне нужен был ее биоматериал, волосы должны подойти. По крайней мере, я очень на это надеялся.

Была бы у девчонки вторая ипостась, было бы намного проще. Назимов сразу бы понял, родственница она ему или нет. А так приходилось прибегать к человеческим методам.

Яна постучала в дверь минут через тридцать, я уже было подумал, что не придет. А она, оказывается, красилась! Невозможно было не заметить появившиеся на ее глазах стрелки, которые еще больше подчеркивали и без того необычный разрез глаз.

– Впустишь?

Улыбнулась. А я понял, что так и замер, стоя на пороге, все это время любуясь ею. Отошел в сторону, уже откровенно не понимая, что за странности со мной сегодня творятся.

– Какую пиццу ты любишь? – спросила она, раскладывая продукты, одни кучками на столе, другие в холодильник.

Что можно на это ответить девушке, которую однозначно не хочешь отпугнуть, но при этом рядом с которой все твои инстинкты не реально обостряются. Хочется не пиццу. Ни разу не пиццу. Хочется ее аппетитную попку, обтянутую тесными джинсами. Прокашлявшись, ответил, что без разницы. Если бы она спрашивала меня о том, какое я предпочитаю мясо, я бы поднапряг голову и ответил, но пицца... Брр.

– Твой волк, черный, да? – спросила она, не оборачиваясь.

Неожиданно.

– Уже просветили? – хмыкнул.

– Просто твои глаза, они, ну... очень запоминающиеся. – Яна замолчала и развернулась. – Когда я рассказала Олегу, он сразу понял, кто ты.

Да что за еб твою мать! Она заглянула мне в глаза, и я опять потерялся. Это уже начинало бесить. Подошел к ней вплотную и прижал к кухонному гарнитуру. Обхватил за бедра, прижимаясь к ней пахом.

– Хочешь посмотреть на моего волка? – прошептал и прижался теснее, пусть почувствует мое желание. Всю его силу.

Облизнув губы, она дотронулась пальцами до моего лба чуть выше брови и повела ими вниз до скул. Странное прикосновение.

– Твои глаза. Они стали еще ярче, – сглотнула. – Они очень красивые.

Руку с моей щеки она так и не убрала. Я сократил расстояние между нами и почти прикоснулся к ее губам. Уже представлял, какими они будут на вкус, когда она заговорила и обломала мне весь кайф от происходящего. Желание в один момент испарилось.

– Я бы с удовольствием посмотрела, какой ты. Зверя я видела только у Максима, и он такой большо-о-ой. Конечно, обычных волков никогда не видела, но думаю, они значительно меньше.

Отошел от нее подальше, рука малышки Ребровой упала.

Опять этот Васильев, черт его дери.

– Мой волк больше, – недовольно пробубнил, как мальчишка. Оставалось еще болтом с ним помериться, честное слово. – Ты тут разбирайся, а я пока в душ.

Поспешил подальше из этого места. Холодный душ, потом кофе. Это все от недосыпа, ебанутый день, даже слов культурных нет.

Глава 7

Яна

О чем я только думала? Зачем села к нему за столик? Как будто у меня и без этого мало проблем. Бесконечный день. В голове кавардак. Мысли прыгали от одного к другому. И нет чтобы тихо-мирно сидеть в выделенной квартире и все обдумывать. Я зачем-то пошла к нему. Еще и предлог нашла, в магазин его потащила. Купила чертовы диски с Гарри Поттером.

Семь пятниц на неделе – это точно про меня. То убиваюсь из-за Максима, то как отрезало. Стоило только увидеть Романова и все, меня переключило, вела себя как дура, несла чушь и, что самое интересное, больше не страдала и думать не думала о Максе.

Четыре года спокойно жила, никаких мужчин, никаких проблем. И тут на тебе, на те же грабли. Ясно-понятно, что ему нужен секс, временное развлечение, тем более я так легко велась и шла на контакт. Стоило только вспомнить, как он смотрел на меня в кафе. Какая безумная жажда была в его глазах, он меня хотел, и если вспомнить, как прижимался ко мне еще пару минут назад, хотел очень сильно.

Наверное, я созрела для чего-то нового или просто для очередного ничего не значащего перепихона. Но на главе

под названием Васильев Максим пора ставить окончательную точку, желательно до того, как он меня вспомнит. Тем более, когда судьба подкидывает такой шанс. Мужчина, который заставляет меня забыть обо всем. Может, все дело в том, что они оборотни? Сначала был Макс, от которого у меня снесло крышу. Теперь Игнат близость которого дурманила сильнее, чем повторное появление Васильева в моей жизни.

Вот и надо сесть в тишине и одиночестве и хорошенько все обдумать. Только я вместо этого побежала более выразительно красить глаза, а потом еще бесконечно долго примеряла джинсы и выбирала, какие из них лучше обтягивают мою попу. А их всего-то три пары! Потратить двадцать минут на выбор между ними, и в итоге остаться в прежних – это верх неадекватности с моей стороны.

И теперь я стояла на чужой кухне и готовила пиццу. Пиццу не для себя, а для кого-то. И этот кто-то – мужского пола. Наверное, известие о существовании оборотней все-таки что-то повредило в моей голове.

Романова не было довольно долго, я успела нарезать нужные продукты. Разложить их на основах для пицц и одну уже отправить в духовку. Хорошо, что я вовремя вспомнила про готовые коржи, ведь первой мыслью было замесить тесто самостоятельно. Игнат, тогда точно решил бы, что я намереваюсь у него поселиться.

Достала из пакета диск с первой частью «Гарри Поттера»

и пошла его включать. Большой телевизор стоял напротив углового дивана. Обстановка в точности такая же, как и в моей квартире, только отражалась зеркально.

Вставила диск в проигрыватель, дождалась начала фильма и поставила на паузу. Как только в динамиках стало тихо, я услышала голос за спиной.

– Неожиданный выбор. – Игнат стоял, опираясь на дверной косяк и сложив руки на груди. – Признаться честно, я ожидал какую-нибудь слезливую мелодраму.

Я в удивлении приподняла брови и приоткрыла рот, а он засмеялся.

– Извини, не смог сдержаться, хотел посмотреть на твою реакцию. Кстати, хороший выбор. Да и повод.

– Какой повод? – не поняла его.

– За один день посмотреть все части мы не успеем, – пожал плечами, – так что у тебя будет повод прийти ко мне в гости еще раз. Или у меня к тебе.

– Хм, возможно. Только я надеюсь, что пробуду здесь недолго. – Я все так же стояла на месте и переминалась с ноги на ногу. В ответ на его вопросительный взгляд продолжила: – Васильев сказал, что я проживу здесь, пока отца не выпишут, потом вместе с ним поеду в клан. Разумеется, я хочу, чтобы он быстрее поправился. А ты? Надолго приехал? – Очень надеялась, что мой голос не звучал жалко.

– Не знаю. Я ищу одного человека, и не уеду, не отыскав его. Понятия не имею, сколько времени мне понадобится, но

чем быстрее это случится, тем лучше.

– Ясно, – глухо ответила, крутя в руках пульт от DVD.

Я как-то растерялась еще больше и не знала, что можно ему ответить или сказать. Он смотрел на меня, не двигаясь, и был каким-то отстраненным. Глаза, по-прежнему черные, были теперь не завораживающими, а напротив – пугающими. Глаза хищника. Почему-то раньше я не замечала этого.

Игнат переоделся, сейчас на нем были футболка и спортивные удлиненные шорты серого цвета. От положения его рук мышцы на них бугрились и притягивали к себе внимание. Он не был качком. Нет. Просто большой. Высокий, с широким разворотом плеч, накачанный в меру. От него исходила сумасшедшая энергетика настоящего мужчины. Возможно, это пресловутый альфа-ген. Потому они все такие красавчики. Но Игнат отличался от Максима, как небо от земли. Васильев тоже был мужественным, несмотря на милovidные черты лица. Но Романов... От него исходило ощущение силы, власти. Он из тех мужчин, на которых смотришь и сразу понимаешь – надежный. Если такой выберет тебя, то за ним будешь как за каменной стеной, как говорят в народе. Только вот я не представляла, какими качествами должна обладать женщина, чтобы серьезно его зацепить. Наверное, в его случае она должна быть как минимум волчицей. К тому же у них и истинные пары имеются, такой если обретет свою половинку, в обиду ее никому не даст.

Как же я хотела, чтобы мой зверь проснулся. Всего лишь

сутки знала о существовании оборотней, но уже мечтала стать одной из них. Формально так оно и есть, но я не хотела быть в отстающих. Опять в числе тех, кому что-то недодали. Всю жизнь считала себя порченной из-за отказа родителей. Больше не хочу.

– Вкусно пахнет, – прервал Романов затянувшееся молчание, – признаться, я не любитель пицц и подобной пищи, мне бы кусок мяса, и желательнее побольше. Но запах аппетитный.

– Точно! – воскликнула я.

Рядом с ним я не чувствовала никаких запахов, кроме принадлежавшего ему. Ароматы костра, жженных листьев, пожара переплетались между собой и рождали новый, непередаваемо пьянящий. Я обожала эти запахи по отдельности, и от того было более чем странно, что именно так пах Игнат. А квартира между тем наполнилась очень вкусным ароматом печеных овощей.

– Думаю, минут семь – и первая пицца будет готова.

– Первая? Ты не шутила про три.

– Конечно. – Я широко улыбнулась. Неожиданно вернулась прежняя легкость в общении с ним. – Грибная, с мясом птицы и ананасами и напоследок моя любимая, с салями.

Говорила и слюнки текли. Игнат наконец-то оторвался от дверного косяка и пошел в сторону холодильника. О боже! Сзади он выглядел так же потрясающе. Одна только его задница дорогого стоила. Еле отвела взгляд.

– Ты так и не рассказала, чем же тебя так огорчил Васильев, – спросил он из-за открытой дверцы холодильника, даже не посмотрев на меня.

Он все еще помнит, даже я не вспоминала про Макса, а он интересуется. В кафе мне пришла в голову мысль, что нужно кому-то рассказать. Ведь не было ничего такого криминального, но я упорно продолжала держать случившееся при себе. Даже Кристине, своей единственной подруге, ничего не сказала. А теперь? Почему бы и нет? Почему не ему? Он здесь ненадолго и вряд ли кому-то что-то начнет болтать.

– Тебе и правда интересно? – предприняла последнюю попытку.

– Я, кажется, уже говорил тебе: не было бы интересно – не спрашивал бы. – Он отошел от холодильника с двумя бутылками пива. – Будешь?

Я кивнула и, увидев его вопросительный взгляд, начала рассказывать.

– Да просто... – тут же запнулась, подбирая слова. – Ничего такого, на самом деле. – Он открыл бутылку, глотнул пиво и так многозначительно посмотрел, что мне пришлось продолжить. – Дело в том, что мы с Васильевым какое-то время назад, – все же решила уточнить, – четыре года назад, пересекались.

– И?

– И он меня не помнит, – взмахнула руками.

– И что? – продолжал наседать Игнат.

– И ничего. Все! Как будто на допросе, ей-богу.

По-хорошему бы отойти, занять руки чем-нибудь. Отвлечься. Но он не давал: смотрит черными глазами как будто в самую душу и ни на секунду не отпускал мой взгляд.

– Вы с ним спали, а он забыл? Так?

– Что? С чего ты взял? – Возмущение мое было неподдельным, я действительно разозлилась, только не на него, а на себя. Нужно было и дальше молчать.

– У тебя все на лице написано. – Романов поставил бутылку на стол, подошел ко мне и взял за подбородок. Кажется, это начинало входить у него в привычку. – Только почему ты этого так стесняешься, не могу понять. Мы ведь взрослые люди.

– Да потому что мне было семнадцать! – не выдержала я. – Как его зовут, я вообще только вчера узнала. Не смотри так!

– А как я смотрю? Ты сама себе придумываешь проблемы, – спокойно произнес Игнат.

– А по-твоему, это не проблема? – Я же, напротив, говорила все громче и громче. – Потерять девственность с незнакомым человеком, который подцепил тебя в клубе и наутро даже не вспомнил о твоём существовании. Ему не до того было, к нему подружка разбираться примчалась! – В этот момент мой голос как будто пропал, и я продолжила полушепотом: – А я забыть его не могла. Это, по-твоему, нормально?

Он провел большими пальцами по моим щекам, и я поняла, что плачу. Боже! Не хватало только и этого мужчину

отпугнуть.

– Просто, – начала, всхлипывая, – эта волчица, она меня, в отличие от Васильева, узнала. И она, – слова давались с трудом, шмыгнула и продолжила: – лечащий врач отца. Я не хочу, чтобы он что-то узнал. Я только сегодня с ним познакомилась. Это такие непередаваемые ощущения и теперь... – Я заглянула в черные омуты. – Что теперь? Что он обо мне подумает?

– Успокойся. Он ничего не узнает. – Сама не знаю почему, но я ему поверила.

Игнат прижал мою голову к своей груди, и меня моментально окутало его запахом, таким вкусным и расслабляющим. Обняла его за поясницу и наслаждалась. Было хорошо. Спокойно, тихо, уютно. Я была готова простоять так целую вечность, но, видимо, не судьба. Звук духовки развеял этот дурман и вернул меня в настоящее. Как же хорошо, что я поставила таймер, иначе забыла бы к чертям о пицце.

– Готово?

Моя голова по-прежнему лежала на груди Романова, и в таком положении его тихий голос звучал по-другому. Он был каким-то рокочущим. Я кивнула в ответ на его вопрос, и он выпустил меня из объятий. Объятий, внезапно оказавшихся такими жизненно необходимыми.

Достала пиццу, поставив на ее место следующую. Запаслась салфетками и пошла к Игнату. Он устроился со всем удобством на диване, подкатил столик и ждал меня.

К фильмам и книгам о Гарри Поттере у меня были самые нежные чувства. Благодаря им я обрела единственного близкого человека – мою Кристину. Мы сдружились на почве любви к этим книгам, а потом и фильмам.

И сегодня я купила эти диски из-за приятных воспоминаний о прошлом. Может, я хотела разделить эти ощущения с Игнатом, может, просто хотела насладиться любимым фильмом в приятной компании. Не знаю. Мы сидели рядом, пили пиво, Игнат уже обновил и его и пиццу. На тарелке лежали кусочки всех трех. Время близилось к вечеру, а фильм – к завершению. И по-хорошему нужно было идти домой. Но как же не хотелось возвращаться в безликую, пустую и одинокую квартиру. Всего один день жила полной жизнью. И больше не хотела быть одна.

– Все в порядке? – Голос Игната начал гонять мурашки по моему телу. Он отдавался эхом внутри.

– Да. С чего ты взял, что что-то не так?

– Ты стала чересчур задумчивой.

– Я думала, ты смотришь фильм, а не на меня. Просто уже скоро конец, надо убрать со стола и закончить наглеть, пользуясь твоим гостеприимством. – Я уже почти встала, но Романов поймал меня за руку.

– Я вот все смотрю на твой хвост и думаю, – произнес держа меня за руку, – он такой тугой... не больно ли голове. А теперь понял: даже если и не больно, то здраво думать он однозначно мешает. Иди сюда, – и потянул на себя.

Мы и так сидели достаточно близко, но не вплотную, а теперь я развернулась, и мои согнутые колени уперлись в его бедра. Игнат, отпустив мою руку, потянулся к волосам.

– Можно?

Я ничего, не понимая, кивнула в ответ, и он, придерживая волосы второй рукой, аккуратно распустил хвост. Волосы рассыпались по плечам, а я все еще ничего не понимала. Что вообще происходит? Игнат запустил обе руки в волосы и притянул меня к себе еще ближе.

– Они потрясающие, – шепотом произнес прямо у моих губ, – весь день только и думал, как бы их распустить, чтобы ощутить всю мягкость этой красоты.

Он был так близко, говорил приятные вещи и так сумасшедше приятно пах. Его губы были в каком-то сантиметре от моих, нужно всего лишь чуть-чуть придвинуться к нему, и я могла бы почувствовать их вкус. О Боже! Как же я хотела почувствовать вкус его поцелуя. Его язык и губы на своих. Инстинктивно облизнулась, и он тут же отпрянул, успев перед этим шумно сглотнуть.

– Давай смотреть дальше, – прокашлялся и добавил: – Самый интересный момент сейчас. Люблю эту сцену с шахматами.

И посмотрел за мою спину. Что? Это он сейчас вообще о чем? Какой момент? Какой, к чертям собачьим, фильм? Да он издевается, мать его так.

Чуть отодвинул меня и начал вставать.

– Смотри фильм. Я сейчас, мне нужно выйти буквально на минуту.

И сбежал с такой скоростью, как будто за ним гнались гремлины, мечтающие полакомиться им на ужин.

Да что это с ним? Сначала провоцирует, потом динамит. Такой уверенный и вдруг начинает мямлить. Как будто не смог придумать предлога для побега и решил просто проблеть что-то невнятное.

Убраться, что ли? Собрала остатки пицц, а из всех трех оставалась буквально пару кусочков, запаковала их в целлофан и убрала в холодильник. Вытирала со стола на автомате. Голову не покидала мысль о неправильности происходящего.

Ладно, допустим, я вела себя совсем не так, как обычно и вообще творила не пойми что. Но почему-то возникало ощущение, что и такое поведение Игната ему не свойственно. Надо валить отсюда, не зря отец предупреждал держаться от Романова подальше.

Вытерев полотенцем последнюю тарелку, почувствовала руки на своей талии. Оказывается, он еще и двигается бесшумно, наверное, это обычное дело для оборотней.

– Ты охренительно пахнешь, – уткнулся носом в мои распущенные волосы. – Расстроилась, что я тебя не поцеловал?

Вот черт! Неужели мое лицо так легко прочитать? Игнат начал выводить круги на моем животе через ткань одежды, а второй рукой схватил меня за бедро и прижал к своему

паху. Какие у него большие руки, и не только они. Попой я отлично чувствовала его немаленький стояк.

– Зря. – Это он о чем вообще? – Я очень хотел тебя поцеловать, да что там, буду честен, безумно хотелось трахнуть тебя прямо на том диванчике.

Он продолжал соблазнять меня движением рук, одной уже всюду орудовал под моей блузкой, гладил животик и, нет-нет, да пытался забраться под лифчик, а вторую переместил с бедра и начал расстегивать джинсы.

Что он творит?

У меня пальчики на ногах поджимались, как же мне, оказывается, мало нужно. Животик погладили, приятности прошептали – и я уже текла. Какой кошмар! Ведь в трусиках и правда стало влажно. Я судорожно схватилась за стол и пыталась вспомнить, что он говорил и о чем.

– Просто, знаешь, не хочется быть еще одним злодеем в твоих глазах, – прошептал у самого уха и начал целовать за ним, спускаясь вдоль шеи.

Я даже не поняла, как моя рука начала жить собственной жизнью. Отцепилась от стола и поспешила перекинуть волосы через плечо, облегчив тем самым для него доступ к моей шее. А затем бесстыдно начала расстегивать пуговицы собственной блузки. Откинула голову на плечо Игната. Он, не упустив момента, стянул рубашку с моего плеча и со все усиливающимся страстью принялся целовать его, ключицы и открывающиеся холмики груди. Его пальцы к этому моменту

уже ласкали меня в самом сокровенном месте. Мне оставалось только наслаждаться волнующими ощущениями и тихо всхлипывать, мой мозг перезагрузился, я перешла черту и отчаянно желала продолжения. Может, я и правда распутная и порочная, но я безумно хотела его. Хотела кончить при помощи именно его пальцев, а не как обычно своих. Хотела ласкать его губами и языком. Хотела его губы на своих. И сильнее всего опять хотела почувствовать силу его объятий.

Низ живота скручивало, а внутри росло напряжение. Игнат, продолжая массировать мой клитор, чуть сдвинул руку и засунул в меня палец. Твою мать. Не палец, ох, не палец я хотела там. До одурения хотела его член внутри себя. Стоило только представить, каким великолепным может оказаться его член, и мышцы внутри начали сокращаться все сильнее и сильнее. Меня накрывало. Это был сильный оргазм. Тело после него еще какое-то время вздрагивало, а ноги сводило судорогой. Я пыталась отдышаться и вернуться в реальный мир, где такой желанный мужчина крепко прижимал меня к себе. Попеременно то облизывал, то покусывал мою шею. А откуда-то издали доносилась мелодия сотового телефона. Не моего. Телефон не умолкал. А ко мне потихоньку возвращалась способность здраво мыслить и твердо стоять на ногах.

– Прости, – прошептал он осевшим голосом. – Скорее всего что-то срочное, я должен ответить.

Подхватил меня на руки и аккуратно отнес на диван, расстояние до которого было настолько небольшим, что я со-

всем не успела насладиться теплом его объятий.

Игнат ушел в соседнюю комнату. На экране телевизора вовсю мелькали финальные титры, а в голове образовался вакуум. Вопреки всем странностям сегодняшнего дня мне было хорошо. Безмятежное состояние легкости и приятной опустошенности. Разговор Игната затягивался, а меня все сильнее и сильнее начало клонить в сон, с каждым разом поднимать веки становилось тяжелее.

Уже погружаясь в сон, почувствовала его руку на своем подбородке и легкое поглаживание по щеке. Приоткрыла глаза и встретила с черными глазами волка, в этот момент особенно четко поняла, что он не человек. Его глаза сверкали еще ярче чем обычно, и их переполняло желание, первобытное, дикое желание.

– Я так тебя и не поцеловал, – произнес он тихо.

Погладил большим пальцем мою нижнюю губу. «Который раз за этот день?» – только и успела с легкой заторможенностью задаться вопросом, как почувствовала его губы.

Он целовал меня с напором, посасывая и облизывая губы. Намеки на малейший сон пропали, мне хотелось наслаждаться поцелуем дальше. Игнат подчинял меня своими губами, клеймил и не оставлял шансов передумать или сбежать. Такой поцелуй не мог не вести за собой продолжение. Да и не поцелуй это вовсе, а что-то более чувственное, интимное... Как будто мы уже занимались с ним сексом, и ощущения наши были на грани.

Только в моей жизни всегда все через одно место потому, и продолжения не последовало.

– Прости, – хрипло повторил Игнат. – Мне очень срочно нужно ехать.

Я прикрыла глаза и промолчала, говорить что-либо не хотелось.

– Подождешь меня здесь? Или пойдешь к себе?

Не знаю, чего он хотел, поэтому открыла глаза, посмотрев на него. Ответа, как надеялась, не увидела.

– Ты скоро вернешься? – с надеждой спросила.

– Не знаю, скорее всего, придется уехать из города.

– Ну тогда пойду к себе, – попыталась говорить бодрым голосом.

Он не должен понять, что я расстроилась, я и так сильно раскрылась перед ним, открываться еще сильнее нельзя.

– Хорошо, – кивнул своим мыслям, погладил мою щеку и поднялся. – Дверь захлопывается снаружи, ключи не нужны, – мотнул головой, – ты, наверное, это и так знаешь. Полежи пока, отдохни, как появятся силы, – ухмыльнулся, – просто захлопнешь за собой дверь.

Уходя, остановился в дверном проеме и добавил:

– Мне действительно очень нужно ехать.

– Я поняла! Все норм, – делано улыбнулась и отправила ему воздушный поцелуй. – Иди уже.

Потянулась на диване с закрытыми глазами. Двигаться совершенно не хотелось, лень полностью отвоевала тело и мне

ничего не оставалось, как задремать хотя бы на пару минуточек.

Глава 8

Игнат

Мой первостепенный долг – это благополучие клана. Истина, которой я следовал с десяти лет. С тех самых пор, как меня, дикого волчонка, спас от расправы старший сын альфы. И никогда я не сомневался в правильности своих убеждений до сегодняшнего дня. Чего мне только стоило оторваться от нее, причем оба раза. Когда ушел упаковать в целлофан ее волосы, вырванные в такой восхитительный момент, когда она изнемогала в ожидании поцелуя. И сейчас, с каменным стояком, когда в ушах до сих пор слышались ее мягкие и тихие стоны, мне приходилось ехать за рулем, черт знает куда.

Из Татьяны Назимовой получилась бы отличная шпионка, а мне вся эта история начинала порядком надоедать. Я уважал и был безмерно благодарен своему альфе, но женщин, окружавших его, на дух не переносил. В мои мысли ворвалась трель телефона. Взглянув на экран, я если и удивился, то лишь самую малость. Ведь, как говорится, говно вспомнишь...

– Слушаю.

– Бу, какой ты серьезный, – послышался женский голос на том конце линии.

– Лекса, ты по делу или просто так?

– Хотела поинтересоваться, правда ли, что ты кинул Виту как раз перед показом?

– Ясно, просто так, – тяжело вздохнул, – мне некогда.

– Романов, тебе всегда некогда, тоже мне, деловой.

– Александра! – угрожающе рыкнул.

– Я хотела сказать, что нам пора объявить о наших отношениях.

– У нас нет никаких отношений, – отчеканил, раздражаясь с каждой секундой все сильнее.

– Я тебя умоляю, наша свадьба – вопрос времени, – фыркнула она в трубку, что-то зашуршало и бахнуло, – папе с каждым днем становится все хуже, – произнесла она ровным тоном, не скрывая своего отношения к этому.

– А ты и рада? Лекси, что ты за дочь такая? Я ищу твою мать, ты же даже не поинтересовалась, как продвигается дело. – С каждым словом я говорил все громче и громче. Меня очень трудно вывести из себя. Но тема отношений Назимова с дочерью меня страшно раздражала, и я не мог оставаться равнодушным. – Отец подцепил неизвестную заразу. А все, чем занимаешь ты, это прожиганием собственной жизни, сбором тупых сплетен и непрекращающимися попытками меня на себе женить. Мне жаль нашего альфу, а тебе, должно быть...

Она меня не дослушала, сначала пыхтела от недовольства в трубку, а потом и вовсе кинула ее.

Дочь Назимова была полукровкой без зверя, его ахиллесовой пятой и единственной наследницей. Он до сих пор пытался нас поженить, хотя давно понимал, что я не допущу этого. Я готов перенять ответственность за клан, когда его не станет, готов поддерживать целостность территорий и порядок, но ни за что на свете не пушу в свои дом и жизнь эту змею. Николай почти смирился, но Татьяна с Александрой не желали успокаиваться, чем наталкивали меня на мысли не только об их сучьем характере, но и непроходимой тупости.

Окажись Яна внучкой Николая, это бы решило львиную долю проблем. Стать парой такой сексуальной самочке, даже если она не обретет зверя, не так уж и плохо. Опять же у меня будет намного больше прав на место альфы. Да и Назимов успокоится, что его род не прервется и останется по-прежнему у руля.

Припарковал машину у бара, в котором меня ждал один ушлый волк, и направился на встречу. Внутри сразу определил по запаху нужный мне столик, других оборотней здесь не было. Присел, не здороваясь.

Волк начал говорить, и то, что он рассказывал, с каждым словом порождало во мне волны ярости и набирающую обороты альфа-силу, которая буквально вырывалась наружу, раздирая меня изнутри. Кто бы знал, чего мне стоило продолжать его слушать и по-прежнему держать себя в руках.

«Волк не виноват, он, напротив, оказался разумным», — повторял я мысленно, спасая тем самым волку жизнь.

Никто! Никто не смел трогать мою семью. Даже если это пара альфы! Это не давало ей никаких прав, напротив, только возлагало лишние обязательства. Потому что старик Назимов был моей семьей, так же, как и давно умершие Янина, первая жена Николая, ставшая для меня приемной матерью, Денис, старший сын альфы, спасший меня от превращения в дикого волка на улице, и его дочь Мария, которую до сегодняшнего дня я так же считал погибшей.

– Игнат, я же... я не... я ее и пальцем не тронул, – запинаясь, практически проблеял волк, почувствовав мою временами прорывающуюся силу. – Самка беременной оказалась, срок приличный был.

– Дальше? – угрожающе рыкнул на него.

– Да ничего, – продолжил он так же запинаясь, – струсил и ушел обратно в свое купе. Позже подумал, что девчонку все равно на станции прибытия ждать будут, решил ее предупредить, но когда вернулся, ее уже не было ни в самом купе, ни в вагоне, ни в поезде. – Волк развел руками и, схватив рюмку, стоящую перед ним, залпом выпил янтарную жидкость.

Я поднялся из-за стола со словами: «Живи пока», кинул обещанные за информацию две пачки денег и направился на выход.

«Маша-Маша, что же с тобой приключилось?» Теперь сомнений быть не могло, чья Яна дочь. Я и предположить такого варианта не мог, подозревал, что она родственница по-

бочных детей Дениса, могло такое быть. Но чтоб Машкина... «Сука». Со всей дури врезал по капоту машины, к которой только подошел. Не помогло. Ситуацию не смогли исправить и пара-тройка дополнительных ударов.

Квартира к моменту моего возвращения была пустой, звенящая тишина странным образом била по ушам.

За Яной я не пошел. В ситуации надо было для начала разобраться. Для этого мне нужна здравомыслящая голова, а от этой кошки у меня как морок перед глазами. Мысли туманили голову и оставалась единственно четкая: «Забрать, присвоить и не отдавать никому». Я понимал, что все это желания моей второй сущности. Лежал на кровати с закрытыми глазами, сон ко мне не приходил, и я пытался разобраться в своих ощущениях и наталкивался лишь на один-единственный вариант. Она могла оказаться моей парой, если переродится. Я слышал, что пары тянет друг к другу даже до оборота. Но ей уже двадцать один. Что, если она не пройдет обращение и останется без волчицы? Волк внутри меня начал скулить. Что за черт?

Ситуации, когда полукровки не обращаются, не такая уж и редкость, та же Маша Назимова. Когда она пропала без вести, ей уже исполнилось девятнадцать, и она была на тот момент человеком.

Да далеко ходить не надо, Татьяна Назимова, которой лучше не находиться, иначе придушу собственными руками, не обратившаяся полукровка. Их дочь Александра тоже не про-

шла оборот, ее критический возраст обращения был как раз в девяносто седьмом году. Тогда же исчезла Маша, и умерла Янина, старая черная волчица, бабка Маши и мать Дениса, старшего сына Назимова. Сильного черного волка, к сожалению, сына не от ведьмы, затуманившей альфе мозга, а просто от сильной волчицы, у которой получилось забеременеть. Они были женаты, пока с Великой Отечественной войны Николай не вернулся вместе с Татьяной, молодой полукровкой, и годовалым сыном. Тогда Янина пыталась уйти с должности луны стаи, она была очень умной женщиной и понимала свое шаткое положение. Но волчицы не признали полукровку, которая впоследствии так и не обернулась.

Когда Денис подобрал меня на улице, Янина согрела своим теплом. Они и маленькая девочка Маша стали моей новообретенной семьей. Другой я почти не знал. Иногда, скитаясь по улицам, мне казалось, что я помню запах матери, позже он чудным образом переплелся с ароматом Янины. И по сей день своей матерью я ощущал именно ее.

Почему я так часто вспоминал о ней сегодня? Ведь Маша тоже росла без матери и любила свою бабушку до безумия, было бы логично, что своего ребенка она назвала в ее честь.

Как же я сразу об этом не подумал? Еще одно подтверждение их родства. Могла ли Татьяна что-то о ней узнать? Как хорошо, что Ребров нашел Яну раньше. Надо обеспечить ее безопасность, пока не найду Назимову.

Достал телефон и позвонил своему бете. Да, формально я

и сам до сих пор был бетой, но, несмотря на это, была целая группа оборотней, признавшая меня своим альфой. Назимов знал об этом, но предпочитал этот факт игнорировать. Он понимал, что его смещать я не намерен, а своя команда из преданных и верных волков мне пригодится.

– Игнат, я уже почти сплю, – слышалось следом за гудками.

– Саш, очень важное дело. – Из трубки донеслись шуршание и хлопок закрываемой двери.

– Слушаю.

– Запоминай. У Богдана узнаешь адрес Яны Косицыной в Красноярске. Отправляешь по нему двух. Нет, лучше трех верных волков, первым же самолетом, Саша, это важно.

– Понял тебя. Какую задачу им поставить?

– Присмотреть за квартирой и при первом обнаружении Татьяны Назимовой вежливо ее скрутить и привезти ко мне, – не смог сдержать рыка в конце фразы.

– Альфа, ты понимаешь...

– Нет, лучше сразу в Москву, в наш дом, – перебил Александра. Потому что зверь внутри давал о себе знать. Мне надо остыть, и везти Татьяну сейчас ко мне нельзя.

– Игнат, если Назимов узнает... – Он помолчал и чем-то загремел. – Ты уверен, что надо везти ее в наше место?

– А куда еще?! – не сдержался и опять рыкнул. – Перед тем как отдавать ее Назимову, мне надо с ней поговорить. Причем рядом должен быть ты или ребята, чтобы сдержали

меня. Иначе, клянусь луной, загрызу эту тварь.

– Игнат, ты меня пугаешь, – размеренным ровным тоном произнес Саша, он пытался на расстоянии притупить зарождающуюся во мне ярость. – Что случилось? Что старшая королевишна успела натворить?

– Заказала Машу в девяносто седьмом внеклановому волку.

– Твою мать, Игнат! Вот сука. Послышались звон и еще пара нецензурных слов. – Мне жаль. Знали же, что дело нечисто, но даже не копали в ту сторону, еще и смерть Янины. Игнат! Ты меня слышишь?

– Саш, не спеши Машку хоронить, у меня, наоборот, надежда появилась, что она жива. – В трубке послышался вздох облегчения. – Одиночка не стал ее трогать, но об этом не по телефону. Саша, пораскинь мозгами, не понимаю, почему не понял этого раньше, но сейчас все очевидно.

– Янина? – прошептал мой собеседник. Он знал, насколько эта тема для меня болезненна.

– Она хоть и была старой, но не настолько, чтобы сердце остановилось само по себе.

Произнеся эти слова вслух, почувствовал, как защемило в груди. Адская тоска и беспомощность, сжали ее тисками. Прежде считая себя сильным, одним из самых сильнейших оборотней, живущих на нашей планете, теперь понимал, как я никчемен. Не смог защитить дорогих мне женщин. Не смог. Был слишком молод и самоуверен. Не видел

опасности в слабых самках, а надо было всего лишь включить мозги. Черт!

Послышался хруст дерева, и я понял, что чересчур сильно сжал спинку дивана, которая не выдержала моего напора.

– Игнат, может мне приехать? – Осторожный голос беты привел меня в себя.

– Нет, ты лучше жди ее там, а ко мне отправь парочку наших, давай братьев Зимовских, я один тут со всем не справлюсь. И все секретно, я думаю, ты и так понимаешь. Все-таки она луна клана. Поэтому в Красноярск самых верных, Саша.

– Да понял я, понял. Барсика и Стаса отправлю. – На том конце прозвучал звук зажигалки, Саша явно нервничал. – Еще Синицу можно. А почему ты так уверен, что Татьяна появится там?

– Хороший выбор. Она по Машиным следам идет, а местные информаторы настолько вялые, что я отстаю от нее на несколько дней. Поэтому решил сыграть на опережение и подождать ее там, куда она сунется обязательно.

– Кто эта Яна? Игнат! – Да, мой бета тоже мог рычать.

– Это не точная информация, Саш, – устало, вмиг севшим голосом прошептал: – Девочка может оказаться Машинной дочкой, я уже взял биоматериал. – В трубке послышался свист. – Все, давай заканчивать.

– Окей, все понял. Как что-то прояснится, наберу. Давай там только не буянь, все-таки территория другого клана.

– Да, мамочка, лягу посплю, глядишь и успокоюсь. Жене

своей привет от меня.

Нажал на отбой. Мне и правда необходимо поспать. Дело набирало обороты, голова нужна ясная. Сегодняшнее поведение пускающего слюни похотливого щенка не норма.

Как проснулся, первым делом отправился в больницу, где лежал Ребров. Нашел его лечащего врача. Молодая, красивая серая волчица с шикарными волосами, собранными в длинную толстую косу. Представилась Мари и превратилась в пушистого ластящегося щеночка, как только почувствовала силу моего волка.

– Реброва когда на выписку?

Начал без предисловий. Яна говорила, что они сразу в клан поедут, вот туда им и надо, там до нее Назимовой не добратся.

– Еще неделя минимум, – растерявшись, сказала женщина.

– Машенька, так не пойдет, организуй дату побыстрее, желательно сегодня, – постарался быть убедительным, не выпуская альфа-волн.

– Как – с-сегодня? – начала отвечать, заикаясь, но постепенно приходила в себя и с каждым последующим словом, голос звучал ее более уверенно и громко. – Да он на ногах еле стоит, и вообще, вообще... – Лучше бы она и дальше вела себя как глупая и милая кокетка. – Что вы себе позволяете, вы не мой альфа! Я пожалуюсь...

Я не дал ей договорить, схватил за шею, прижал к стене

и, склонившись к ее уху, начал говорить.

– Слушай меня внимательно, Маша. – В глазах волчицы появился испуг. Правильно. – Реброва выписываешь в течение трех дней. – Она пыталась что-то ответить, и я придавил ее легкой волной силы. Только силы вышли из-под контроля, и на нее обрушился громадный поток альфа-волн. – Молчи и слушай! Лечи его как хочешь, но чтобы на ногах стоял. Никому о моем интересе ни слова, и еще. О том, что прежде, а особенно при каких обстоятельствах встречалась с Яной Ребровой, молчишь как рыбка. Поняла меня?

Из глаз волчицы потекли слезы, я отпустил ее шею и отошел. Мари растерла горло руками и начала судорожно кивать.

– Хорошо, я все сделаю. – Подняла лицо и встретившись с моим взглядом, четко проговорила: – Все, как вы сказали. Альфа, – и склонила голову.

Что ж, после неконтролируемого выброса силы это было весьма ожидаемо. Вот так и появляются шпионы – ее волчица признала вожаком меня.

– Умница, – поднял ее за подбородок, – если хочешь, можешь потом уехать в Москву, тебя встретят и всем нужным обеспечат мои люди. Хочешь – оставайся здесь. Настаивать не буду, но сама должна понимать: тебе придется молчать о происшествии.

Серая уставилась во все глаза на меня, часто задышала и, откашлявшись, все же сообщила мне о своем желании

остаться здесь. Это ее выбор.

Возвращаться в квартиру не стал, скоро должны прилететь мои парни. Решил их встретить. И пока добирался до аэропорта, набрал номер Васильева.

– Приветствую, Игнат. – Местный альфа моментально поднял трубку. – Извини, что так и не поприветствовал, проблемы были.

– Да я слышал, что Ребров в больнице, долгих лунных дней ему от меня передай. Я тебе по делу звоню.

С Максимом я всегда поддерживал приятельские отношения, толковый волк. Почти вдвое старше меня, но все же один из самых молодых альф. Сейчас же мне хотелось выпиться клыками ему в глотку. Как представлял его вместе с Яной, сразу хотелось разорвать на куски. Долбаная необходимость сдерживаться, будь оно все неладно.

– Говори.

– Ко мне прилетят два помощника, ставлю тебя в известность.

– Понял. Еще что-то? Машины, жилье?

– Да, было бы неплохо. Им ездить по области придется. Не справляюсь я в одиночку с поисками. И квартиру, только попроще моей. – На самом деле лишь бы подальше от девчонки и ее искушающего запаха, но Васильеву об этом знать не нужно. – И еще, чуть не забыл, в Красноярск тоже придут наши волки, трое, они там сами с транспортом разберутся. Уже лучше с тобой тогда сразу вопрос решу и Литвинову

звонить не буду.

– Я сам сообщу Литвинову, он как раз сегодня отчитываться будет. А так в целом у тебя все в порядке? Не сталкивался ни с какими проблемами на нашей территории?

– Спасибо, Максим, – хохотнул в трубку, – за беспокойство, не переживай. Приехал, занимаюсь своими делами, ваши меня не трогают, я не трогаю ваших.

– Понял тебя. Как приедут парни твои, звони Тимуру, он все организует, я ему сообщу. Мирной луны тебе.

– И тебе мирной.

Нажал на отбой, чуть не раздавив телефон, тяжело было разговаривать с ним спокойно.

Поживу пока в другой квартире, а когда Яна под охраной своего отца уедет в клан, тогда и буду рыть информацию по Машке, куда-то же она делась. А пока побуду на небольшом расстоянии от малышки, присматривая за ней.

Опять сердце быстрее застучало, стоило только подумать о ее аппетитной попке. Зверь внутри меня уже все решил. Кем бы она ни оказалась, заберу ее с собой. А пока подожду, может, и навещу ее в поселении через недельку. Как раз полнолуние будет. Забег. Идеальный повод и время для встречи.

Глава 9

Яна

Прозвучал такой долгожданный щелчок чайника. Я гипнотизировала его взглядом уже пару минут, никогда не наливала полным, всегда примерно на треть, но ожидание от этого не становилось меньше. Особенно по утрам. Если честно, кофе меня не особо бодрил, а вот его непередаваемый аромат заставлял просыпаться, будил все мои рецепторы, и организм медленно-медленно оживал. Следом приходило чувство голода, и вот тогда я становилась почти полноценным человеком. Или не человеком, судя по последним событиям. До сих пор так и не разобралась со своим отношением к этому.

Допила последние капли на дне кружки и, немного поразмыслив, решила еще на одну чашку. Несмотря на ранний час и довольно холодную для лета погоду, солнышко заглядывало в окно и даже слегка припекало. Была своя прелесть в таком времяпрепровождении. Сидишь, пьешь любимый напиток, ешь горячий бутерброд и жмуришься от солнечных лучей, падающих на лицо.

Радость нужно искать в мелочах, этому я научилась еще в детстве, так же, как и абстрагироваться от окружающей вселенной. Отдаляться от этого мира и мыслей, просто насла-

ждаясь приятными моментами, несмотря ни на что. Наверное, это какая-нибудь техника новомодных медитаций, но я ни разу не посещала ничего подобного.

День предстоял сегодня трудный. Во-первых, придется ехать с Максимом в одной машине. Опять. Хорошо было не видеть его все эти дни. Во-вторых, предстояло знакомство с кланом, как бы пафосно это ни звучало, но я переживала, смогут ли они стать моей семьей. Ведь, как говорил отец, клан – это семья, где все друг другу братья и сестры, правда, со своей особенной иерархией.

Ну и в-третьих, признаюсь сама себе, я жутко не хотела уезжать из этой квартиры.

Глупая, глупая Яна. Все еще надеялась, хотя бы на случайную встречу с московским волком. С того момента, как он оставил меня в своей квартире, прошло три дня. И мы больше не виделись. Он так и не вернулся, или это я не могла его застать. А ведь я караулила. Вместо того чтобы гулять, сидела дома по вечерам и прислушивалась к любым шорохам.

День, проведенный с Игнатом, был полон странностей, но и приятного было не меньше. До сих пор по телу бегали мурашки и жар приливал к щекам, стоило только вспомнить, как я бесстыдно принимала его ласки. Мне хотелось продолжения, я действительно спустя столько лет захотела мужчину. И, признавшись самой себе в этом, сильно огорчилась, что ничего не вышло. Он не взял номер моего телефона, так же, как и я его. В итоге получилось то, что получилось.

Максим ждал меня в восемь около подъезда, как и было оговорено. Сегодня он уже не казался таким красивым. Как все переменчиво в этом мире.

– Ого! – встретил он меня восклицанием.

– Что на этот раз? Опять удивился, что я вовремя? – хмыкнула и прошла мимо него.

– Твой вид, я думал, ты предпочитаешь другой стиль.

– Ты меня видел пару раз, так когда бы ты успел изучить мой стиль? – парировала я.

Вопреки своему настроению, мне хотелось хорошо выглядеть. На мне было белое вязаное платье с длинными рукавами, но достававшее лишь до середины бедра. Про стиль Васильев был прав, в повседневной жизни я редко носила платья, с собой их даже не помыслила упаковать. Но что-то в моем мозгу перещелкнуло, и позавчера я прошла по магазинам, накупив при этом кучу платьев, как удобных, так и совершенно мне не нужных. Поэтому переезжать в новый клан я буду уже с двумя чемоданами. «Огромное у меня приданое», – прыснула мысленно.

– Мария долго противилась? – спросила я у самого входа в больницу.

– Не очень, – ухмыльнулся, – разве Олега может хоть что-то остановить в его стремлениях? Только обрел дочь и видится с ней пару часов в день. Это не про него.

В палате нас уже ожидали: недовольная Мари и собранный отец. Сейчас он выглядел старше обычного, гладко вы-

бритый, в черных брюках и водолазке. Мы с ним, не стовариваясь, еще больше подчеркнули отсутствие между нами внешнего сходства. Я, брюнетка в белом платье, и Олег, блондин во всем черном. Видимо, папа это тоже заметил. Как только его взгляд остановился на мне, он широко улыбнулся.

– Яночка, какая же ты у меня красавица, – повернулся к своему врачу. – Стыдись, Мари, что не хотела меня отпустить.

– Мы еле вытянули тебя. Практически с того света, – возмущенно протараторила волчица. – Только под твою ответственность, Максим. И, Яна, – пристально и очень зло посмотрела она на меня, – под твой постоянный надзор и уход.

Отец недовольно взмахнул руками.

– Вы это тут прекращайте! Я не ребенок, чтобы со мной так нянчились, – хлопнул себя ладонями по коленям и спросил, посмотрев на каждого в палате по очереди: – Сидеть на дорожку будем? Нет? Ну и хорошо.

Взял сумку с кровати и направился на выход, ухватив по пути мою руку. Притянул меня к себе, крепко прижав за талию.

– Твою комнату обустроить я не стал, – шепнул мне на ухо по пути, – дал распоряжение, чтобы в ней убрались и необходимое там было. Обставишь сама, хорошо?

– Да конечно, спасибо. Это... – замялась, подбирая ответ, – действительно очень круто, что ты подумал об этом.

Искренне улыбнулась и обняла отца в ответ за спину. Так мы и шли весь оставшийся путь до машины Максима. Потом была еще одна перепалка между мужчинами. Отец был крайне удивлен, что ему не разрешили сесть за руль и не выделили собственную машину. Но возглас Макса: «Знаешь, чувак, мне еще дороги мои яйца. Хочешь за руль – разбирайся сначала с Мари. А я лучше буду следовать ее указаниям, целее буду. А то, не дай луна, загремлю в больницу. Она же меня с потрохами сожрет» – потушил недовольство отца на корню.

До поселения мы ехали час с небольшим, точнее, до первых ворот. Как мне объяснили, это был внешний забор. Спустя минут двадцать на нашем пути появился шлагбаум. Рядом стояли домик и два внушающих опасения волка. Самый настоящий контрольно-пропускной пункт, я не была на военных объектах, но ощущение, что там устроено все так же, не покидало меня.

– Альфа, бета, – в один голос произнесли волки и почтительно склонили головы, здороваясь.

Ого! Как у них тут все серьезно. Следом открывшаяся картина удивила меня еще больше. Это было не поселение, язык не поворачивался это и деревней назвать, это был пусть маленький, но самый настоящий город. Магазины, море детских площадок и стоявшие аккуратными рядами домики, в основном одноэтажные. Все дорожки заасфальтированы. Пока мы ехали, я успела увидеть в окно автомобиля площадь и, по всей видимости, школу. Большое двухэтажное здание

со спортивной площадкой и футбольным полем около него.

Дом отца оказался двухэтажным и находился в противоположном конце поселка. Вокруг него стоял невысокий заборчик, а на территории росли березы и был разбит маленький садик.

Было очень красиво, по-домашнему уютно и в то же время цивилизованно. Вообще все поселение напоминало мне типичный пригород, из американских фильмов. От того было более странным увидеть такую красоту в российской глубинке.

– Ну вот, – сказал Олег, кинув сумку в прихожей, – располагайся, чувствуй себя как дома. Вообще-то, это и есть твой дом, поэтому я надеюсь, что ты как можно скорее освоишься. Пойдем, покажу твою комнату. – Он протянул мне руку.

Комната, выделенная мне, находилась на втором этаже. Она была средних размеров, с отдельными ванной и туалетом. Из мебели – только диван и телевизор, нейтральные обои и такой же невнятный тюль, шторы не висели.

– Не переживай, – заметив мое смятение, успокоил отец, – я же говорил, подберешь на свой вкус, все сама, – посмотрел на запястье с часами. – Спускайся завтракать, а я Альке позвоню, она как раз за это время соберется. Это наш местный дизайнер, – уточнил Олег, – талантливая девочка, весь наш поселок перекроила до неузнаваемости, но жуткая соня, пушками не поднимешь.

Развернулся и вышел. Вот она, новая жизнь. Обо мне за-

ботятся и прислушиваются к моему мнению. Нелегко поверить в такую сказку. Кристина, когда я ей позвонила и поспешила обо всем рассказать, вообще предположила, что меня увезли либо маньяки, либо мошенники. Расскажи я о том, что они оборотни, подруга обозвала бы их сектантами. К бабке не ходи!

Алей оказалась обворожительная, непосредственная и как будто не от мира сего девушка, на вид которой не было и шестнадцати. На самом деле ей исполнилось тридцать пять. С физиологией этих оборотней собственным глазам верить нельзя ни на грош.

– Так, – потерев ладони друг о друга, она сразу же взяла меня в оборот, – ты какой стиль предпочитаешь?

– Современный, но без перебора, – ответила невнятно, я же не дизайнер, и разбираться в стилях – это не мое.

– Окей. – Аля лопнула пузырь жевательной резинки и продолжила, а я вздрогнула от громкого щелчка: – Давай тогда с цветовой гаммой определимся, и я покажу тебе по каталогам, что есть. Какие-то вещи можно будет привезти и установить уже сегодня, какие-то придется подождать.

Говоря это, она наматывала круги по комнате и, судя по нахмуренному выражению лица, что-то там придумывала.

На выбор мебели, текстиля и декора у нас ушло целых три часа. Раньше даже и не предположила бы, что на просмотр каких-то каталогов можно потратить столько времени. Но сегодня я попросту не заметила этого. Аля была веселой и

располагала к себе, я смеялась над ее шутками и впервые за последние три дня почти не вспоминала о волке с черными глазами.

Вечером, лежа в своей новой кровати, а я предпочла дивану именно ее, размышляла о том, что в появлении Игната был один большой плюс. Я окончательно определилась в своем отношении к Максиму. Это пройденный этап, и даже не этап, а так, момент. В свое время очень много для меня значивший момент, но пора двигаться вперед. Уже давно пора. Даже если я больше не увижу Игната, надо начинать жить полной жизнью.

Завтра узнаю у отца, не нужен ли маленьким оборотняшкам учитель. Через две недели начало учебного года, скорее всего, начальные классы уже укомплектованы, но вдруг они выделяют мне пару уроков. Это было бы прекрасно.

Почувствовав, что глаза начали закрываться сами по себе, поднялась с кровати, переоделась ко сну в милую пижамку и поспешила к отцу, чтобы пожелать ему приятных снов.

На пороге обернулась, еще раз оглядев преобразившуюся комнату. Светлые шторы с золотистыми переливами, кровать, комод, туалетный столик и встроенный зеркальный шкаф-купе во всю стену были в одной цветовой гамме «Молочный дуб». Обычная, милая, не яркая обстановка, но за счет текстиля, появившихся маленьких статуэток и фигурок комната наполнилась домашним уютом.

Я сразу поняла, что обустройством квартир в городе зани-

малась не Аля. Спросив ее об этом, увидела грустную улыбку и продолжать тему не стала.

Комната отца располагалась через одну от моей. Я тихо-нечко постучала.

– Проходи, Ян, – послышалось из-за двери.

– Я ненадолго. Хотела пожелать тебе спокойной ночи.

Отец подошел ко мне и, порывисто обняв, поцеловал в макушку.

– Это я должен приходиться к тебе на ночь глядя. Нормальные родители делают именно так. Пойдем, – развернул меня в сторону выхода, – уложу тебя спать. Ты, конечно, девочка взрослая, но не откажи старику.

Мы одновременно засмеялись, ведь оба понимали, что старик из него никудышный, да и на родителя моего он не особо похож, максимум на старшего брата.

– Тебе все понравилось? – спросил он, оглядывая комнату, когда я уже сидела в кровати, укрытая одеялом.

– Да. Все чудесно! Я же уже говорила, спасибо за заботу.

Видно было, что отец растерян. Он не хотел уходить, но не знал, что сказать, или же хотел что-то спросить, но не знал как.

– Пап, – я взяла его за руку, – в чем дело?

– Да просто это не мое дело, даже не знаю, должен я об этом спрашивать или нет. Но не могу успокоиться, – вздохнул и взъерошил волосы на голове. – Мне доложили, что в день нашего знакомства, когда ты одна ушла из больницы, в

квартиру ты вернулась вместе с Романовым на его машине.

– Я так понимаю, это не вопрос, – ухмыльнулась, – ты и так в этом уверен. Что тогда ты хочешь узнать?

– Ну вот, ты поставила меня в тупик. – Он замотал головой.

Такой смешной и одновременно милый в проявлениях своей заботы обо мне.

– Да уж, чувствую себя школьником. Кто чей ребенок, – засмеялся он, а потом серьезным тоном спросил: – Он тебя не обидел?

«Он меня обломал», – закричало подсознание. Но вслух, конечно же, я ответила совсем другое.

– Нет, все в порядке, мы с ним снова случайно пересеклись, и он решил меня подвезти. Ничего криминального.

– Ладно, тогда забудем, – поднял руки, как бы сдаваясь, и начал подниматься с кровати, – у тебя будут отношения и мужчины, и я как-то должен к этому привыкнуть, – пробубнил себе под нос.

Но я услышала и засмеялась, ткнула указательным пальцем в свою щеку.

– Лучше поцелуй меня на ночь и иди уже. А то жуть как хочется спать.

Отец ушел, оставив на душе приятное тепло. То, что он узнал о Романове, было весьма ожидаемо. Я все эти дни удивлялась, почему Олег ничего не спрашивал, а оказывается, ему просто не сообщали. Наверное, пока он лежал в

больнице, его предпочли не тревожить.

И опять в моей голове поселился Романов Игнат. Игнат. Как же ему подходило это имя. Оно прямо-таки сочеталось с его глазами. А глаза! Его черные глаза, полные дикого желания, снились мне каждую ночь. Неужели так трудно найти мой телефон и позвонить? Особенно когда ты так крут. Конечно, не сложно, просто ему это не нужно.

С такими безрадостными мыслями в голове я и уснула. Неудивительно, что утром настроение было отвратительным. Когда я, не переодеваясь, спустилась, Олег уже ждал меня на кухне.

– Давай быстренько завтракай и пойдем, – произнес он, оторвавшись от поглощения чего-то вкусно пахнущего.

– Что там у тебя, – с интересом взглянула на тарелку, – и куда мы так спешим?

– Ничего особенного, стейк из индейки. А спешим мы...

– Серьезно? – перебила я его. Наткнувшись на непонимающий взгляд, пояснила: – Ну вы же оборотни, должны есть мясо пожирнее, посытнее и вообще мало прожаренное или сырое, – пожала плечами разводя руками.

– Меньше слушай всякие байки. Если я наполовину зверь, это еще не говорит о том, что моя человеческая половина не может любить мясо птицы. Лучше садись и ешь, твоя порция на сковороде, – махнул он в сторону. – Нас ждут к десяти. Тебя официально представят всем волкам и примут в клан.

– Какая форма одежды? – полушутя спросила, после того

как с полной тарелкой еды присела за стол напротив отца.

– Ну и язва ты, Яна. И в кого такая, ума не приложу, – делано вздохнул, положил столовые приборы на стол и продолжил, глядя на меня в упор: – Надевай, что хочешь, главное – твоё присутствие и серьёзное отношение к этому. Если ты не готова к такому шагу, как вступление в клан, мы можем подождать.

И посмотрел выжидающе. Ну вот. Не зря настроение было плохим!

– Это же не только привилегии, но и какие-то обязанности? Я правильно понимаю? – спросила, крутя вилку в руках.

– Ты права. У тебя будут обязательства перед кланом и перед альфой, – пару секунд помолчав и сложив ладони домиком, продолжил: – Слово альфы закон. Ты должна будешь ему подчиняться, грубо говоря, это единственное наше правило. Все остальное вытекает из этого. В каждом клане свои законы, да, – покачал он головой, – в основном похожие. Но и отличия также существенны.

Вот тебе и дилемма. С одной стороны, я хотела новую жизнь. Пожалуйста. Отец. Большая волчья семья. Офигительно длинная жизнь в перспективе. И все бы ничего. Но это слово альфы. Как представлю – во всем слушаться Максима, аж мурашки по коже. Да, я, скорее всего, утрирую, но не хотелось бы пересекаться с ним в дальнейшей жизни. Вот и что выбрать? А на деле и выбор-то, как таковой, передо мной не стоял, все и так очевидно.

– Чего ты боишься? – Голос отца практически звенел.

Видимо, я чересчур глубоко ушла в себя. Сосредоточила прежде расфокусированный взгляд на Олеге. Он был весьма задумчив. Из-за моего поведения, что ли?

– Я не боюсь. Просто не знаю, чего ожидать. От этого всего, – развела руками, – и от Максима. Прости, но я привыкла никому не доверять. И поэтому стараюсь сначала тщательно все обдумывать.

– Яна, пойми, тебя никто не заставлял, я и не думал, что тут образуется проблема. Клан в первую очередь защита, – посмотрел на часы. – У тебя есть еще двадцать минут все обдумать и определиться с решением, – сказал он и начал подниматься из-за стола.

– Я согласна, – бросила ему вдогонку. – Прости и не подумай, что это недоверие именно к тебе, просто, – пожала плечами и заломила руки, – сразу столько перемен, я теряюсь. Что нужно будет делать?

Подошла к Олегу и прислонилась к его спине. Почувствовала мир и покой, а на душе стало светло, словно тысячи ярких огоньков вспыхнули прямо передо мной.

– Ну ты и лиса, – хохотнул отец, сам при этом замер и не шевелился. – Милая, нужно будет лишь склонить голову перед альфой у всех на виду. И все. Тем более ипостаси у тебя нет, иначе, чувствую, пришлось бы тяжелее.

– Почему? – с интересом спросила.

Я уже отошла и теперь, облокотившись на кухонную тум-

бу руками, заглядывала Олегу в лицо.

– Судя по тому, как ты запросто общаешься со мной, – увидев мое удивление, поторопился объяснить: – Ладно, меня пропустим, я твоя родня, может, в этом дело. Ты легко держишься с Максимом, а про Романова я вообще молчу, там такая энергетика – не каждый волк выдерживает, а ты и словом об этом не обмолвилась. Из чего я делаю вывод, что ты этого просто не заметила. А раз не заметила, то нетрудно догадаться, что зверь внутри тебя достаточно сильный, возможно, даже с пассивными альфа-волнами. И, возвращаясь к самому началу... сильным волкам обычно тяжелее всего опустить взгляд и признать власть другого. Чем зверь сильнее, тем труднее этот процесс.

– Хм, – задумчиво хмыкнула, – то есть я не только, возможно, буду супердолго жить, но и стану необыкновенно крута и сильна? – заглянула с надеждой в его глаза, переведя этим разговор в шутку.

– Яна, Яна, – щелкнул меня по носу. – Иди переодевайся уже. – Он осмотрел меня с ног до головы и усмехнулся. – Или ты так пойдешь?

Вид у меня был культурный, скажем, даже подходящий. Только вот подходящим он был для домашнего завтрака. Несмотря на то, что пижама с крошкой Смурфеттой была моей любимой, для показа на людях она совсем не годилась. И это меня весьма огорчало.

Мое принятие в клан проходило на той самой площади,

которую я заметила из машины, проезжая мимо. Людей было много, на вид человек триста, может, больше. Папа сказал, что это даже не одна десятая от живших в поселении. Но не все могли прийти, да и не обязательно это. Как я поняла, главное, чтобы был хотя бы один член от каждой семьи.

Стоя среди этой толпы, внимание которой было приковано к моей персоне, почувствовала себя нехорошо. На спине выступила испарина. Я стояла, смотрела вокруг и не могла даже сконцентрировать внимание на чем-то или ком-то конкретном. Речь Максима прошла словно мимо меня, потом он резко замолчал, и я рассеянно посмотрела на него. Встретилась с выжидающим взглядом и не могла понять, почему он до сих пор молчит. Только после того как на его лице промелькнули удивление и даже отголосок злости, я вспомнила, что нужно склонить голову. Дура безмозглая! Что же теперь обо мне подумают?!

Поспешила опустить глаза и подбородок. И все вокруг ожило, волки начали гоготать, кто-то поздравлял, кто-то переговаривался между собой, я только в этот момент поняла, насколько было тихо, когда молчал Максим. Как будто на расстоянии нескольких сот метров вымерло все живое. Васильев положил руку на мое плечо и, крепко его сжав, тихо сказал:

– Потом поговорим. – Слава богу, не зло, а как-то задумчиво прошептал: – Потом об этом поговорим, – и отпустил, подтолкнув в направлении Олега.

Отец, как только я к нему подошла, потрепал меня по макушке и обнял за плечи.

– Поздравляю! Теперь у меня появились рычаги давления на тебя, если ты не будешь слушаться меня как отца, – проговорил делано серьезно.

– Это какие же? – в тон ему продолжила.

– Ну так. Я же теперь бета твоей стаи, – прижал меня еще сильнее, – только попробуй меня ослушаться.

Я не выдержала и рассмеялась, Олег и наблюдавший за нашим разговором Максим вторили мне.

День выдался замечательный, намного теплее предшествующих, и был по-настоящему похожим на летний. Всю неделю стояла отвратительная погода, и все было подумали, что осень пришла в наши края на месяц раньше положенного. Солнце уже стояло в зените и приятно припекало открытые участки тела. Невесомый ветерок обдувал лицо, принося следом за собой просто непередаваемый запах леса. Нос чувял запахи хвои, мокрой травы и земли, еле осязаемый аромат цветов и ягод. Получался просто божественный коктейль, который хотелось вдыхать полной грудью. И я все четче начинала понимать, почему оборотни предпочитают жизни в городе природу и свежий воздух.

– Так, Макс, зови Катерину свою, Настасью, Задорожных, Давыдовых, отмечать будем, – пробасил отец прямо над моим ухом в сторону Васильева.

– Меня не надо звать, я уже здесь. Слушайте, вот и кто

из вас наш альфа? – беззаботно спросила подошедшая к нам блондинка. – Каждый раз удивляюсь манере вашего общения между собой и командному тону Олега, – поцеловала Олега в щечку и повисла на Максиме. – Я Настя, единственная и любимая сестра нашего главного волка, – обратилась она ко мне.

– Я Яна, – настороженно улыбнулась.

– Да-да, наша потеряшка, – отмахнулась она и посмотрела в сторону отца. – Ну что? Идем отмечать твое выздоровление и возвращение.

– Настасья, когда ты уже повзрослеешь? Командный тон мне по должности положен, – усмехнулся Олег. – Максим, тебя быстрее послушают, так что давай, собирай наших.

– И много этих самых наших? – шепотом уточнила у отца.

– Вместе с тобой одиннадцать, – так же шепотом ответил он мне.

Глава 10

Яна

Мы отправились в бар. Да! У них здесь был даже бар, небольшой, но все же. Ощущение как будто и правда попала в другую вселенную. Ну или в другую страну. Судя по сериалам и фильмам, которые я видела, можно предположить, что оказалась в Европе или Америке.

Компания отца состояла из трех волков, не считая его и Васильева, и пяти волчиц. Все мужчины были бетами и ровесниками Олега и Максима, по меркам волков все они были молоды. Но, как говорится, какой альфа – такие и приближенные у него.

За сегодняшний вечер мой лексикон расширился на добрый десяток крылатых волчьих выражений. Из волчиц только двое были с ними со школьных времен. Елена, громкая, веселая и взбалмошная брюнетка, – серая волчица и душа этой компании, и Злата, высокая пшеничная блондинка, с серьезными карими глазами, – жена и истинная пара Сергея Давыдова, они оба были бурыми волками и дополняли каждое слово друг друга. При взгляде на них возникало ощущение, что они умеют общаться мысленно, хотя разве могло быть по-другому, когда они в отношениях с четырнадцатью лет, а это ни много ни мало почти полвека.

Другая семейная пара, Игорь и Вика Задорожные, были их полной противоположностью. Тоже истинные, но абсолютно не понимающие друг друга. Поженившиеся всего полгода назад, они препирались у всех на глазах, и волчица каждый раз пасовала и замыкалась в себе. Ей было всего восемнадцать. Милая красивая и тихая девушка терялась рядом со статным и жестким волком. Игорь был очень сильным, даже я чувствовала волны, исходившие от него.

Я, кстати, наконец-то, находясь в окружении стольких волков, распознала это ощущение. Будто на голову тебе положили кирпич, и он становился все тяжелее и тяжелее, заставляя тебя повалиться пластом наземь. Поняв это, я сразу же громко поделилась своим открытием со всеми. Вокруг образовалась пугающая тишина.

– Слушай, Ребро, дочка-то твоя, оказывается, ого-го будет, – нарушил молчание Юрий Кодин, четвертый бета Васильева. – Сколько тебе? Двадцать уже есть? – Я рассеянно кивнула. – Печально. – Подперев подбородок, он продолжил: – Сильная же волчица из тебя получится если переродишься. Ну что вы? – обратил внимание на осуждающие взгляды окружающих. – Альфа-волны, Яночка, обычному люду минимум гранитной плитой ощущаются. Мы, оборотни, хоть и сильны, но с трудом ее поднимаем. А те, которые без зверя, так и вообще, – махнул рукой, – дышат через раз рядом с сильными самцами и самками, а ты вон как легко с нами держишься. я сразу это отметил, между прочим. – Он

сделал беззаботное выражение лица и присосался к горлышку бутылки, как будто и не говорил серьезные вещи только что.

– Смотри не подавись от удовольствия, – стукнула его по плечу сидевшая рядом Лена.

– Нет, ну а что, я вообще тут мечтаю про себя. Яночка, может, будешь моей истинной, когда вырастешь? Тьфу! Когда оборот пройдешь, – помахал указательным пальцем.

– Шут! – На этот раз Елена дала ему подзатыльник. Идеальная парочка.

– Вы прямо так дополняете друг друга, – подколола их и попыталась перевести тему. Не нравились мне все эти рассуждения о предполагаемом звере. Очень хотелось и в то же время страшно его не обрести, не хотелось бы остаться среди волков недоделанной.

– Есть такое дело. Да, Ленок? – Юрий широко улыбнулся и обнял брыкающуюся Лену за плечи. – Мы даже любовь-морковь пытались построить.

– О боже, Козин, уймись, – приложила волчица ладонь ко лбу, – не напоминай мне о том позоре.

Все сидящие за столом дружно засмеялись.

– Юр, и правда, отвратительное время вспомнил, – посмеиваясь сказал отец.

– Да, а помните тогда... когда... – не закончив Злата рассмеялась, не сумев справиться с приступом веселья.

– Ты про тот вечер, когда они расстались? – закончил за

нее муж.

Блин, я даже не удивилась. Они однозначно мысли друга друга читали.

– Да-да, про это. И правда ужасное время, – все еще смеюсь, говорила Злата. Такой искренний и беззаботный смех категорически не сочетался с ее серьезным образом.

– Было это лет двадцать назад, – поспешил объяснить мне отец, справившись с хохотом. – Какой год? – обратился он к окружающим.

– Конец девяностых.

– Девяносто седьмой.

– Девяносто пятый.

– Девяносто седьмой, мне тогда было двенадцать, и я впервые обернулась, – вмешалась в разговор Настя.

– Бинго, Настасья. Я как раз тогда только вернулся из Москвы. Ну так вот, – это уже было обращено ко мне, – решили они встречаться, не знаю даже, в каком пьяном бреду они дошли до таких мыслей, но мучили нас полгода. Вечно злые, недовольные и молчаливые. Все напряжение и недомолвки между собой сбрасывали сексом, а мы потом на их постные морды смотрели и вешались от скуки. Макс тогда еще не был альфой и очень этому огорчился, говорил постоянно: «Приказал бы расстаться и все дела».

– А потом все решилось само собой, – подхватил Васильев.

– Ни хрена себе, само по себе! – возмутился Кодин. – Она

мне чуть полчлена не оттяпала.

– Так нечего было мне его пихать по самые гланды, придурок, – парировала Лена.

У меня отвисла челюсть. Кстати, судя по реакции Вики, Насти и Кати, как выяснилось, нынешней девушки Васильева, на которую я старалась не обращать внимания, они тоже впервые слышали такие откровения.

– В итоге, – слово взял Игорь, – на одну из наших встреч они пришли с другими парами и зло друг друга высмеивали. Даже не заметив, что эти самые пары сбежали. Выясняли отношения весь вечер, а мы с упоением слушали обо всех их приключениях за прошедшие полгода.

– Так вот в чем, оказывается, дело, – обиженно насупилась Настя, – а мне вы все хором отвечали: «Не знаю». – Слова прозвучали обвиняюще.

– Ну так еще бы, – посмеялся отец, – сама же говоришь, тебе было двенадцать. Кто бы тебе стал говорить, что они не сошлись во взглядах на технику минета и даже безумный секс между ними не сгладил этих разногласий.

Мы с Викой одновременно захихикали, и я обратила на нее внимание. Переглянувшись с ней, поняла, что она невзлюбила Настю так же, как и я.

– А вот вы зря смеетесь, девчонки, – произнес обнимающий жену Сергей, – нас бы за такое Макс покусал, а если бы до его отца дошло, то точно ходили бы мы с набитыми мордами.

В такой дружественной и веселой обстановке мы и просидели до самой ночи. Домой с отцом возвращались счастливые и довольные.

На следующее утро, сидя за завтраком, завела с ним разговор на особо интересующую меня тему.

– Пап, а почему Задорожные и Давыдовы такие разные, ведь и те, и другие – истинные, как я поняла?

Переспав со своими мыслями и впечатлениями от общения с таким количеством волков, я всерьез заинтересовалась вопросом взаимоотношений Вики с мужем.

– Понимаешь, Ян, истинные, скорее, у них звери. Вообще, эта парность – штука весьма противоречивая, – откинувшись на спинку стула и продолжил: – Парами являются именно звери. То есть для того, чтобы узнать свою пару, оборотни должны встретиться в волчьем облики. Поэтому далеко не все, даже встречаясь, могут понять, что они истинные половинки. – Отец встал, налил нам кофе и продолжил. – Это во-первых. А во – вторых, звери, значит, определились, что они истинные и им никто другой не нужен. Сама подумай, а что дальше? Люди могут друг другу не понравиться, и тут с этим ничего уже не поделаешь. Вот такая загвоздка у Игоря и случилась.

– То есть ему не нравится Вика, но инстинкты зверя для него важнее, так? – Я настолько заинтересовалась вопросом, что отпила содержимое чашки одним большим глотком, который тут же пришлось выплюнуть. – Вот же! Как горячо!

Встала и налила себе кофе заново, отец мои действия никак не прокомментировал, только по-доброму рассмеялся и продолжил рассказ о своих друзьях.

– Не совсем так, могу поспорить, что ему Вика как раз таки очень нравится. Только вот сама Вика еще очень молода и мало что понимает, между ними пропасть в возрасте и силе. Она белая, слабая волчица, и в отличие от многих своих сородичей хитрости в ней нет ни на грамм. – Отец взял кружку и сделал медленный глоток. – М-м-м, я так старался сделать вкусный кофе, а ты в раковину его.

Ну вот, все-таки не понравилось ему.

– Прости, ты же видел, я не специально. Значит, Вика не хочет быть с Игорем? – поспешила вернуться к разговору.

– Возможно, – задумчиво протянул и серьезным тоном добавил: – Я в их семейные дела не лезу и другим не советую. Просто пытаюсь более ясно ответить на твой вопрос, почему у них такие разные отношения.

– Ну с Задорожными, допустим, понятно. Люди не согласны с выбором волков. А у Давыдовых, получается, согласны?

– Все так. У Златы с Сергеем все наоборот. Они любили друг друга со школы. Отношения у них завязались, когда Злата еще не обрела свою волчицу. У Сереги был волк, а она не переродилась. У них был конфетно-букетный период и всякое такое. Представляешь, каково же было их удивление, когда Злата прошла свое первое обращение. Сергей бегал в волчьем виде кругами вокруг нее, морально поддерживал и

защищал, не давая подойти даже ее родным. А потом припал на передние лапы и заскулил. Сначала никто ничего не понял, а когда до присутствующих дошло, такое началось, – усмехнулся и посмотрел вдаль, наверное, вспоминая. – Тогда гуляло все поселение от радости за них. А у Игоря все с ног на голову. Он поехал подтверждать власть нового вожака в одном из наших территориальных кланов в Забайкалье. Дни эти выпали на полнолуние, и он принял участие в забеге. Тогда-то его волк и почуял волчицу, загнал ее, сильно этим испугав, – сделал еще один глоток, потер переносицу и продолжил. – Ей тогда только исполнилось шестнадцать, молодая пугливая самочка, почти ребенок, как потом выяснилось, вдобавок ко всему сирота. Не знаю, как, – пожал плечами и нахмурился, – но Игорь себя сдержал и сцепки не произошло. Он хотел ее сразу забрать, но опекунша отстояла полтора года до совершеннолетия. Игорь здесь метался диким зверем целый год и, не выдержав положенного срока, забрал ее раньше времени. Ей восемнадцать-то месяц назад исполнилось, а живут вместе полгода, и до сих пор нет между ними взаимопонимания.

Под конец своего рассказа отец взял чайную ложечку и начал ее крутить, видимо, думая о чем-то своем. А мне с каждым сказанным словом становилось все жалче бедную девочку, которую лишили права выбора. И покоя не давала одна мысль.

– А с чего ты взял, что сцепки не произошло? – с претен-

зией спросила, – и он не изнасиловал её? Может, от того Вика так его и боится? – не могла не озвучить то, что пришло мне в голову.

– Если бы у них произошло что-то подобное, он бы не смог залезть больше ни на одну волчицу. А по приезде именно этим он и занимался, скидывал напряжение на всех, кто попадался под руку. – Отец хлопнул ладоши. – Вот так-то! – И в ответ на мой непонимающий взгляд пояснил: – После того как истинная пара подтвердит свои отношения спариванием в волчьем обличи, – уточнил, но я не глупая, и так поняла, – никто из них больше не сможет уйти налево. У волка просто не встанет, – хмыкнул, – а волчица загрызет любого, кто попытается залезть на нее.

– Но волки же сильнее.

– Конечно, сильнее, только не один нормальный не станет оборачиваться в постели. А в волчьей ипостаси мы силой никого не берем. За исключением случаев, когда мозги едут от запаха истинной пары. Такое как раз таки, случается, не сказать чтобы часто, но довольно распространенное явление.

– Дурдом, – подвела итог я.

Поцеловала отца и пошла собираться, он обещал познакомить меня с директором их местной школы.

Встреча прошла ожидаемо прекрасно. Еще бы, дочь первого беты и не взять на работу, так что пойду в этом году третьего сентября учить первоклашек. Очень жаль, что со своими не попрощалась, неудачный у них какой-то поток. Я при-

шла к ним во втором классе и, не доведя до первого выпускного, бросила. За прошедший год к ним очень привязалась и даже обрела любимчиков. Но это жизнь, все течет, все меняется, и я рада этим переменам. Я даже мечтать вслух не смела об обретении родных. Поэтому все сопутствующие убытки, это все так, ничего не значащая мелочь. По Кристинке только скоро скучать начну, мы ни разу так надолго не расставались, а теперь встретимся, только когда я квартиру поеду продавать. Но когда еще это будет, покупателей пока нет, да и вряд ли быстро найдутся.

Я подошла к калитке соседнего с нашим дома, такого же двухэтажного и ухоженного, с другой стороны от которого стоял дом альфы, точно такой же. Элита клана, мать их так. Спокойно, Яна, сохраняя вежливую улыбку. Не найдя кнопки со звонком на калитке, зашла во двор. Он почти не отличался от нашего, только на одном из деревьев висели широкие качели. Интересно, они висели здесь раньше или специально появились для Вики? Мне казалось, это в ее характере – любить такие вещи. После вчерашнего вечера что-то мне не давало покоя, а разговор за завтраком только усилил негативное отношение к происходящему. Чувство неправильности просто грызло меня изнутри, и необходимость все выяснить нарастала во мне как снежный ком. Отец, когда я ему позвонила и попросила адрес Вики, даже не удивился. А я задалась очередным вопросом: неужели я и правда веду себя столь предсказуемо?

Дверь мне открыли до того, как я постучала, стоило только руку занести.

– Привет, – лучезарно улыбнулась мне Вика, – проходи. Я услышала, как ты прошла мимо своего дома. Удивилась и спустилась, чтобы проверить. И вот ты тут! Ты же ко мне? – нахмурилась она.

– Конечно, к кому же еще? – пожала плечами, а она вмиг просветлела и вернула прежнюю доброжелательность.

– Ну мало ли, вдруг к Игорю, – подхватила меня за руку и повела на кухню.

– Я не знала, что оборотни настолько хорошо слышат. И как ты определила, что это я?

– Определила, что ты, по запаху, мы унюхать можем и на много дальше. А вот слух такой далеко не у всех. – Она помолчала пару секунд. – У отца был такой же, – и, хитро прищурившись, посмотрела на меня.

– Ага, а отец твой тоже был белым волком? – спросила, не ожидая ответа на вопрос. – Олег говорил, что вы хитрые, – делано нахмурилась, – а вы, оказывается, со слуховым аппаратом внутри. – Мы обе рассмеялись.

– Только Игорю не говори, – отсмеявшись, настороженно прошептала она.

– А он не знает? – удивилась я.

– Белых волков очень мало, еще меньше, чем черных, поэтому мало кто про нас все знает.

– Теперь понятно, почему отец сказал только про ум и

хитрость. Ну последней тебе точно не занимать, – улыбнулась и спросила: – Так ты меня собралась кормить?

– Ага, – хитро прищурилась Вика, – буду чаем тебя поить. Я так рада, что ты пришла. Ты мне вчера очень понравилась.

Я присела за красивый обеденный стол, стеклянный, с фотопечатью красочных и аппетитных ягод. Провела подушечками пальцев по гладким, глянцевым изображениям малины и смородины и, сглотнув подступившую слюну, искренне улыбаясь, вторила Вике.

– Ты мне тоже понравилась, и я очень надеюсь, что мы подружимся.

Время пролетело незаметно, мы болтали о том о сем и ни о чем конкретном. Вика и правда была еще ребенком – веселой, общительной, открытой и легкой на подъем девчонкой. Внешний облик мало соответствовал внутреннему содержанию, если только рост, сзади ее можно принять за маленькую девочку, спереди же у нее был вид настоящей искушительницы. Точеный носик, большие темно-зеленые глаза, острые скулы и мегакрутые пухлые губы. Глядя на нее, я проводила параллель с голливудскими секс-символами, по типу Джоли. Неудивительно, что у одного конкретного волка снесло крышу при виде нее. Такая завораживающая внешность в сумме с невинным внутренним миром создавала просто пожароопасную смесь.

Поедая наивкуснейшие кексики Викиного приготовления, я слушала смешные истории, происходившие у нее до-

ма. Про саму Вику я узнала только, что она пропустила год в школе, когда ухаживала за больным отцом и заново потом пошла в девятый класс. Когда ее забрал Задорожный, она училась в одиннадцатом. К слову, закончить ей школу он так и не дал, мол, «зачем тебе учиться, ты моя жена, у тебя и так все будет!» Ну не сволочь ли? Тиран домашний.

В смерти ее родителей не было ничего криминального, они были очень стары, когда зачали ее. Мать в преклонном возрасте не справилась с нагрузкой и умерла во время родов. А отец – в триста четырнадцать лет, как раз, когда ее сверстники учились в девятом классе.

Она все свое время дарила отцу, потому что оба понимали, как близок был его конец. Опекала Вику в каком-то там поколении внучатая племянница ее отца. Седьмая вода на киселе, она была строгой, но справедливой, Вика сильно к ней привязалась и с ней единственной поддерживала связь после переезда.

– А как же подруги? – спросила я ее удивленно, даже у меня была Кристина. А Вика моя полная противоположность, у нее подруг должно быть штук двадцать минимум. Белая волчица погрузстнела, махнула рукой и с сожалением произнесла:

– Как выяснилось, настоящей подруги у меня не было не одной. – Взгляд ее был полон обиды и боли, но на мою попытку разузнать, что да как, она лишь отмахнулась.

– О луна! – воскликнула Вика, приложив ладонь ко рту и начала метаться по кухне.

– Вик, что случилось? – насторожилась я.

– Уже время обеда, вот-вот Игорь придет, а я даже на стол не накрыла, – сумбурно произнесла она и начала бегать со скоростью Усэйна Болта, честное слово.

Убирала одни тарелки и ставила на их место другие. У меня чуть глаз не задергался.

Когда все было сделано, и Вика присела за стол отдышаться, я только хотела ее спросить: «Что, черт возьми, это было?», как со стороны коридора послышались шаги и голос:

– Малышка, я дома. – На кухню зашел Игорь. – Привет, Яна, – ни капли не удивился, наверное, тоже заранее почуял.

Остановился позади Вики, наклонился и поцеловал вмиг сжавшуюся девушку в засос. Я, конечно, не поборник морали, но не так близко с моим лицом, да и не так долго. Я кашлянула в кулак. Игорь усмехнулся и, скинув пиджак, сел за приготовленное для него место за столом. Вика же покраснела, насколько вообще может покраснеть человек, и постоянно опускала глаза, когда я пыталась поймать ее взгляд.

– Решила нас навестить? – обратился ко мне Игорь.

– Ага, налаживаю связи, – попыталась как-то разрядить обстановку, – а вообще, вы все здесь такие супервзрослые должожители, – нагнетающе произнесла, – что я решила подружиться с Викой, мы с ней хотя бы в одной возрастной категории.

Я пыталась быть максимально приветливой и старалась не показать, что заметила эту угнетающую обстановку. Игорь

кивнул и больше ничего не произнес. Вика так же молчала и нервно теребила салфетку в руках.

– Маленькая, как же ты великолепно готовишь. – Игорь после обеда подошел к Вике и на этот раз поцеловал ее в лоб. – До сих пор своему счастью поверить не могу.

Встал позади нее и положил руки ей на плечи. Вика вымученно улыбнулась, а Игорь поспешил попрощаться:

– Сидите, девочки, общайтесь, я пойду дальше дела разгребать, – напоследок сжал руки на Викиных плечах и ушел.

– Это было довольно странно, – произнесла единственные слова, которые пришли мне на ум.

Вика помахала головой из стороны в сторону и в разрез со своим настроением бодрым голосом сказала:

– Игорь всегда забегает на обед, быстро-быстро ест и обратно на работу. Им приносят туда еду, но он любит, как готовлю я, – наигранно засмеялась и перевела тему, – лучше расскажи, что дальше было после того, как ты этого Левакова выгнала из класса?

Что за черт? Я ей это уже рассказывала. Только хотела произнести это вслух, как Вика похлопала себя по ушам и до меня дошло. Ну я и тормоз, совсем забыла про их суперслух, пару раз матюкнулась про себя и принялась заново рассказывать историю моего прихода в школу к второклассникам.

– Да, первый раз мне это казалось более смешным, – зевая, сказала Вика. На мой вопросительный взгляд покачала головой, – минуты две только как перестал слушать и ушел.

– Он нас уже не слышит?

Она закивала в ответ.

– А ты его слышишь?

Вика хитро улыбнулась и опять закивала. Как же быстро меняется эта девочка.

– И насколько сильно различаются ваши слуховые возможности? – совсем уже насторожилась.

Ну что я за человек такой? Даже не поинтересовалась, насколько хорошо обычные оборотни слышат, тот же отец или Максим.

– Достаточно, – начала юлить белая волчица, я нахмурилась. Надеялась, что выгляжу достаточно устрашающе. Вика прыснула и все же поделилась секретом.

– Ну ориентируйся по придомовой территории, тебе так проще будет. Они здесь построены с учетом их слуха. То есть за забором никто не услышит, о чем говорят жители дома, а вот через пару шагов им уже все слышно. Вот такая у наших оборотней защита личной жизни, – обворожительно улыбнулась Вика.

– А как же тогда с квартирами в городе?

– Я не знаю, как здесь, – она пожалала плечами, – но у нас оборотни, живущие в городах, обшивали свои квартиры звуконепроницаемыми материалами.

– Логично, – задумчиво согласилась я, пожалуй, с логикой всех оборотней в целом, – а что с тобой?

– Ну я могу услышать, о чем говорят в соседнем доме, –

выпала и принялась разрывать, оставленную было в покое салфетку на маленькие кусочки. Я приподняла брови, ожидая продолжения, и не прогадала. – Когда сама нахожусь дома. И если напрягусь, могу еще чуть дальше услышать, но для этого большая концентрация нужна.

– Да уж, – протянула я, – а я-то думала, что это я хорошо слышу, – Вика округлила свои и без того огромные глаза, – ну знаешь, – заговорщицки прошептала, – в детдоме вечно слышала чужие шепотки и секретики.

И мы опять вместе рассмеялись. Я просидела у нее до вечера, до отвала наелась овощного рагу и запеченного мяса. Вика готовила и правда обалденно, я настолько увлеклась поеданием вкуснятины, что пару раз прикусила себе язык. Ей бы в шеф-повары крутого ресторана.

Рядом с ней было легко, я отдыхала душой и не вспоминала о некоторых черных волках, ну или почти не вспоминала.

Позже наш разговор перешел на более личные темы, и я сама не заметила, как выболтала ей и про Игната, и про Максима и вообще про всю свою жизнь.

Я никогда раньше не была такой болтливой. Или внезапное обретение отца сделало меня чересчур сентиментальной, или это еще одна из способностей маленькой белой волчицы.

Но и она в ответ была предельно откровенна со мной. Я многое узнала о ее браке. Вика не понимала саму себя. Ей Игорь нравился, но, несмотря на это, она его боялась. Она боялась быть самой собой рядом с ним, боялась осуждения

с его стороны и больше всего боялась сцепки. Оказывается, они до сих пор не прошли слияние в волчьей ипостаси. И мысли об этом до сих пор приводили ее в ужас.

– Понимаешь, – она порывисто перескакивала с одного на другое и пыталась мне объяснить, – через какое-то время я поняла, что не было в его поведении ничего страшного и опасного, но я тогда так испугалась. Сейчас понимаю: мне очень повезло, такая молодая и уже в паре с очень сильным волком. Но тогда я была в волчьем обличии и ощущала себя почти щенком. Когда убегала от него, я не кокетничала и не заигрывала, как думают многие. А просто бежала, спасая свою жизнь. Он меня очень напугал. Большой и сильный волк, который, как мне тогда показалось, был враждебно настроен, – обняла себя за плечи. – Я до сих пор, стоит только увидеть его волка, начинаю паниковать. А следующее полнолуние уже через три дня. И даже мысли об этом вызывают холодную дрожь.

– Ты его не любишь? – спросила я в лоб.

– Не знаю. Я ему благодарна. Мне не может не льстить его отношение ко мне. Я в восторге от его внешности, в постели с ним хорошо и, кажется, я даже дорожу им и нашими отношениями, но рядом с ним я теряю себя. И так хочется сбегать. Как можно дальше, чтобы строить будущее таким, каким мы его запланировали с отцом, когда он совсем не вставал с кровати и мы сутками напролет беседовали, – покачала она головой.

А я в тени комнаты заметила блеснувшую слезу на ее щеке. Не стала как-то комментировать увиденное, просто взяла ее за руку и начала делиться с ней своими личными неудачами.

Знала бы я тогда, что мне тоже следовало опасаться грядущего полнолуния. Как писал Булгаков, будьте осторожны со своими желаниями – они имеют свойство сбываться.

Глава 11

Игнат

– Максим, доброй луны тебе.

Я пожал протянутую мне ладонь.

– Здравствуй, Игнат. У тебя все в порядке?

– Да как... дело со скоростью черепахи движется, уже давно должен был быть дома.

Я встретил альфу у входа в подъезд. Прошла почти неделя с тех пор, как моя кошка уехала в клан. Татьяну так и не нашли, в Красноярске она до сих пор не объявлялась.

А найденные крупницы сведений о Маше только нагоняли тоску. Она не сбегала с поезда, ее с него сняли в ближайшем городе и сразу повезли в роддом, правда, числилась она как Марина Косицына, но других вариантов быть не могло. Теплившаяся надежда найти Машу умерла, не успев расцвести. Ее действительно не было в живых, она умерла родами. Какое же это частое явление с нашим видом: человеческие женщины, носящие под сердцем наших щенков, не выживают практически никогда, а полукровки довольно редко. И если Ребров не зря потратил двадцать лет на поиски своего ребенка, то в родстве Яны и Назимова можно не сомневаться.

– Может, воспользуешься моей помощью? Выделю тебе ребят. Я, конечно, понимаю, дело конфиденциальное, но я

подберу надежных парней, – Максим посмотрел в сторону стоянки. – Ты к машине? – на мой кивок развернулся и пошел в ту сторону. – Пойдем тогда, а то я спешу в клан. Сегодня же полнолуние, сам понимаешь.

– Да, Максим, я как раз хотел попросить разрешения присоединиться к вашему забегу. Зверь на волю просится, давно его не выпускал.

Я направился следом за Васильевым.

– Без проблем, ты сейчас хотел?

– Ближе к вечеру.

Мы остановились у машин.

– Наберешь тогда меня минут за пятнадцать до первых ворот. Тебя встретят. – Серый альфа кивнул своим мыслям. – Так что с поисками? Точно не нужна помощь?

– Спасибо за предложение. Но моих ребят хватит, я их тоже в Красноярск отправил, думаю, там все и решится.

– Понял, не лезу. – Он шутливо поднял руки, а меня опять злость обуяла, он-то мою девочку всю неделю видел. – До встречи вечером.

Дождаться бы этого сраного вечера. Волк все сильнее просился на волю. И ему было глубоко плевать, что у выбранной самочки нет волчицы. Он обязательно до нее доберется. Так что лучше я буду первым и вовремя утолю нашу с ним общую жажду по ее аппетитному телу.

Вечером, как и собирался, отправился в клан. Позвонил заранее, но все равно у внешних ворот пришлось ждать.

Неужели им не хватает волков, чтобы и здесь организовать пропускной пункт? Дело, наверное, в небольшой численности населения на территории, если сравнивать с моим кланом, само собой.

В нашем подмосковном поселении защита двойная, по всему периметру забор под напряжением и первое КПП, через пятнадцать километров уже бетонное ограждение и второе КПП.

Тут же внешней защитой была бетонная стена с воротами, на которых никто не стоял, лишь камеры висели, а на подъезде к поселению уже стояла охрана и шлагбаум на проезжей части, дополнительных заборов не было. Я бы все здесь поменял, только даже представить тогда не мог, как отмеченная мной оплошность в их охране сыграет мне на руку в будущем.

А пока, стоило только выйти из машины у дома альфы, в котором Максим любезно предоставил мне комнату, я сразу же почуял запах своей малышки.

Кинул вещи и спустился. Жители поселка потихоньку подтягивались к площади. В толпе даже заметил удаляющуюся спину Реброва. Видимо, Яна решила остаться дома одна. Умница моя. Зайдя в тень забора, разделся и начал перекидываться в волка, ему нужно было дать время проветриться и прогуляться перед тем, как идти к ней.

Мир преобразился. Окружающие меня краски стали не такими яркими, цветоощущение притупилось, но взамен

него в стократ усилились обоняние и слух. Приятная мышечная боль прошла волной по изменившемуся телу.

Я был волком, я чувствовал то, же что и он, видел и слышал то же, руководил нашими действиями, но все равно было ощущение, что я наблюдал за собой со стороны. Волк потянулся, довольно оскалился, почуяв аромат желанной самки вблизи. Коротко рыкнув, отправился в обратную от площади сторону. На охоту в лес. Я наслаждался ощущением единения с природой в волчьем теле.

Пробежав пару часов и подкрепившись загнанными кроликами, отправился к дому Реброва. По пути окунулся в протекающий мимо ручей и смыл с морды кровь. Добычу крупнее выбирать специально не стал, я все же торопился.

Не стал оборачиваться, в волчьем виде перепрыгнув через забор, пробрался в дом к Реброву. Яна по-прежнему находилась там одна. Я по запаху определил ее комнату и, проявив культуру поведения, поскреб лапой в дверь. Интересно посмотреть на ее реакцию.

Яна открыла далеко не сразу, пришлось еще и скулить у порога. Вот после этого растрепанная малышка в чудаковатой пижаме и предстала передо мной.

Она испугалась. Наблюдал за тем, как моя кошка невольно отшатнулась, приложила к груди руки и замерла на месте. Я поднял морду и поймал ее взгляд. Страх в ее глазах начал таять, сменяясь радостью узнавания.

Моя девочка!

– Ты такой большой, – восторженно сказала Яна и сделала шаг вперед. Протянула руку к моему носу и, не донеся, спросила: – Можно?

Я кивнул и почувствовал, как ее пальчики прикоснулись ко мне. Они пробежались от носа к макушке, прошли между ушей и зарылись в шерсть на загривке.

– Тебя даже волком трудно назвать, ты огромный, – она продолжала перебирать мою шерсть, – и такой красивый! – В ход пошла вторая рука, которой Яна решила почесать мне шею и подбородок, в глазах ее плескался восторг.

А у меня внутренности в узел скручивало от ласковых прикосновений ее рук. И желание начинало стучать в висках. «Перекинуться! Подмять! Присвоить!» – это все, о чем мог думать волк. Тихо рыкнул и толкнул ее по направлению к кровати. Малышка хихикнула и начала шуточно отбиваться.

– Какой некультурный волк. А ну прекрати!

Еще и командовать пыталась. Смешная. Я еще раз рыкнул и боднул мордой ее в последний раз. Она плюхнулась на кровать, а верх от ее пижамы задрался, оголяя плоский животик.

Ее тело было совершенно, хотелось облизывать каждый его миллиметр часами.

– Ну что? Так и будем молчать? Может, обернешься? – Ох, милая, когда я обернусь, нам точно не удастся поговорить.

– Ну и ладно, оставайся волком, буду говорить сама с собой. Ты же меня все равно слышишь?! Так даже проще. –

После этих слов решил с оборотом обождать, лег возле кровати и поднял к ней морду.

– Я ждала! – и замолчала. Сглотнула и облизала губы. – Мог хотя бы позвонить. Серьезно! – взмахнула руками. – Я понимаю, что мы знакомы один день. Но ты произвел на меня неизгладимое впечатление, а потом пропал.

Так, все, надо закругляться с этим, еще соплей мне не хватало. Обернулся и опустился на кровать рядом с малышкой, погладил не дававший покоя открытый участок живота. Она вздрогнула и посмотрела на меня. По мере движения взгляда щеки у Яны становились все краснее.

– Ты не хочешь одеться? – растерянно спросила она.

Я лишь покачал головой и, притянув ее за затылок к себе, прошептал у самых губ:

– Я тоже скучал, – и набросился на ее приоткрытые губы клеймящим поцелуем.

Зверь внутри меня довольно зарычал. Желание, жажда обладания, безумная похоть – все чувства были обострены до предела.

Яна отвечала на поцелуй с не меньшей страстью, обхватила мою шею и поглаживала ее тонкими пальчиками.

– Ты такая вкусная, – прошептал, на миг оторвавшись от ее мягких и податливых губ. – Подними ручки, будь хорошей девочкой. Да, так...

Снял с нее длинную футболку с изображением блондинистой синекожей гномихи. Хм, довольно странный выбор.

– Милая пижамка.

Яна непонимающе посмотрела и, увидев часть своего белья в моих руках, удивилась. Горячая маленькая девочка увлеклась нашим поцелуем настолько, что перестала замечать происходящее вокруг.

Я не дал ей раскрыть и рта, принялся целовать со все усиливающимся напором. Губы, щеки, подбородок, скулы, шея. Руки гладили упругую грудь с острыми вершинками. Не сдержался и приник к ним губами, втянул в рот аппетитный сосочек и услышал стон полный удовольствия.

Кровь раскаленной лавой текла по венам, приливая в пах. Сумасшедшая эрекция начинала мешать. Потребность оказаться в ней становилась практически непереносимой.

Опрокинул ее на кровать и, вынудив приподнять попку, стянул шорты вместе с трусиками, поражаясь тому, как она совершенна.

Принялся лизать кожу живота, спускаясь все ниже... почти добрался до заветного местечка, как она потянула меня за волосы вверх. Приподнялся и посмотрел на нее: моя кошка закусила губу и покачала головой.

«Ладно, в следующий раз, пусть успокоится... привыкнет ко мне».

Проложил дорожку поцелуев в обратном направлении, к губам. Сдерживаться становилось все труднее. Приподнялся на локтях и, ощущая адский голод, начал трахать ее рот своим языком. Поступательные движения замедлялись, лишь

когда она пыталась всосать мой язык.

Я прижался болезненно пульсирующим членом к ее бедру и продолжил ласкать малышку губами, она прогнулась в моих руках от удовольствия и тихо застонала.

Звуки ее голоса заиграли музыкой для моих ушей, тогда как аромат ее желания заполнил собой каждый миллиметр комнаты.

Моя девочка хотела меня так же сильно, как и я ее, чувственно отвечала на мои прикосновения.

Ее бедра неосознанно раздвинулись, приглашая меня. И я начал ласкать ее между ними рукой, размазывая по складочкам ароматные соки и теребя горошину клитора.

Яна принялась тереться о мои руки, а у меня в ушах зазвенело от похоти.

Сдерживаться и медлить становилось нереально.

Приподнялся над ней, поудобнее устраивая ее на кровати, и вклинился между длинных и стройных ног. Поймал взгляд: ее глаза потемнели от желания, в них читалась такая же дикая потребность погасить бушующий внутри огонь.

Провел головкой вдоль влажного, столь желанного входа, дразня и предвкушая. И моя девочка в попытках ускорить процесс сама попыталась насладиться на меня.

Эти ее неумелые попытки разожгли во мне настоящее пламя. Вошел в нее одним рывком.

Как чертовски узко! Твою мать! Гребаная луна!

Попытался себя сдержать и дать ей привыкнуть к моему

размеру, но, видит луна, это давалось мне с невероятным трудом.

Начал двигаться, и жар опалил кожу.

Я горел заживо, не веря, что можно так чутко ощущать женщину. Так остро и сладко у меня впервые.

Яна стонала, ее взгляд расфокусировался, и глаза то и дело закатывались от удовольствия. Хотелось продлить момент нашего единения. Но долго продержаться не смог. Дикое, сумасшедшее желание испепеляло меня.

Закинул ее ноги к себе на плечи и ускорил темп.

Почувствовал, как ее стеночки начали сжиматься вокруг меня, и просто озверел, долбясь в нее еще сильнее.

И малышка своим одуряюще хриплым голосом закричала подо мной, пока ее тело билось в судорогах.

А я растворился в нахлынувших эмоциях. Вдоль позвоночника спиралью закручивалась огненная волна, простреливая в пах.

Я понял, что пик рядом, и начал ласкать свою кошку рукой, преследуя маниакальное желание почувствовать ее оргазм еще раз. Ее бедра подрагивали, а мышцы лона начали пульсировать, судорожно сжимая мой член внутри себя. Как сумасшедший, целовал ее губы, кусал, облизывал, сосал.

И почувствовал мощнейшую волну экстаза. Волоски на теле встали дыбом, а тело скручивало, когда я кончал в нее, отмечая на периферии сознания, что она дошла до пика одновременно со мной, как будто вытягивая из меня все соки.

Уронил голову у ее шеи и медленно вышел. Перекатился на бок и, подперев одной рукой голову, второй погладил до сих пор подрагивающие живот и грудь малышки.

Сам себе не верил! Небывалые, ничем не замутненные ощущения стали для меня открытием. Я представить не мог, что можно настолько хотеть женщину. А она еще даже не волчица, что же будет, когда она обратится?! В том, что ее зверь будет моей парой, я уже не сомневался ни на миг.

Яна приоткрыла глаза и посмотрела на меня. Желание шло на спад, и она начала анализировать ситуацию.

– Ни о чем не думай, – хрипло прошептал, – просто доверься мне.

– Ага, – запнулась, прокашлялась и тоже шепотом продолжила: – А ты опять пропадешь и даже не позвонишь.

– Обиделась, – ухмыльнулся, – если и так, то это еще ничего не значит. У меня работа такая, что не до звонков. Но думать о тебе от этого я меньше не стал.

– А ты правда думал? – с надеждой поинтересовалась она.

– Каждый день. Вспоминал, как ты стонала, положив голову на мое плечо. И на стену лезть хотелось, стоило только вспомнить твой вкус на своих пальцах, и все. Крышу уносило моментом, – мечтательно протянул, ущипнув ее за сосок.

Склонился к ее лицу, обвел пальцами линию скул, убрал прилипшую от пота прядь со лба.

– Вот смотрю на тебя и думаю, – искушающе протянул, – отдохнула ты уже или нет? М-м-м, как думаешь? – обвел

языком раковину уха. – Потому что я тобой еще не насытился.

Ее глаза расширились от удивления, но потом, что-то прикинув, она схватила меня за затылок и притянула к своим губам для поцелуя.

Это была самая короткая ночь в моей жизни, наполненная блаженством.

Самое чувственное полнолуние.

Яна, изможденная, спала, уткнувшись носом в мою грудь и свернувшись калачиком. А я плавал в неге наслаждения, с пустой головой и ни о чем не думал, просто наслаждался моментом, расслабляясь как никогда.

Звонок, вернувший меня в реальность, раздался за час до рассвета. Звонил Тимур, младший бета Васильева.

– Слушаю, – ответил ему.

– Игнат, я знаю, что это не мое дело. Альфа приказал не лезть, и слухов по поводу твоего приезда множество, – как-то издалека он начал.

– И? – рыкнув, поторопил его, а сам начал осторожно подниматься, чтобы не разбудить свою спящую кошку.

– Я сегодня не поехал в клан, дела в городе и всякое такое, и в общем, – тяжело вздохнул, – но я видел Татьяну Назимову! Сначала думал, показалась. А сейчас смотрю в камеры, установленные на въезде в наш микрорайон, и сто процентов уверен, что это она. Я же в Москве учился.

Твою мать! Сука! Принялся искать одежду и вспомнил,

что здесь я даже не раздевался.

Напоследок оглянулся. Не сдержался и, вернувшись, поцеловал сладкие губы, придвинул к ней еще одну подушку – вместо себя – и плотнее подоткнул под нее одеяло.

– Сейчас ты ее видишь?

– Да, – настороженно ответил волк.

– Сможешь аккуратненько поймать и под замок посадить?

– Игнат, это против правил. Хотя она здесь и незаконно...

Перебил его, не дослушав:

– Если я согласую это с твоим альфой?

– Тогда без проблем.

– Жди звонка. Надеюсь, он уже перекинулся в человека и спит дома, – добавил скорее самому себе.

Дома его не было, я забрал сумку и направился к машине, но на мой звонок Васильев ответил и пообещал помочь. Спустя тридцать минут, когда я гнал, как сумасшедший, по трассе, мне позвонил Тимур и сообщил, что все прошло успешно и полукровка под замком. Позвонил своим ребятам и велел прилетать первым же рейсом из Красноярска. А сам пытался хоть как-то успокоиться.

После сегодняшней лунной ночи эту суку хотелось убить еще сильнее, особенно за то, что мне пришлось уехать от своей теплой и такой божественно сладкой девочки.

Глава 12

Яна

– Черт! Черт! Черт! – громко воскликнула и захватила ладошкой по двери туалета.

– Ну что там? – послышался голос Вики снаружи.

Да как так-то? Как такое может быть? Глупости все это...

– Ви-и-ик, у тебя есть еще один? – приоткрыла дверь и умоляюще посмотрела на нее в надежде на положительный ответ.

Белая волчица с удивлением, смешанном с восторгом, выпучила на меня глаза.

– Да у меня их целая коробочка. Неужели и правда? – уставилась на меня щенячьим взором.

– Кривда, – огрызнулась и показала ей тест с двумя полосками, – уверена, он просто бракованный.

Она взяла тест-полоску, приоткрыла рот и, улыбнувшись, убежала в свою спальню. Вика вернулась спустя пару минут с шестью тестами разных производителей.

– Вот, – протянула она мне охапку, – выбрала специально все марки, какие были.

Я зло зыркнула на нее, забрала тесты и скрылась в ванной.

Спустя десять минут я сидела на Викиной кухне и пила молочный коктейль, спиртное мне теперь не положено.

Все семь тестов показали одно и то же. Как такое вообще возможно и куда катится моя жизнь? Я размышляла над этими вопросами, потягивая вкусную молочную жидкость.

Всего лишь после одного раза!

Ну ладно, нескольких раз, поправил мой внутренний голос сам себя.

Ну хорошо, хорошо! Секса было много! Очень много! Я перестала считать после четвертого раза. Игнат любил меня всю ночь. Так мне тогда казалось.

Он был требовательным и нежным, жадным до моих прикосновений и щедрым на ласки. Ночь того полнолуния стала самой счастливой за всю мою жизнь. Раньше я и представить не могла, что так бывает. Что возможно такое единение душ через физические оболочки. Черный волк чувствовал каждое мое желание, он угадывал наперед мои мысли.

Романов заставил меня поверить в чудо. А наутро исчез из моей жизни.

Я проснулась, обнимая собственную подушку. И ничего вокруг не указывало на его присутствие в моей спальне этой ночью. Только лишь легкий шлейф запаха костра, который принадлежал Романову. Но после душа и он пропал.

Тогда я начала думать, что мне все привиделось, померещилось. Сон эротический приснился. Ну мало ли! Все-таки я наполовину оборотень, оказавшийся в большом окружении волков в полнолуние.

Так думать было легче, нежели принять правду, что опять

после проведенной с мужчиной ночи я оказалось ему не нужна.

В голову постоянно приходили мысли о заброшенных в труднодоступный угол носках. Забытых и впоследствии потерянных носках. Я чувствовала себя именно так. Никому не нужная, одинокая женщина, лежащая в пыльном углу и не способная отыскать собственную пару.

Было больно! Было чертовски больно.

Мой прошлый раз не шел ни в какое сравнение с этим. Та ночь была как в тумане. Тогда я чувствовала себя глупой, обманутой и ненужной. И самой сильной эмоцией был стыд за свое поведение. Сейчас же мне не было стыдно. И я ни-сколечко не чувствовала себя обманутой или глупой. Романов мне ничего не обещал, он и не разговаривал-то со мной практически.

Меня раздирало на части ощущение потери. Как будто я упустила что-то важное, и жизнь уже никогда не сложится в полноценный пазл.

Я ощущала опустошающий душу страх. Страх того, что эта ночь больше не повторится. Пусть я в итоге останусь одна, но хотела испытать все заново. Прикосновения его уверенных рук к моей коже, сладость и одновременно горечь его чувственных губ и взгляд его гипнотически-черных глаз, прикованный к моим.

Я хотела все забыть, но помнить тоже хотела, смывая остатки его запаха в душе под ледяными струями воды. В

итоге предпочла забыть. Представить, что не было ничего! И у меня почти получилось убедить саму себя в том, что это морок, наваждение.

На первом этаже было пусто и тихо, видимо, отец, после забега, так и не приходил домой. Заварила себе кофе, намазала масло на хлеб. Не хотелось ничего ни мясного, ни колбасного. Хотелось вообще исчезнуть с земли, сравняться с ее ландшафтом. Особенно когда в дверь постучали, и через пару секунд показался Васильев. Вот только его здесь не хватало.

– Отца нет, – крикнула ему, не повернув головы и продолжая жевать бутерброд.

– Я знаю, он до сих пор у меня. Спит, – пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд, когда я все же соизволила оглянуться на него.

Молча наблюдала, как он, пройдя мимо стула на котором я сидела, зашел в глубь кухни и принялся готовить себе кофе.

Смысл спрашивать, зачем он пришел. И так расскажет. Альфа сел напротив меня и начал маленькими глоточками опустошать чашку.

Я отвернулась и уставилась в окно, и без него проблем хватало.

– Яна, – приглушенно позвал он меня.

Так же молча посмотрела на него и подняла брови.

– Я всю неделю хотел с тобой поговорить, но Олег посто-

янно рядом, – громко выпустил воздух, – я тебя вспомнил. Когда принимал в клан и ты проигнорировала мои волны, вспомнил.

Тяжело вздохнул и посмотрел странным взглядом. Я не могла разобрать, сожаление в нем или безразличие, горечь или радость. Не могла понять.

– И что теперь? – как и он, сразу напрямую, без уловок и скрытых подтекстов спросила его.

– Я не знаю, – пожал он плечами, – мне, наверное, нужно объясниться за тот поступок и извиниться перед тобой.

– За что? – горько ухмыльнулась. – Я выпила лишнего и виновата так же, как и ты.

– Ты не все знаешь. Олег меня убьет. – Он закрыл лицо руками, потер его и, переместив руки, начал ерошить волосы. – Я был жутко пьян, поругался с любимой женщиной, но это не столь важно и ничуть меня не оправдывает! – отвернулся к окну и уставился невидящим взглядом вдаль. – На тебя обратил внимание мой бета из Иркутска, я оценил его вкус и решил затащить тебя в постель. Но не тут-то было, ты меня отшила. Тогда я решил чуть придавить тебя силой. Но ты даже не заметила моих волн, и я, разозлившись, ударил по тебе со всей дури, применив внушение.

– Какое внушение? – прошептала я, пребывая в шоке от новой информации. Припомнила, что на первый взгляд он мне не понравился, слишком был слащав, а потом как тумблер переключило, и все уже неважным стало.

– Волки, обладающие альфа-геном, имеют силу внушения. Об этом не знает никто, кроме альфа, даже обычные оборотни. – Он положил руки на стол. – Общеизвестно, что альфа-волны подавляют волю и заставляют подчиняться. Волк подчиняется, но осознает, что это не его желание. Внушение же – это навязывание своей воли.

– Я знаю, что такое внушение, – перебила я его и соскочила со стула. – Почему ты мне это рассказываешь, если это такая великая тайна? – начала я ходить из стороны в сторону.

– Твой отец альфа, и ты будешь альфой, если обратишься, без сомнения. Да и виноват я перед тобой конкретно. Тебе же семнадцать всего было, – потер перенощику. – Когда на принятии в клан ты не склонила голову перед моей силой, меня как по башке шандарахнуло, сразу вспомнил тот случай. Потом покопался в твоём досье и пришел в ужас. – Вот теперь он реально смотрел на меня глазами побитой собаки. – Ты же дочь моего лучшего друга, названного брата, а я тебя... против твоей воли... еще и первым был. Самому от себя противно.

Сукин сын! А если я не дочь друга и обычный человек, то, значит, можно, да? Я, конечно, промолчала, не до того сейчас было. В голове начинала формироваться жуткая мысль. Лишь горько усмехнулась.

– А меня четыре года не отпускало после твоего внушения, ни одного мужчину подпустить к себе не могла.

– Не отпустило? В прошедшем времени?

– Что, прости? – не услышала его сразу. Мысль, посетившая голову, наконец-то обрела форму и придавила меня тяжестью бетонной плиты.

– Я говорю, чувства в прошлом? Больше не вспоминаешь о той ночи? – нахмурился.

– Н-нет! – замотала головой для пущей убедительности. – Максим, скажи, пожалуйста, как определить, находишься ты под внушением или нет?

– Ты думаешь, что к тебе опять применяли внушение? – спросил он с нескрываемым недоверием, я быстро кивнула. – Яна, ты, конечно, девушка видная, но зачем это кому-то.

– И все же?

Стояла на своем, затаив дыхание в ожидании поистине судьбоносного для меня ответа и умоляя высшие силы: «Пусть все окажется глупыми домыслами. Только не Игнат! Не Игнат!»

– Ну, во-первых, нечеткость картинки. Может, теряется последовательность событий. Поведение, схожее с алкогольным опьянением. И, во-вторых, хотя это основной критерий, после внушения четко осознаешь, что в здоровом уме так не поступил бы, и сожалеешь о своих действиях и поступках.

Боже! Давно я не чувствовала такого облегчения, словно обрела способность парить среди облаков. Романов ничего мне не внушал, ведь я ни капли не жалела и не задумываясь

повторила бы нашу безумную ночь.

– Яна? Ты в порядке? – с тревогой в голосе спросил альфа. Вид у меня, наверное, был наиглупейший. Отсутствующий взгляд и счастливая улыбка. Только вот чему я радовалась, непонятно. Ответить Максиму не успела – на пороге появился отец. Выглядел он помятым, как после грандиозной попойки. Прошел мимо нас сразу к холодильнику и накиннулся на бутылку минералки. Хм... может, и правда перебрал вчера алкоголя?

– Макс, ты чего здесь забыл? – спросил, оторвавшись на пару секунд от горлышка. Сделал еще целую серию глотков и продолжил: – У тебя же там Романов, а ты здесь. Или его Настасья развлекает? – хохотнул, а у меня неприятно кольнуло в сердце.

– Моя Настасья всю ночь пробежала волчицей по лесам, ища Игната, – сдержанно ухмыльнулся, – неугомонная девочка. А сам Романов спозаранку свалил в город. – Отец выгнул бровь, требуя продолжения. Я тоже требовала, только мысленно. – Объявилась назимовская пропажа. Ты же знаешь, я в это дело не вдавался. Зачем нам чужие проблемы? Но что-то с этой женщиной не так. Ее Тимур совершенно случайно обнаружил.

Блин! Ясно, что ничего не ясно. Назимов – это же старый альфа, получается, они какую-то женщину потеряли, и Игнат ее искал. А сегодня он спешно уехал, бросив меня одну. Хоть бы записку оставил. Черт! Теперь точное не по-

лучиться притвориться, что ничего не было. Игнат сегодня здесь был, и ночь была классная. Только вот я оказалась, как всегда, не у дел.

– Яна!

Вырвал меня из воспоминаний голос Вики. Девушка махала руками стоя передо мной.

– Ну наконец-то, – хмыкнула, когда я обратила на нее внимание.

– Вик, не начинай, – прикрыла от усталости глаза.

Все эти ее нотации о великом счастье, свалившемся на мою голову, уже в печенках сидят.

– У моей мамы не получалось забеременеть двести тридцать лет! Ты только вдумайся. Она была стара, но все же решилась. А тебе всего двадцать один, – запальчиво проговорила белая волчица.

– Ага, молода, – грустно усмехнулась, – я тоже решилась, ну не избавляться же от него, – указала руками на живот. – Только мой ребенок тоже может никогда меня не увидеть. – Вика нахмурилась, а я поспешила пояснить свою мысль. – Я не прошла оборот и беременна от очень сильного волка. Я могу не пережить роды.

В глазах девушки загорелся огонек понимания.

– Так вот почему ты так отреагировала, – прошептала она и плюхнулась на диван рядом со мной.

– Не только, – призналась я, – если честно, об этом я вспомнила в самый последний момент. Я не представляю...

как теперь... – не смогла подобрать нужных слов и просто развела руками.

– О чем ты? – нахмурилась Вика.

– Я про Игната, – тяжело вздохнула. – Он даже не позволил, хотя прошло почти три недели. Узнать мой номер, уверена, не стоило бы ему больших усилий, – хмыкнула. – А теперь? Самой его искать? Как бы глупо не звучало, но, Вик, я не хочу звонить ему первая. И в то же время понимаю, что обязана сообщить ему об этом, – обняла себя за плечи. – Закрытый круг какой-то, ей-богу.

Вика ничего не ответила, тихонечко подседа еще ближе ко мне и приобняла. За прошедшее время мы с ней очень сблизились.

Как говорил отец, Вика на меня хорошо влияла. Я с ней отогревалась душой. Хоть Олег и не видел меня прежнюю, но ему не составило труда понять, что я за человек. Вика же полная моя противоположность: добрая, оптимистичная, открытая, жизнерадостная девчонка. Она дарила окружающим тепло, всем, кроме мужа. В их странные отношения я старалась не лезть и не донимала Вику очередными расспросами.

– Расскажи хотя бы Олегу, – послышался тихий голос волчицы.

– Обязательно. Наберусь решимости и расскажу, – стукнула плечом об ее плечо, – все будет зашибись.

Вика прыснула и рассмеялась.

– Эй, я сказала зашибись, а не курам на смех, – притворно

возмутилась. Потому что только сумасшедшему не понравится ее смех.

– Я просто представила выражение лица Васильевой Насти, – отсмеявшись, произнесла, – когда она узнает, от кого ты беременна. Блин, да она собственный хвост сожрет, – и засмеялась пуще прежнего. Я вторила ей. И стало вдруг на все пофиг. Все решу, все обдумаю, только не сейчас и не сегодня.

На следующее утро я долго стояла перед зеркалом и рассматривала плоский живот. С трудом верилось, что во мне теплилась еще одна жизнь. Никаких новых ощущений не было, ни тошноты, ни головокружений, ничего такого, что показывали в фильмах. Наверное, уже в сотый раз погладила живот и поспешила вниз.

– Привет, пап, – поцеловала сидящего за обеденным столом отца. Налила кофе и положила в тарелку порцию приготовленного для нас завтрака. – Пап, дай, пожалуйста, свой телефон, я Вике напишу сообщение, чтобы не теряла, а то баланс в минусе.

Олег достал из кармана пиджака смартфон, разблокировал его и протянул мне.

Отправив Вике СМС для отвода глаз, поспешила найти телефон Романова. Чувствовала себя заправским шпионом, каламбур, ей-богу. Отправила контакт себе и удалила исходящее сообщение. Блин, по спине пара капель пота побежала. Одни волнения с этим Романовым.

Весь день прошел как в тумане. На кричащих и резвящихся во время перемены детей я почти не обращала внимания. Лишь на уроках, давая тему, ненадолго отвлекалась.

Но все равно в любую свободную минуту заходила в контакты и смотрела на номер Игната. Ну не могла я ему вот так просто взять и позвонить. Не могла и все. Поэтому каждая попытка набрать его номер заканчивалась неудачей.

Вечером отец заметил мое странное поведение и поинтересовался, что такого мог сделать мой телефон, что в итоге я смотрю на него уже битый час с враждебностью. Ответить мне было нечего, в очередной раз врать не хотелось, а на правду не хватало решимости. Мотнула головой в надежде, что он поймет и прекратит свои расспросы. Олег хлопнул ладонями по ногам, цыкнул и, вздохнув, придумал для меня оправдание.

– Ладно, если не хочешь разговаривать, так и скажи: нет настроения.

Я пожала плечами и вымученно улыбнулась. Рука сама по себе потянулась к животу, и я, лишь в последний момент заметив это, опустила ее ниже и начала похлопывать себя по ноге, отзеркаливая жест Олега. Он кивнул и, пробормотав, что у него дела личного характера и этой ночью его не будет дома, развернулся и ушел.

«Чуть не спалилась», – крикнуло подсознание. А руки, жившие собственной жизнью с недавних пор, быстренько заняли облюбованное ими место на животике сразу, как отец

исчез за дверью.

Интересно, кто у меня будет, мальчик или девочка?! Беззаботно улыбнулась и представила пухлого карапуза. Ну милота же.

С папаней бы связь наладить, выжить после родов – и вот, можно сказать, то, к чему я стремилась всю жизнь, на блюдечке, прямо передо мной.

Семья. Настоящая. Моя.

Даже если в этой семье будет всего два человека – я и мой ребенок. Все равно это будет прекрасно. Тем более было ощущение, что дедушка у нас замечательный. И его тоже уже можно считать семьей. Несмотря на довольно непродолжительное знакомство, ощущение, что знаю его вечность и глубоких взаимных чувств меня не покидало.

Не знаю, сколько бы еще я продолжала так рефлексировать, но на следующий день решение ситуации пришло оттуда, откуда я ожидала меньше всего.

Глава 13

Игнат

Московская область встретила нас неприветливо: холодной и пасмурной погодой. На перроне уже стоял мой бета с сопровождением.

Мы не стали возвращаться в Москву на самолете, слишком большой поток людей. Про свой частный самолет я вообще молчу, Назимов в считанные секунды бы узнал, что я прилетел, тем более не один. А мне нужно было время. На машинах удобнее, но волки не любят находиться в закрытых пространствах настолько долго. Парни ни за что на свете не воспротивились бы моему решению, но я прекрасно понимал их и поэтому, когда один из волков предложили вариант железной дороги, я с радостью пошел на компромисс.

Оборотни не ездят поездами, зачем им? Близко – на машине, чуть подальше – самолет. Поэтому, в тишине, спокойствии и, главное, конфиденциальности мы добрались до Подмосковья, выкупив билеты на весь вагон, что оказалось не так-то просто, но при должном старании и силе моих волков вполне возможно.

В моем загородном доме, о котором никто не знал, кроме своих, сейчас было много волков, пожалуй, даже чересчур много.

– Зачем столько? – с нескрываемым раздражением спросил Александра сразу, как вышел из машины.

– Ты что, серьезно? – недоуменно протянул он. – Она луна, и мы держим ее в заложниках. Не знаю, о чем ты думаешь, но Назимов такого не простит даже тебе.

Я не успел ему ответить, во двор въехала машина, из которой и вышла наша луна собственной персоной.

«Сука конченная, когда уже на покой отправишься?! Спокойно... спокойно...»

Статная, знающая себе цену и даже, скорее, возомнившая себя намного важнее, чем она есть на деле, худая как трость с аккуратно уложенной прической прядь к прядке, ядовитая как змея, полукровка. Она выглядела на пятьдесят человеческих лет, на самом же деле через пару годков ей стукнет сотня.

Даже сейчас, находясь под конвоем и на моей территории, чувствовала себя королевой. Не позволяла к себе прийтись и шла самостоятельно в указанном направлении. Плавная походка, ровная спина, надменный взгляд, таивший в себе вызов, и появившаяся усмешка, стоило ей только увидеть меня.

Она привыкла побеждать, не своими силами... нет! Ей просто несказанно повезло с парой, с Назимовым, готовым ради нее на многое и спускавшим с рук все ее выходки. И сейчас Татьяну не покидала уверенность: он примчится, заберет жену домой, а присутствующих здесь просто разорвет.

Только на этот раз она недооценила мои силы и значительно выросшую власть.

– А вот и верный песик моего мужа, – дерзко выкрикнула она, замерев на месте. – Что же ты прятался всю дорогу? – ехидно уточнила.

– За состояние твоего здоровья переживал, луна.

Выплюнул последнее слово саркастично, увидев растерянность и непонимание, сделал пару шагов в ее сторону и уточнил:

– Просто не сдержался бы и придушил тебя, хотя... – склонил голову, прищурился. – Я и сейчас недалеко от этого желания, – недобро усмехнулся, отвернулся и отдал распоряжение сопровождающим ее волкам: – Ведите ее в приготовленное помещение, никого не впускать и не выпускать. – Опять обратил внимание на Назимову. – Разговаривать с тобой будем завтра... наверное.

– Да что ты себе позволяешь? Маугли неотесанный, – не сдержалась наша леди, и из ее рта посыпались самые разнообразные обвинения и оскорбления в мой адрес. Я на это лишь самодовольно улыбнулся и отправился в дом.

Ожидаемый результат появился лишь через три дня. Само собой, по доброй воле она так и не заговорила. Я применил к ней внушение, и, несмотря на отсутствие второй ипостаси, ее способности к сопротивлению были велики, немалую роль сыграл и возраст женщины. Чем старше то или иное существо, тем тяжелее оно поддается внушению.

Мне потребовалось несколько дней, и этот факт меня неприятно удивил.

Приехал в клан без предупреждения, так существовал шанс не пересечься с Лекси, которая последние дни одолевала меня звонками. В голову даже приходили предположения, что все это время она прекрасно знала, где ее мать и, потеряв с ней связь, наконец-то заперезживала.

Назимов сидел в своем кабинете. Как обычно, заваленный кучей бумаг. Он был хмур и чем-то недоволен, расслабленно откинулся на спинку кресла и обратил на меня внимание.

– Пожаловал наконец-то. – В голосе звучало неодобрение, а взгляд, несмотря на силу, был полон затаенной печали. Он указал ладонью на кресло напротив его стола. – Уж извини, без объятий, – горько улыбнулся.

Ему было тяжело двигаться, каждое телодвижение приносило адскую боль. Даже на улыбку ему требовалось немало сил. Если бы я не был в кругу посвященных, ни за что не догадался бы и не понял этого. Николай держался превосходно, не давая даже малейшего намека на то, какую боль испытывает.

Я опустил в указанное кресло, широко расставив ноги, и произнес:

– Альфа, – сказал с максимальным уважением и почтением, на которые был способен, – перед тем как я начну, хотел бы взять с тебя одно обещание.

– Давай не ходи мне тут вокруг да около.

– И все же пообещайте мне кое-что, – вкрадчиво, но достаточно настойчиво повторил.

– Говори.

– Пообещайте не набрасываться на меня и не убивать, пока я не закончу.

– Так уверен, – недобро прищурился он, – что у меня есть силы против тебя? Что ты там задумал, несносный ты мальчишка?! Выкладывай уже. – Окончание фразы прозвучало устало.

– Николай Александрович, – произнес с нажимом.

– Даю слово альфы, что не трону тебя, что бы ты ни сказал. Дослушаю до самого конца, – сложил ладони домиком и подпер ими подбородок.

– Ну-у-у... – набрал воздуха и как в ледяную воду погружаясь, махом на одном дыхании выпалил: – Я, применив внушение, допрашивал Татьяну.

– Нашел наконец-то, – радостно прищелкнул и тут же нахмурился. – Что ты сказал? Я не ослышался?

Молча кивнул ему в ответ. Назимов поднялся с кресла, уперся ладонями в стол.

– Как ты посмел, щенок?! – заревел он.

– До меня дошла информация, которую я обязан был перепроверить.

– Ты сам-то себя слышишь? – крикнул он, тяжело выпустил воздух, затем наклонился ближе ко мне и, глядя в глаза, выпуская силу, приказал: – Говори.

– Она искала следы Маши в Новосибирске. – Назимов в удивлении выгнул бровь, а я продолжил: – Я шел по ее следу и вышел на оборотня-одиночку, которому она заплатила за устранение Маши двадцать один год назад.

– Не верю, – оскалился альфа.

Я кивнул, поднял руку с флешкой, показав тем самым свои намерения, и под угрожающим взглядом вожака направился к телевизору, чтобы вставить в него накопитель.

– Никто бы не поверил, поэтому я пошел на крайние меры, – говорил и одновременно искал нужную мне папку в меню телевизора, – записал видео всех допросов, – послышалось угрожающее рычание, – она не поддавалась два дня.

Назимов контролировал себя все меньше, и я поспешил включить видео, записанное скрытой камерой, которая была установлена в комнате, приготовленной для полукровки.

– Это самая информативная запись, остальные тоже есть.

Увидев расслабленно устроившуюся в кресле Татьяну, Николай успокоился. Между тем в гостевой спальне появился я, и следом Александр. Мой бета обладал альфа-волнами и также имел способности к внушению, нужен он мне был для подстраховки. Увидев его, Назимов опять зарычал.

– Мало того, что ты применил свою силу к моей жене, так еще и проделал это перед своим прихвостнем! – с размахом стукнул он ладонью по столу.

– Я думаю, вы все же хотите увидеть свою жену живой. Без Александра этот допрос она бы не пережила.

– Да как ты смеешь?! – Николай моментально сорвался с места и схватил меня за шею.

Я не сопротивлялся. Опустил взгляд, признавая его власть и силу.

– *Опять вы? Не надоело еще?* – послышался надменный голос Татьяны с экрана телевизора.

Назимов перевел бешеный взгляд на изображение за моей спиной.

– *Татьяна, чем вы быстрее заговорите, тем быстрее вернетесь к мужу, – спокойным тоном произнес Александр.*

Женщина холодно усмехнулась.

– *На что ты рассчитываешь? – обратилась она к моему помощнику. – Ладно, этот, – качнула головой в мою сторону. – Назимов, может, и не убьет свою любимую игрушку, но тебе-то совершенно не на что надеяться, – чуть привстала и теперь не полулежала, а сидела в кресле. Громко и показательно хлопнула ладонями. – Вот так, пришибет как мошку и разбираться не станет.*

Назимов отпустил мою шею и рухнул в рядом стоящее кресло, ему было тяжело не только физически.

Думаю, увидев свою жену в таком амплуа, он был удивлен, с ним она была если не божьим одуванчиком, то девочкой-ромашкой однозначно.

Я растер шею и, опустившись на прежнее место, принялся наблюдать за происходящим на экране телевизора.

Александр встал позади меня, а я сел в кресло напротив

женщины и с размаху выпустил силу.

– Говори, – прошептал и подкрепил волну силой внушения.

Татьяна зажмурилась, схватилась за голову и приложила кончики пальцев к вискам.

– Наивный! С чего бы мне тебе что-то рассказывать?

Или решил, что обладаешь гипнозом? – усмехнулась. – Вче-

ра весь день только и твердил: «Говори! Говори! Говори!».

Я уже было подумала, что тебе надоела эта пластинка, –

приоткрыла глаза и недобро прищурилась. – Или ты все же

посетил обучающие курсы? Уж больно мне хочется с тобой

поделиться своими успехами, – засмеялась через силу, было

видно, что ей нелегко справляться с давлением. – Только не

дождешься! – Она пожевала губу, сложила ногу на ногу и

накрыла колени ладонями, убрав их от лица. – Зря ты так,

ведь мог бы стать альфой, женился бы на Лексе, заручился

нашей поддержкой, и все бы было замечательно, – отрывисто

проговорила последнее слово.

Я продолжал давить на нее внушением.

– А ты уперся как баран и в грош не ставишь мою девочку.

Ай... – закрыла ладонями лоб и глаза и выкрикнула,

практически пропищала: – Хватит на меня давить! Бесово

отродье!

– Я сказал, говори! – Чуть повысил голос. – Зачем поехала

в Новосибирск? Что знаешь о судьбе Маши, почему оплатила

ее убийство и какое отношение ты имеешь к смерти

Дениса и Янины? – Мой голос звенел и с каждым произне-

сенным словом становился более похож на рык.

– Иди к черту! О луна! Ненавижу! Сразу видно воспитание старой суки! – мерзко засмеялась. – Ты будешь, как и она, гореть в аду, уж поверь мне, я постараюсь. С ней же справилась. Черт! – взвизгнула. – Да что это? Выйди из моей головы! – Татьяна угрожающе зашипела.

– Раз уж ты сама упомянула Янину... Что ты с ней сделала? Говори! – отпустил силу, внушая ей делать как говорю, но не подчиняя, не прогибая. Мне не нужно ее принятие как сильнейшего, мне нужна ее исповедь.

– Я ее отравила! – выкрикнула. – Доволен? Черт! Прекрати это, – начала плакать и обхватила себя за плечи.

– Прекрати сопротивляться и успокойся.

Отдавал четкие указания, когда почувствовал установившийся контакт и возможность ее контролировать. Татьяна рассеянно посмотрела на меня, и слезы на ее глазах вмиг высохли.

– Слушаешь, меня и четко отвечаешь на поставленные вопросы. Только правду, Татьяна! Только правду, – горько усмехнулся, хлопнул ладонями по ногам и напряженно выдохнул. – Зачем ты поехала в Новосибирск?

– Найти Машку, – произнесла и уставилась на меня немигающим взглядом, замахала головой. – Нет. Нет... Да как ты?..

– Не отвлекайся. Почему именно сейчас и именно туда?

– Лекси наткнулась в сети на фотографию девушки,

очень похожей на Машу, – выпалила на одном дыхании и замолчала.

– Дальше, – рыкнул.

– Почему туда? – спросила она сама себя и усмехнулась. – Двадцать лет назад ее следы я потеряла именно там, в поезде, идущем до Новосибирска.

– Не заставляй меня применять еще и физическую силу, рассказывай все, что знаешь, и сразу. Почему Маша поехала туда втайне ото всех?

– Да что рассказывать? Она подслушала наш разговор с Яниной и видела, как я вколола той укол с отравой. Старая карга спрятала ее на балконе, – горько усмехнулась, – мой нюх не так совершенен, как ваш, поэтому я ничего не знала. И только вечером, когда узнала, что Машу видели прыгающей с Янинино балкона, все поняла. Начала искать ее до того, как хватился Николай. Потому и нашла раньше, отследила по купленным билетам, заплатила за сокрытие этой информации. Нашла волка-одиночку и заплатила ему за смерть Маши. Только он не справился и сбегал, – сплюнула в сторону. – Я опять ее потеряла, но стало уже не до нее, разбился мой мальчик с детьми.

Всхлипнула, и по ее щеке покатились слеза, несмотря на приказ о спокойствии.

– Это так больно. Будь хорошим мальчиком, не заставляй меня вспоминать, – жалобно прошептала.

– Зачем ты убила Янину?

Игнат, говорящий с экрана, еле сдерживался, рычал и пытался обернуться, Александр стоявший рядом, держал его за плечи и с его же разрешения давил своей силой, пытаясь успокоить.

Я же, сидящий рядом с Назимовым в настоящий момент, был почти спокоен, подавив все свои эмоции еще вчера вечером сразу после допроса.

Иначе бы просто разорвал суку. А вот на Назимова жалко смотреть, ему было нелегко.

И даже находясь в состоянии эмоциональной опустошенности, чувство сочувствия пробивалось из глубины души. Я любил и уважал своего альфу, всю сознательную жизнь считал его одним из самых близких, считал его своей семьей. Особенно когда он остался единственным в живых. Но сейчас я винил его в произошедшем. Он и никто другой допустил сложившуюся ситуацию.

Назимов обхватил голову руками и потянул себя за волосы, его жест отчаяния пришелся кстати. Я положил руку ему на плечо и крепко сжал в знак поддержки. Одновременно с этим собрал осыпавшиеся волоски с его кофты.

Затем вернул свой взгляд обратно на экран, слушая речь Татьяны. Назимову еще только предстояло узнать самое страшное.

– Как это – зачем? – возмутилась Татьяна с экрана телевизора. – Я и так слишком долго терпела эту суку. Пятьдесят лет, – воскликнула она и подалась вперед, – уму непо-

стижимо, как я это вытерпела. Луна! Луна... – скривилась, исковеркав свой голос. – Все вокруг считали ее луной, а меня никем! – возмущалась Татьяна, тыкая себя пальцем в грудь. – Вот я и подстроила аварию для ее выродка, пока он не расплодился. А то мало того, что дочь заделал, так еще и тебя приволок. Такого сильного волчонка! – недобро посмотрела в мою сторону. – Куда моему Сереженьке было с вами тягаться. Вот я и постаралась для его будущего. Николай как раз на Украину уехал, все так удачно складывалось, – она говорила с таким запалом и восторгом, что начинала походить на сумасшедшую. – И никто ничего не понял, не догадался, не узнал. Янинкино влияние испарилось. Пух... как воздушный шарик, – громко выпустила воздух, развела руками и засмеялась. – И все было прекрасно. Пока старая сука обо всем не узнала!

Татьяна сорвалась с места и принялась метаться по комнате.

– Я не знаю! Не знаю, – взвизгнула она и приложила ладонь к губам, чуть ссутулившись, и повторила по слогам: – Не знаю, как она обо всем узнала спустя столько лет! Я не оставила никаких улик, а она узнала, – хохотнула совсем уж истерически и начала причитать полупшепотом: – Мне пришлось от нее избавиться! Понимаешь? Старая, хитрая карга, она мне угрожала! Представляете? – развела руками, – Мне! Угрожала! Если я не признаю Николаю, тогда она все расскажет сама. Чокнутая! – Татьяна зарыдала и

начала обмахиваться руками. Скатилась на визг, из которого было трудно что-то разобрать.

– Игнат, прекрати, – раздался голос Александра, – ты чересчур на нее давишь, она может сойти с ума. Игнат! – выкрикнул он, когда я не пошевелился.

До сих пор не понимаю, как я сумел найти в себе тогда силы. Встать и, не причинив вреда лживой суке, просто уйти. Ночевать с ней под одной крышей и не свернуть ей шею. Я и не представлял, что мой самоконтроль может быть таким мощным. Приказал чувствам уйти на второй план – внутри все покрылось изморозью, а сердце превратилось в ледяную глыбу. В тот момент это был единственный выход, иначе я бы не сдержался и придушил полукровку.

А мне еще необходимо на этом свете пожить! Есть Яна, которой нужна моя защита. Не Татьяна, так кто-нибудь другой обязательно до нее доберется, особенно когда она обретет своего зверя. Девочка она сильная. И я ни на миг не сомневался, что и волчица ее будет такой же, назимовской породы.

– Где она? – ворвался в мои размышления хриплый и севший голос Николая.

Альфа смотрел в никуда. Именно в этот момент, глядя на него, ему запросто можно было бы дать его возраст. Сгорбленный большой старик, у которого не было ни малейшего желания жить.

Из-под корки льда, образовавшейся на моем сердце, на-

чало пробиваться чувство тревоги, оно становилось все осязаемее и четче. Могло случиться что-то непоправимое, и я раскрыл карты, выложил часть информации, необходимой Николаю.

– Маша была беременна. Она родила. Здорового ребенка, – отрывисто и четко говорил, чтобы он меня услышал, осознал.

– Что? – запинаясь, спросил альфа, повернувшись корпусом в мою сторону.

– Маша, дочь Дениса, была беременна, когда сбежала. Она умерла при родах, но ее ребенок жив и здоров.

– Где?

Шепот, прошивший мои внутренности разрядом тока.

– Николай Александрович, – приблизился к его креслу и опустился на пол рядом с ним, – я вам обещаю, что найду его. Даю слово, найду и привезу к вам, – положил ладонь на его холодную, сжатую в кулак руку и добавил: – Не время сдаваться, ведь вы ему нужны, дядя Коля, так же, как и мне, – добавил совсем тихо.

За всю свою жизнь я позволял себе так обращаться к альфе всего пару раз. В самые тяжелые моменты, когда мне требовались его помощь и поддержка. Назимов хмыкнул каким-то своим мыслям, положил на мое плечо руку и похлопал пару раз, затем встал и, подойдя к столу, взял ручку с бумагой. Склонившись, что-то быстро написал и протянул мне.

– Конечно, не время, Игнат. Ты прав, мы еще позволим! – произнес преувеличенно бодро и уже намного тише и спокойнее добавил: – Спасибо тебе, сынок. А Татьяну вот по этому адресу доставь, – кивнул в сторону бумаги, зажатой у меня, в руках, – и приставь к ней дополнительно парочку волков из своих. Пусть будут. Для надежности, – сказал, как бы соглашаясь сам с собой.

Я кивнул, склонил голову и направился на выход. Уже по дороге из поселения развернул бумагу: там был адрес нашей психушки для волков и указание приставить к Татьяне пятерых.

Вот это номер. Назимов всегда был самым разумным из известных мне оборотней. Он ее наказал и даже не пожелал с ней встречаться. Понял, что пока на эмоциях, ничего правильного не выйдет.

Набрал Александра и дал ему все указания на счет полукровки, а сам направился по более важному делу, в лабораторию.

Результаты получил лишь спустя две недели. Еще пара дней ушла на обдумывание ситуации.

Нельзя кому-то знать о Яне, нельзя ее везти в Москву. В первую очередь это опасно для нее самой. Но в то же время я был готов лезть на стену от тоски по ней. Волк скулил и рвался на волю. А я, вспоминая мягкие изгибы, податливое тело и озорной взгляд, постоянно представлял, как буду жадно входить в ее тело, ловя губами тихие стоны удоволь-

ствия и ища сквозь подрагивающие веки замутненный желанием, страстный взгляд. Я начинал бредить этой малышкой, поэтому все свои порывы пресекал на корню. Не время и не место для них сейчас. Позже...

Но выбор вместо меня сделали жизненные обстоятельства. Назимов окончательно слег после очередной ссоры с дочерью, желавшей прорваться в лечебное учреждение к матери и выяснить причину, по которой Татьяну туда определили. О слабом состоянии здоровья Николая узнала вся стая.

И Яна стала просто необходима не только Назимову для поддержания морального духа, но и мне для удержания власти в разваливающемся на части клане.

Глава 14

Яна

Утро было вполне обычным и ничем не примечательным. Все как всегда. Проснулась, умылась, оделась, позавтракала вместе с отцом и отправилась в школу. Провела отведенные пять уроков, причем без особого энтузиазма, что стало нормой за последние несколько дней, и, вернувшись домой, принялась опять сверлить взглядом номер Романова на дисплее телефона.

Олег уже не обращал на это внимания. Скорее всего, выбрал тактику ждуна. Сейчас он сидел в кресле напротив телевизора с ноутбуком на коленях. Время от времени он то хмурился, то потирал двумя пальцами переносицу. Я же полулежала на диване, стоявшем рядом с креслом, переключала каналы телепередач, а сама все так же пялилась в телефон.

Нашу своеобразную идиллию нарушил телефонный звонок, Папа ответил и начал слушать собеседника, сказав лишь: «Хорошо, уже еду» – в самом конце разговора, и положил трубку.

Убрал с колен ноутбук и поднялся, в ответ на мой вопросительный взгляд пояснил:

– Я на ворота, приехал Романов, он же птица важная, так что встречать его в этот раз мне. Раз уж я жив здоров и не

прохлаждаюсь на больничной койке... – развел руками и направился на выход.

А я... хорошо, что я сидела, иначе бы точно упала, сердце зашло бешеным ритмом и застучало где-то в ушах. Я набрала побольше воздуха в легкие, задержала его и медленно выдохнула, проделала так еще пару раз, но это меня ни разу не успокоило.

Сорвалась с места и побежала наверх. За пару секунд оценив свой внешний вид в зеркале, поспешила смыть прежний легкий макияж и, схватив косметичку, принялась колдовать над лицом. Умом-то я понимала, что приехал Игнат не ко мне, но сердцу этого было не понять. Наивная дурочка, жившая внутри меня, словно ребенок, увидевший долгожданные подарки под елкой, радовалась скорой встрече с черным волком.

К тому моменту, когда скулы стали выделяться ярче, необычный разрез глаз подчеркнулся любимыми стрелками, а губы казались чуточку пухлее, я поняла, что спущу на тормозах его уход без объяснений, длительное отсутствие и полное игнорирование моей персоны.

Я прошу ему все что угодно, закрою на это глаза, просто забуду об этом, если только сейчас он приехал ради меня или ко мне. Да как угодно! Я буду с ним, если он того хочет, ради ребенка, ради себя. Если Игнат хочет быть рядом со мной, то все у нас будет хорошо. Именно об этом я размышляла, накручивая утюжком пряди волос, уложенные в хвост.

На улице раздался шум, и я от неожиданности выронила щипцы для выпрямления. Подобрал их с пола и выключив, направилась к окну. Картина предстала передо мной неожиданная. Во дворе нашего дома были Игнат, Васильев и все его приближенные беты, включая моего отца. Романов стоял спиной к забору, Максим в шаге от него, а все остальные – за спиной своего альфы. Мужчины о чем-то зло разговаривали, даже скорее перебрасывались словами. Калитка валялась на земле, а забор рядом с ней накренился. Так вот что за шум я услышала.

Попыталась прислушаться к разговору, но ничего не поняла. Побежала, спотыкаясь, вниз, и уже в холле на первом этаже услышала жесткий голос Игната:

– Пропусти меня! Я все равно ее заберу и спрашивать никого не стану.

Ого! Я, конечно, мечтала о его приезде ко мне, но даже и вообразить не могла такого поворота событий. Распахнула дверь и тихонечко спустилась с крыльца, на меня никто не обратил ни малейшего внимания, напряжение витало в воздухе.

– Ты забыл, что являешься всего лишь гостем. В моем клане! – осадил его Максим и направил альфа-волну.

Зря он это сделал: спокойное выражение на лице Игната вмиг сменилось раздражением. Он рыкнул и в один миг оказался вплотную к Максиму, держа того за горло, я и не думала, что волки могут двигаться с такой скоростью. Беты Ва-

сильева оскалились, но не шевельнулись. Когда Игнат поднял альфу в воздух, и Максим захрипел, я не выдержала и, сорвавшись с места, обогнув бет, подбежала к выясняющим отношения мужчинам. Они меня не заметили, тогда я попыталась привлечь к себе внимания:

– Игнат, – тихонечко позвала я черного волка, боясь вызвать еще большую ярость, – Игнат, – повторила, так и не дождавшись желаемого отклика.

Ситуация не менялась, только Максим начинал натурально синеть, я испугалась и что есть мочи закричала:

– Я поеду! Я поеду! Да успокойся же ты, – кричала, пока он не обратил на меня внимания, поймала его взгляд. – Я поеду с тобой, только с одним условием, – четко, глядя прямо в его безумные черные глаза, проговорила: – Отпусти его.

Игнат тряхнул головой и непонимающе уставился на свою руку. Резко разжал пальцы, и Максим, шатаясь и откашливаясь, отпрянул от него. Я только хотела двинуться за ним следом, но вовремя опомнилась и осталась стоять на месте. Игнат ободряюще кивнул и повернул голову в сторону Максима и его бет.

Отец сделал шаг вперед, но я махнула ему головой, останавливая. Затем кивнула в ответ на его вопросительный взгляд, надеясь, что он понял меня.

– Еще вопросы будут? – с вызовом спросил Игнат.

Я между тем, отойдя от шока, пока на меня никто не смотрел, судорожно достала телефон, зашла в Ватсап и напечата-

ла сообщение Вике.

«Ты по-прежнему хочешь сбежать из этого клана?»

Она тут же появилась в сети и начала печатать ответ. Да, я писала напрямую, но Игорь был здесь, и все его внимание было направлено на Романова, так что шансы, что он когда-либо увидит переписку, были нулевые.

– А ты не оборзел ли часом, Романов? – подал голос Кордин, остальные, затаившись, смотрели на москвича и оценивали ситуацию. – Не боишься, что вообще не выберешься с нашей территории?

Пришел лаконичный ответ:

«Конечно».

Быстро затарабанила пальцами по экрану:

«Я уезжаю с Романовым в Москву, еще не знаю, как, но заберу тебя с собой, Романов обязательно придумает, что нам делать. Я верю в его мозги. Поэтому, пока Игоря нет дома и он с остальными занят разборками, собери свои документы и припрядь, лучше на улице. И все, что тебе необходимо, тоже собери, сколько успеешь, переписку сотри, но телефон далеко не убирай, как будет план – напишу».

«Спасибо».

«Я! БЕЗ ТЕБЯ! НЕ УЕДУ! Все будет хорошо!» – попыталась вселить в нее надежду. Подняла голову и встретила с тяжелым взглядом Игната, прошептала ему одними губами: «Потом».

– Сергей, – обратилась я к Давыдову, – ну ты же всегда

говорил, что самый здравомыслящий из всех. Зачем усложнять ситуацию? Это никому из присутствующих не нужно.

Нужно как-то разрядить обстановку и выиграть для Вики время, если мы свалим сразу же, то у нас ничего не получится. Я не знала, как будет удачнее все проверить, но в успешность задумки верила и не сомневалась в возможностях Игната. Если он хочет забрать меня с собой, то ему придется врубить мозги на полную катушку.

– Малая, ты вообще молчи, – опять Юра. – Он незаконно на нашей территории, да еще и силу к альфе применил.

И двинулся вперед, но Васильев его остановил, схватив за плечо. Он уже отдышался и почти не кашлял.

– Романов, ты понимаешь, что я могу и правда выдвинуть против тебя обвинение?

– А я могу вызвать тебя на бой, и что? – посмотрел на него в упор Игнат.

Да он задирался! Может, я переоценила его ум?

– Ты что, думаешь, я испугаюсь? Ты же разумный волк, так прекрати бессмысленно угрожать. – Максим сохранял спокойствие.

– Где ты увидел бессмысленность? Я уверен, что ты не испугаешься, так же, как и уверен в своей победе. Только оно мне не нужно. Ни клан твой, ни победа. Вот и подумай сам, что может стать с твоим кланом, если тебя не станет. – Юрик рыкнул и начал обращаться, Игорь и Сергей одновременно обступили его и взяли в тиски, чтобы он прекратил обраще-

ние. А Игнат лишь усмехнулся. – Вот на таких, как он, – махнул подбородком в сторону Кодина, – клан решил оставить? Или на таких, как Ребров, которому все побоку?

Образовалась тишина. Кругом будто вымерло все живое, не только на территории нашего с отцом дома, но и во всем поселении. Альфы, а теперь в том, что Романов самый настоящий альфа, я ни на грамм не сомневалась, несколько минут не отрываясь смотрели друг другу в глаза. Неужели опять мерялись силами?

– Чего ты хочешь, Игнат? – устало вздохнул Васильев.

– Мои желания за последние двадцать минут не изменились, – ответил со сталью в голосе. – Ее, – посмотрел на меня, – и заметьте, я не спрашиваю, а ставлю перед фактом.

Ну начинается, петушинные бои, блин. Они не волки – они индюки, самые настоящие.

Юра и отец на его фразу оскалились и зарычали. Тогда Давыдов, выпустив из своей хватки Кодина, перехватил за руку Олега. Да что же это такое, только кажется, что все разрешилось и на тебе, вторая смена.

– Яна, – обратился ко мне Максим.

На первый взгляд, по-прежнему спокойный. Наверное, всерьез осмыслил слова черного волка о своем клане.

– Да? – настороженно отозвалась.

– Ты согласна уехать с ним?

– Да, я же уже говорила.

– Яна! – вмешался в наш разговор отец. – Ты с ума сошла?

– Олег, не лезь! – осадил его Васильев. – Она взрослая женщина и в состоянии принимать решение. Хочет уехать – пусть едет. Никто ее держать не будет.

Говоря последнюю фразу, Максим развернулся к Олегу, и я перестала видеть его лицо. Но вот лицо отца побагровело от злости.

– Силой, значит, никого не держите? – прищурился. – Глаза раскрой! Защитник свободы и чести, блядь! – сплюнул и скинул с себя руку Сергея.

Начал разворачиваться, чтобы отойти, но беты его обступили, даже прежде несдержанный Юрик с мертвецким спокойствием загородил Олегу дорогу к дому.

– С дороги ушли! – рывкнул на них Олег так, что я испуганно отшатнулась, а затем почувствовала альфа-волны.

Увидела, как лица Юры и Сергея исказились, они начали превращаться в волков, видимо, по-другому противиться у них не хватало сил. Максим кивнул, и беты расступились, давление силы враз прекратилось, а злой отец пулей залетел в дом.

– Я поговорю с ним, – обратилась к Игнату и, взяв его за руку, вложила разблокированный перед этим телефон.

Игнат нахмурился, не понимая моего жеста, но к отцу отпустил.

Олега я нашла в его комнате, он громко матерился, устроив самый настоящий погром. И когда только успел? Хорошо присмотревшись, обнаружила на кровати сумку, в которую

периодически залетали какие-то вещи, и расплылась в улыбке. Такой, странной, даже по-дурному улыбающейся и заметил меня отец.

– Ты чего как блаженная? – нахмурился он. – Лучше бы вообще не показывалась мне на глаза. Ох, и дурной вы, бабы, народ. Мы бы тебя отстояли, а после твоего заявления, – выпустил воздух, – без шансов.

Я подошла к отцу, обняла его, уткнувшись носом в мощную шумно вздымающуюся грудь и, вдыхая такой приятный запах дома, произнесла на грани слышимости:

– Спасибо, что ты появился в моей жизни, я люблю тебя, пап.

Легкие жгло изнутри, а по щекам текли слезы. Слезы счастья и радости, слезы любви. Я впервые чувствовала, что такое искренняя любовь, которая наполняет тебя как сосуд, который прежде был пустым, а теперь его разрывает от переполненности.

Хотелось смеяться и плакать, кричать до хрипа и продолжать обнимать его, пока во мне не закончатся силы. Мне двадцать один, и я впервые узнала, что такое любовь, искренняя, верная, бескорыстная любовь. Любовь одинокого ребенка к обретенному родителю. К любящему и лучшему на свете родителю.

– Ну, малышка, не плачь, я тоже тебя люблю и не буду больше ругать, – он принялся гладить меня по голове, – все будет хорошо, я поеду с тобой и не оставлю одну, не пережи-

вай. Пойду к Назимову, надо будет – сам глотку этому чокнутому перегрызу, но тебя в обиду не дам.

– Па-а-а-ап, – подняла голову и улыбнулась сквозь слезы.

Возможно, я и правда была похожа на сумасшедшую. Олег нахмурился и принялся вытирать образовавшуюся влагу на моих щеках.

– Я от счастья плачу, просто я никогда ничего подобного не чувствовала, ощущала себя замороженной, – шмыгнула, – у меня была подруга, которую я думала, что любила, но теперь понимаю, что не чувствовала и половины. И это так... – всхлипнула, – так прекрасно.

– Бедная ты моя, – поцеловал в лоб и уткнулся подбородком мне в макушку, – не опоздай я тогда на эти злосчастные два дня, вся наша жизнь сложилась бы по другому, – горько прошептал.

И я поняла, что в этой фразе крылась не только горечь от разлуки со мной, но и от потери моей матери. Он не соврал мне, когда говорил, что помнит ее до сих пор, и ничуть не приукрасил свои чувства. Он тосковал по ней и по сей день.

– Все хорошо, пап, все правда будет хорошо, – отстранилась и начала разглядывать устроенный беспорядок, чтобы найти ручку.

Олег заметил мой мечущийся взгляд:

– Что ты... – Я оборвала его, приложив палец ко рту, и одними губами попыталась четко сказать «бумага и ручка».

Отец делано поднял брови и достал телефон из кармана

джинсов. Ну да! Как же я сразу не сообразила, век технологий. К тому же сама меньше часа назад таким способом оставила послание Романову. Сейчас же я открыла заметки и напечатала:

«Я беременна от Игната, он не знает, и я хотела бы эту новость попридержать, но вреда он мне не причинит, я уверена. Я понятия не имею, зачем ему нужна, и безумно хочу это выяснить. Сам понимаешь, это важно для нашего возможного будущего. И я хочу увезти с нами Вику, Игнат поможет, никуда не денется, но и твоя помощь нам пригодится».

Отец стоял с каменным лицом, после прочтения первой фразы он отошел от меня, саданул пару раз кулаком о стену и, вернувшись, продолжил читать появляющиеся на экране символы, с каждым словом становясь все спокойнее.

– Поэтому не переживай и просто останься здесь, – уже вслух сказала я, – по крайней мере, до выяснения новой информации.

Он ткнул пальцем в экран, указав на строчки с именем Вики, и кивнул.

– Это ты хорошо придумала. Полностью тебя поддерживаю и помогу, чем смогу.

Садясь на кровать, не заметил сумку с вещами, и раздраженно откинул ту на пол. После закрыл ладонями лицо и растер его. Когда он убрал руки от лица, я начала догадываться, как могла выглядеть сама с десятков минут назад. Олег улыбался какой-то безумной улыбкой, причем на глазах у него

проступали слезы.

– Милая, – приложил руку к груди и прошептал одними губами, – я так рад, что трудно выразить словами.

Удивительно, но я поняла его, подошла, присела рядом и склонила голову ему на плечо. Не знаю, сколько мы так просидели, но за окном уже стемнело, когда послышался стук в дверь и следом за ним шаги. Оборотень постучал еще раз, перед тем как заглянуть в комнату.

– Проходи, Захар. – Наверное, он узнал его по запаху.

– Олег, Яна, – поздоровался с нами пришедший оборотень, – меня послал альфа, узнать, все ли у вас порядке, и позвать вас к ним за стол. Они в нашем баре.

– Они еще и отмечают, – выплюнул отец зло. – Иди передай альфе, что мы скоро подойдем и у нас все прекрасно. Ну я ему еще устрою кузькину мать, уйду в первый попавшийся клан вожаком, и пусть он здесь один рулит.

Паренек разинул рот, а Олег, увидев, что тот все еще здесь, прикрикнул на него.

– Ты еще здесь? А ну бегом! – и уже обратившись ко мне, произнес: – Ну пошли послушаем, что там мои друзья отмечают.

В местном баре было намного больше посетителей, чем в прошлый раз. Помимо приближенных альфы, сидело еще несколько компаний за разными столиками. Была шумная и веселая обстановка. Правда, за столиком, к которому мы подошли, царила напряженная атмосфера. Женщины непони-

мающими хлопали глазами, они, судя по полупустым бокалам пива, были здесь довольно давно, и Вика в их числе. Я нарочно не стала на нее смотреть и подошла к Игнату, который постучал пару раз ладонью по сиденью стула, стоявшего рядом с ним.

– На, ты забыла, – положил передо мной телефон, когда я села, и продолжил разговор с Сергеем и Златой.

Я заказала жареную картошку с грибами, жареные креветки и стейк. После такого выброса адреналина есть хотелось настолько, что временами возникало ощущение, будто желудок прилипает к спине. Еще я взяла минералку в надежде, что никто не обратит на это внимания.

Посчитав, что выждала достаточно времени, заглянула в телефон. Первым делом поспешила перепроверить переписку и правильно сделала. Там появились новые сообщения, инструкции, куда сложить вещи с документами, и наставления «не показывать виду и ждать отмашки». Я улыбнулась сама себе. Не подвел и что-то придумал? Возможно, нас ждало не такое уж и плохое будущее.

По настроению и поведению сидевших за столом и не скажешь, что сегодня произошло что-то из ряда вон выходящее: волки налегали на еду и алкоголь, волчицы беседовали между собой. Козин и Лена были, как всегда, в центре всеобщего внимания со своими шуточными перепалками.

Я в разговорах участия не принимала и хоть и была формально здесь, мысленно витала в совершенно другом изме-

рении. В реальность меня вернула рука Игната, оказавшаяся на моих коленях. Даже сквозь ткань джинсов я ощущала жар его ладоней. Он лениво поглаживал мою ногу, иногда крепко ее сжимая.

Вечер близился к ночи, и меня начало клонить в сон.

– Максим, раз мы все утрясли, выделишь мне машину до аэропорта? – произнес Игнат.

– Неужели на ночь глядя поедете? – удивился Макс, но то ли я придиралась, то ли актер из него никакой, получилось очень фальшиво. – Переночевали бы, да утром ехали. И машина вам будет, и водитель.

– Ну от водителя я бы отказался, а вот переночевать, – Игнат как будто призадумался, – неплохая идея, – развернулся к Олегу, – пустишь в свой дом?

– Сам хотел пригласить, – усмехнулся отец. Окружающие, в том числе и Романов, удивились такой доброжелательности. – Я тут подумал, что еще не раз навещу вас, пользуясь твоим гостеприимством, так что с моей стороны было бы жутко невежливо не приютить тебя сегодня. И завтра я сам вас довезу до места назначения, – хлопнул ладонью по столу, – а сейчас, пожалуй, по домам, – поднялся и, ни с кем не прощаясь, направился к выходу.

Романов нахмурился еще сильнее. Встал из-за стола и, попрощавшись со всеми, взял меня за руку.

– Игнат?

Окликнул нас Максим уже на выходе.

– Да?

– Подбросите тогда завтра одного из моих парней? У него разрешение на проживание в Москве есть. Толковый парнишка, учиться едет.

Игнат крепче сжал мою руку, поглаживая большим пальцем. Видимо, почувствовал, как я вздрогнула, потом кивнул Васильеву. И уже на улице, тихо-тихо, обдавая своим дыханием, шепнул на ухо: «Не переживай, я понял, о каком парне речь. Уверен, проблем не будет».

В доме было пусто и тихо, Олег видимо, решил оставить нас наедине. Игнат, отлично знающий дорогу в мою комнату, шел впереди и вел меня за собой. Садясь на край кровати, он так и не отпустил мою руку, притянул к себе и уткнулся лицом мне в живот, второй рукой обхватив меня за бедра.

На душе стало так легко, ведь он не знал, что я беременна, но того, насколько он сейчас близок к нашему ребенку, я просто не могла не заметить, запустила пальцы в его волосы и начала перебирать пряди. Игнат шумно дышал и ничего не говорил.

– Не хочешь мне рассказать, что происходит? – попыталась я прояснить ситуацию, но он лишь покачал головой.

Я, наверное, никогда не смогу понять мужчин. От Игната сейчас исходило тепло. Он очень бережно и в то же время крепко меня обнимал, складывалось впечатление, что он скучал. Но если это правда, неужели так трудно было найти время на звонок? Один-единственный звонок?

Что же творится в твоей голове, мой волк? Я впервые назвала его своим, и пускай пока лишь про себя, для меня это значило очень много. Прежде даже мысленно себе такого не позволяла.

Глава 15

Игнат

– Даже не надейся на что-то большее, чем обыкновенный сон в моей кровати, – воинственно протараторила Яна, выйдя из ванной комнаты.

Я лишь усмехнулся ее боевому настрою и залюбовался. Весь сегодняшний вечер она выглядела просто потрясающе: завораживающие зеленые глаза, манящие губы, острые скулы, которые постоянно хотелось очертить пальцами, шикарные черные волосы, собранные в хвост, с обворожительными завитушками на концах. Весь ее вид так и манил.

Но именно сейчас, после душа, в своей дурацкой пижаме, с рассыпавшимися по плечам влажными волосами и без единого грамма косметики она была по-настоящему прекрасна. Сглотнул вмиг образовавшийся в горле ком. Святая луна, просто как мальчишка.

– Если хочешь, спи, – ответил сразу, как вернул самообладание, – мне сегодня и поспать не удастся, – огляделся вокруг, – знаешь, враждебная обстановка, и все такое... мало ли, – взбил подушку и устроился на кровати поверх покрывала. – Тем более сумку твоей подружки нужно забрать и упаковать к твоим вещам. Кстати, – насторожился я, – а где, собственно, твои вещи? Или ты без них решила переехать?

Яна хлопнула глазами, хитро улыбку и устроилась рядом со мной.

– А что? Ты не купишь мне новых? – делано нахмурилась и, приложив палец к губам протянула: – Так дело не пойдет, зачем мне тогда куда то ехать? – и, не выдержав первая, рассмеялась.

– У меня всего сумка, и я собрала ее, когда ты разговаривал с отцом, – пояснила она.

– Что ты ему такое сказала, что он расслабился и сам на себя стал не похож? – Как не ломал голову, не мог сообразить, почему все оказалось так легко. Я ожидал поединка, или, на худой конец, что Ребров поедет за нами прицепом. А тут... Странно как-то, неужели ему совсем нет дела до дочери.

– Он очень обрадовался, что мы увезем Вику, – радостно произнесла она.

Я лишь нахмурился в ответ, и тогда Яна меня окончательно заинтриговала.

– Там еще кое-что, но я тебе не буду пока об этом говорить, – В ответ на мой недовольный взгляд лишь передразнила меня, скорчив гримасу, и сказала: – Ты же мне тоже так ничего и не рассказал.

Поцеловала меня в кончик носа, пожелав при этом приятных снов, и, запаковавшись в одеяло, отвернулась от меня на другой бок. И все это с такой скоростью, что я и прореагировать никак не успел. Хмыкнул, лег рядом и обнял ее со

спины. Как же аппетитно она пахла.

Я слушал ее дыхание и сам себя начинал ненавидеть. «Нельзя ее подставлять под удар. Защитить! Спрятать!» – бушевал волк. Успокаивал свое внутреннее я всеми силами. Я буду ее охранять как самое ценное сокровище, и с ней ничего не случится, но вот спрятать не получится. И я не мог пойти против обстоятельств, против Назимова. Я должен жить на благо нашего клана.

Малышка уснула через пару минут, и я, полежав еще немного рядом с ней, поцеловал ее в висок, подоткнул края одеяла и отправился на улицу.

Настроив все органы чувств, осмотрелся по сторонам: путь был чист. По-быстрому забрал сумку с вещами девушки из указанного места и направился обратно.

Вообще, Яна, конечно, подкинула задачку. И такая: «Поеду, но с условием». В запале разборок с Васильевым я был так зол, что пропустил эти слова мимо ушей, услышав главное: «Она поедет! Она сама хочет поехать со мной!» Уже потом, когда в руках оказался ее телефон, причем с окном переписки, я ненадолго завис. И прочитав, понял, что она ставит мне условия. Только вот почему-то ни капельки не разозлился, наоборот, похвалил ее смелость, находчивость и безрассудство.

Во дворе дома Ребровых после того, как они уединились, мы простояли недолго. В полной тишине прислушались к разговору, и когда он перешел в разряд личного, ушли с их

территории. Максим сразу же пригласил всех в бар, чтобы разрядить обстановку.

За то время, пока мы шли до бара, я обдумал план побега, все было очевидно, как на ладони. Оставалось только утрясти мелкие детали. Сложностей, конечно, прибавилось, когда Васильев навязал нам Захара. Но поразмыслив, я прикинул, что парень, живший в окружении четырех женщин, не будет вставлять нам палки в колеса. На худой конец, подавлю его силой, что было нежелательно, но вполне возможно.

Вернувшись в спальню к Яне, сразу обратил внимание на единственную сумку, которой до этого не придал значения. Оглянувшись, пошарил по шкафам: чего-то более вместительного не нашлось.

Пришлось опять идти к Реброву, тот выслушал меня и, мило улыбнувшись, отдал большой чемодан и полиэтиленовой мешок. Не нравилось мне поведение Олега, настораживало. Нет, пока он не зашел в дом вместе с Яной, оно было вполне нормальным, по крайней мере, ожидаемым, а вот потом стало непонятным.

То ли моя малышка что-то ему сказала, только вот что, то ли Ребров что-то задумал. Из всех происходивших сейчас событий именно непонятные действия Олега напрягали сильнее всего. Я не любил чего-то недопонимать, ведь в таких случаях слишком велика вероятность остаться в дураках.

Плотно упаковав сумку белой волчицы в пакет и уложив

в чемодан вместе с Яниной, вернулся к моей спящей принцессе.

Всю ночь Яна проспала в одном положении, завидное постоянство. И уже под утро перевернулась на спину, скинув с себя одеяло. И тогда начался ад для моей выдержки.

Смотреть на ее оголившийся плоский животик, очертания безупречной груди, соски которой стояли и постоянно притягивали к себе мое внимание, было невыносимо. Хватило меня ненадолго, минут пятнадцать, может, десять, и я сорвался.

Приник поцелуями к моей сонной красавице. Целовал живот, впадинку пупка, размеренно гладил грудь и бедра. Когда губы добрались до ее рта, Яна уже не спала. Заглянул ей в глаза и башню нафиг снесло. Из моих движений пропала леность, я просто разом вошел в нее и брал в безудержном диком темпе, пока мы не кончили одновременно. Тогда я постарался вернуть своим действиям нежность, легонько целовал ее и поглаживал, успокаивая сбившееся дыхание.

Отдышавшись и, видимо, наконец-то развеяв сонный дурман, Яна, словно змея, зло прошипела:

– Я же предупреждала! Только сон, – попыталась меня столкнуть с себя, но не тут-то было. Прижал ее запястья к подушке и, склонившись к самым губам, прошептал:

– Прости, малышка, я и правда держался сколько мог, но вид твоей эротичной пижамки меня просто добил. – Ее глаза расширились, и когда в них появилось осознание, я уже

отстранился, тихо посмеиваясь.

– Дурак. – Она поправила свои пижамные шортики, которые я даже не потрудился снять, и, мигом подорвавшись, убежала в душ.

– Поторопись, у нас выезд через сорок минут, – крикнул ей вдогонку и, подложив руки под голову, откинулся на подушку.

Выехали, как и собирались, в девятом часу. Все волки, включая Игоря, присутствовавшие во время вчерашних разборок, провожали нас у КПП, на что я и рассчитывал. Теперь оставалось дело за девчонкой. Проехав где-то половину пути до внешних (и как нельзя кстати, единственных) ворот, машина затормозила.

Яна сразу же выбежала из салона и, кусая губы, взволновано оглядывалась по сторонам. Примерно в этой местности мы и условились встретиться. Волчица должна была дожидаться, пока уйдет муж, перекинуться и по широкой дуге обогнуть дорогу с КПП, только потом выбежать к трассе. Самка хоть и молодая, но белая, и значит, должна справиться. Этих волков сильно недооценивают.

– Олег? Почему мы затормозили? – насторожился Захар.

– Кое-кого ждем парень, – ответил ему Ребров, не поворачиваясь.

Время ожидания подзатянулось, я вышел на улицу и принюхался. Хлопнула дверца автомобиля, Олег вышел следом за мной.

– Сколько у нас есть времени? – поинтересовался у него.

– Времени почти нет. У нас там автоматика, программа фиксирует любое приближение к воротам. Обычно за этим в постоянном режиме никто не следит, но сегодня по-любому будут ждать сигналки. В запасе минуты четыре, не больше, – нахмурился и начал тоже принюхиваться.

– Что? – Услышанная информация очень не понравилась Яне. – Я без нее никуда не поеду.

– Успокойся, – попытался ее приобнять, но она отскочила.

– Да что происходит? Что за диверсии вы тут устраиваете? – Щенок тоже вышел из автомобиля и с вызовом смотрел на нас с Олегом.

– Лучше помолчи и не лезь под руку, – рыкнул на него.

– Не чуешь? – вмешался Ребров. – У тебя вроде нюх лучше должен быть.

Отрицательно помотал головой.

– Да как вы...

– Молчать! – осадил мальчика, посмотрев ему в глаза. – Сядь в машину и жди! С нами уедет еще одна девушка, и у тебя, щенок, никто разрешения спрашивать не будет. А только рот раскроешь и попробуешь сообщить своему альфе или бете, останешься здесь и всю жизнь будешь смотреть в глаза волчице с сожалением. Если у тебя есть совесть, конечно.

– Волчица сама желает уехать? – с сомнением, но уже без прежнего вызова в голосе спросил Захар.

– Желает.

Молодой волк кивнул и вернулся в машину. Я же прошелся недалеко в сторону поселка, опять принохиваясь. Ничего!

Обернулся и поймал на себе ожидающие и вопрошающие взгляды. Мне нечем было их порадовать...

– Мы не можем уехать без нее, слышишь, Игнат? Игнат, у нас ее документы. – Яна тут же подошла ко мне. – Давай ненадолго вернемся. Скажем, я не знаю... – прикусила губу. – Что я что-то забыла, – схватила мою руку в свои ладони и умоляюще посмотрела на меня.

– Мы не можем, – качнул головой, отказать ей было невероятно тяжело. – Мне нужно в Москву.

– Ну и езжай один! – выкрикнула и, отбросив от себя мою руку, направилась вдоль дороги к поселению.

– Олег, успокой свою дочь. Пока все по-хорошему, – сказал я, начиная закипать.

– И как же будет по-плохому? – усмехнулся Ребров и сложил руки на груди, всем своим видом показывая, что палец о палец даже не ударит.

– Хорошо, – прорычал и пошел за Яной.

Как только догнал, обхватил ее под грудью, прижал спиной к себе и, приподняв, понес к машине.

– Отпусти! Пусти, я тебе говорю! – кричала она что есть силы и вырывалась как дикая кошка, расцарапав кожу на моих руках, – Папа, скажи ему, я никуда не поеду!

Ребров лишь развел руками и сел за руль.

Я с большим трудом запихнул упирающуюся Яну на заднее сиденье и поспешил на свое место. Машина тронулась, а Яна стала походить на сумасшедшую: ругалась, стучала руками и ногами по двери. Даже предположить не мог, что она настолько привязалась к девчонке. Жаль, конечно, что не получилось помочь волчице, но не настолько, чтобы делать это во вред себе.

С каждой секундой находиться в машине становилось все затруднительней. В ушах звенело с нечеловеческой силой, и мне всерьез начало казаться, что еще чуть-чуть – и из них пойдет кровь. Если Яна не замолчит, мне даже страшно представить, что тогда может случиться.

И о чудо! Через бесконечные пару секунд появилось наше спасение. На дороге показался силуэт, приближающийся к нам белой волчицы. Олег резко затормозил, а его дочь, не сразу сообразив, что произошло, еще какое-то время ругалась.

– Что, совесть проснулась? – мстительно проговорила.

Олег, ничего не ответив, просто разблокировал двери машины.

Яна заторможено переводила взгляд со своего отца на меня и видимо, что-то поняв, посмотрела в лобовое стекло, взвизгнула и выпрыгнула из машины. Она бежала в сторону волчицы, на бегу стягивая с себя плащ. Когда они встретились, моя малышка опустилась на колени и обняла волчицу, потрепав ту по холке. Накинула плащ на обратившуюся де-

вушку и, обняв за плечи, направилась вместе с ней к машине.

Девушка, оказавшись в салоне, поздоровалась с нами и радостно улыбнулась. Заметив Захара, округлила глаза, но когда тот вежливо с ней поздоровался, заметно расслабилась. Кстати, она была мало похожа на жертву тирании.

– Я так переживала, что не успею, – затараторила она, – а в итоге перестаралась, выбежала на дорогу далеко впереди вас. Постояла, подождала, уже успела испугаться, что добиралась слишком долго, и вы уехали без меня, а потом услышала, как кричит Яна, – хихикнула и получила от последней кулачком по плечу, – ай, ну серьезно! Ты так визжала, что я просто не могла тебя не услышать, тогда-то и поняла, что перестаралась, и побежала назад в вашу сторону.

– Так, давай нагибайся, чтобы камеры не засекали, скоро выезд уже будет, – прервал ее радостную речь Олег.

Я хмыкнул и встретился взглядом в зеркале заднего вида с Яной, тогда-то и понял, что она затаила обиду, причем самую настоящую. Буквально испепелила меня взглядом и отвернулась к окну.

Вот только этого мне сейчас не хватало, забот и так выше крыши, и выяснение отношений с Яной совсем не входило в мои планы.

Весь наш дальнейший путь прошел без происшествий и в тишине, видимо, каждому было о чем подумать.

В аэропорту Ребровы эмоционально распрощались. Яна не злилась на отца, а тот со спокойным сердцем отпускал ее

со мной. Не понимаю! Ладно, девочка, голову сама себе запудрила соплями, хоть я ей ничего и не обещал, но Ребров-то не вчера родился, что бы на абы что надеяться.

Пожал Реброву руку на прощанье, тот всего лишь пригрозил своим скорым приездом и направился в сторону выхода.

– Ну, что? Вперед, девочки, – указал обеими руками направление, затем, посмотрев на Захара, со смешком добавил: – И мальчики.

Парень фыркнул и пошел вслед за девушками, я поплелся следом за всей этой малышкой.

Если честно, ситуация выходила из-под контроля. Уже перед самым взлетом раздался звонок, в Москве была рань несусветная, а Александр – любитель спать именно в эти предрассветные часы.

– Слушаю тебя.

– Надеюсь, ты уже на подлете? – прозвучал ни разу не сонный, а довольно напряженный голос моего беты.

– Что-то с Николаем? – Я понимал, что старик не вечен, но ничего не мог поделать со своими переживаниями. Я не хотел его смерти, я желал для него долгой безболезненной жизни.

– С ним все так же. Сразу как ты уехал, исполнил твое поручение. Почти все наши приехали и обозначились, ну знаешь... – не договорил он.

– Я тебя понял. Итог? Помогло или нет?

– Ну в поселении никто не пошел против, назимовские

приближенные беты тоже ведут себя спокойно. Не знаю, из-за того, что они поняли, что нас достаточно много, или все же боятся своего альфу и в таком состоянии. Все ждут тебя, но не суть, я не поэтому звоню, – тяжело вздохнул и замолчал.

– Саша, что еще? Не люблю я такие театральные паузы, – растер пальцами висок, пытаюсь не злиться попусту.

– Слухи распространились быстро, три территориальных беты хотят бросить вызов Назимову, и это только пока. Мы заняли оборонительную позицию и запретили все въезды и выезды.

– Кто? – рыкнул я.

– Воронежский молодой Матвеев, кажется, Суханов, он вроде из ростовских.

– Да знаю я, откуда они все, – не удержался и опять перебил Александра, – просто фамилии мне назови.

– Игнатьев, Суханов и Матвеев. Все ждут на въезде, мы, естественно, проявляем жуткое негостеприимство и никого не пускаем.

– Понял тебя. Продержитесь там еще недолго, мы уже вылетаем. К Назимову никого, кроме его медсестры, не пускать, даже его бет. Не дай луна, в крысу вызов бросят, тогда выправить ситуацию уже не получится, – оглянулся по сторонам, встретился с испуганными взглядами девушек. – Слушай, Саш, а Лекса где?

– А ее нет, – хохотнул в трубку, – Как позавчера разругалась с отцом и уехала в город, так и не возвращалась.

– Жена твоя в поселении?

– Да, – донеслось настороженно.

– Тогда давай так. Медсестру к Назимову тоже не пускай, посади к нему пока свою Олю. Вдруг ему что-то понадобится. И если приедет Лекса, не пропускай ее в клан. Все, до связи, – нажал на отбой и глубоко задумался о причастности Александры к Татьяниним делишкам, ведь она всегда недолюбливала Машу. Стоило мне только закончить разговор, как Яна отвернулась и погрузилась в свои мысли.

– Ян, – позвал свою воительницу, она даже плечом не повела. – Разговор серьезный, поэтому прекрати дуться. – Опять ноль внимания. – Да что за детский сад! Мне сейчас совсем не до того, – повысил, не сдержавшись, голос.

Вот же! Непробиваемая женщина!

– Хорошо! Я умываю руки, хочешь и дальше прозябать в неведении, пожалуйста, – прикрыл глаза от усталости.

Попробовал абстрагироваться от происходящего и, не обращая внимания на аппетитный запах моей злой самочки, поразмыслить о ситуации в целом. Хуже не придумаешь. Ни в коем случае нельзя никого подпускать к Назимову. Налетевшие словно стервятники беты обязательно бросят вызов старому волку. Проиигнорировать его он не сможет, так же, как и выиграть в бою, уж точно не в своем нынешнем состоянии. И когда только успели прознать, что меня нет в городе? Я больше остерегался, что взбрыкнут беты из ближнего круга Назимова, потому и раскрыл своих волков.

– Игнат.

Послышался тихий голос белой волчицы. Открыл глаза и посмотрел на девушку, она продолжила:

– Что будет, если ты не успеешь? Переворот? – с сомнением прикусила губу, очень полную, надо сказать.

Девочка вообще была весьма красивой: большие каре-зеленые глаза, пухлые губы, аккуратный носик, и все это на маленьком ангельском личике. Еще больше она выделялась маленьким ростом, что было весьма необычно среди нашей расы. Полукровки – и те были выше среднего по человеческим меркам. И сейчас, глядя в глаза этой наивности, я видел испуг и понимание ситуации.

Точно! Совсем забыл про ее слух. Наверное, она слышала не только голос Александра в трубке, но и то, что происходило рядом с ним.

– Да, – не стал юлить и, не обращая ни капли внимания на Яну, делавшую вид, что она вообще не здесь, и Захара, прикидывавшегося шлангом, продолжил: – Николай Назимов сейчас очень слаб, и если до него доберутся охочие до власти волки, то прадедушка Яны не проживет и часа.

– Что ты сказал? – взвизгнула Яна и попыталась подняться с места, напрочь забыв о том, что пристегнута ремнями безопасности к сиденью.

– Что? – делано поднял брови. – Ты обратила на меня внимание и жаждешь поговорить? – Знал, что веду себя сейчас неправильно, но изменить своим привычкам не мог, нельзя

игнорировать ни меня, ни то, что я говорю.

– Хватит издеваться и показывать, как ты крут, – чересчур спокойно сказала Яна, – говори, зачем я тебе понадобилась и что ты знаешь о моих родственниках.

– Настроение общаться пропало, знаешь ли, – ухмыльнулся и все же продолжил: – Поэтому обойдешься без объяснений. Просто знай, Николай Назимов – твой прадедушка, по материнской линии, естественно.

– Но как так, – отстраненно произнесла она, пребывая, по всей видимости, в шоковом состоянии.

Я, ничего ей не ответив, опустил спинку сиденья, отстегнул ремни и, прикрыв глаза, попытался расслабиться. По приезду мне понадобится много силы.

Глава 16

Яна

Я потерялась в его глазах, опять. Еще не очнулась от сладкой неги сна, как тут же погрузилась в пучину возбуждения. Приятные поглаживания и поцелуи, расслабляли и дарили наслаждение. Я качалась на волнах удовольствия на грани реальности, пока не встретила с его взглядом: он пригвоздил меня к месту и не оставлял права выбора. Мне не оставалось ничего другого, как подчиниться, отдать себя в его власть.

Игнат мгновенно это понял и резко в меня вошел на всю длину, так глубоко... до болезненных ощущений, простреливавших все тело иголочками. Я еще не привыкла к наполненности, когда он принялся вбиваться в меня резкими и хаотичными толчками. Это было чистой воды безумие, не может же быть настолько хорошо, настолько на грани.

Сладко и остро. Его движения бедрами учащались, а мне было недостаточно, мне было мало.

Хотелось сильнее, быстрее, глубже. Хотелось, чтобы это сумасшествие длилось вечно. Еще чуть-чуть... желанная разрядка уже так близко... все тело напряглось в ожидании.

И да! Освобождение пришло. Меня колотило, ноги своди-

ло судорогой, а Игнат излился теплой струей внутри меня и рычал, уткнувшись в мою шею...

– Ян! Яна! – сквозь дымку до меня донесся Викин голос.

Что за черт? Что она здесь делает? Распахнула глаза и поняла, что нахожусь в самолете, Вика смущенно прошептала.

– Ян, извини, что разбудила, но ты как-то странно стонала, тем более мы скоро идем на посадку.

Черт! Черт! Черт! Мне не надо было смотреть на Романова, чтобы увидеть ухмылку на его лице, я так явно ее представляла! Подонок! Воспользовался моим незащищенным состоянием, и пока я ничего не успела понять спросонья, трахнул! Но как же было хорошо! Незабываемо! Не зря подсознание теперь слало мне такие сны, хотя прошло-то часов пять от силы.

Так! надо собраться и не подавать виду, что мне есть до него дело.

Встала с удобного кресла и пошла в туалет. Я не летала на обычных самолетах, но могла поклясться, что обстановка в этом туалете не в пример обычным: чисто, светло, много места. По наивности можно было и забыть, что я не на земле, а летела в небе. Умылась, недолго постояла у умывальника, держа ладони под струями холодной воды.

А ведь я почти поверила! В то, что у нас все сложится. Обещала самой себе принять его поведение и простить, если только он приехал за мной. Как там говорится: бойтесь своих желаний? Он приехал... действительно за мной. Только

вот о своих целях забыл сказать, и я по наивности придумала себе «сказку о сереньком бычке», хотя в моем случае скорее о черном волке. Я нужна ему только как средство достижения поставленной цели. Теперь понятно, почему он так категорично был настроен на скорый отъезд и не желал даже лишней минуты ждать Вику.

Вика, моя отчаянная маленькая подруга, за такой короткий период стала по-настоящему мне близка, и я до мутных точек в глазах переживала, что мы уедем без нее.

Да, она в паре, и лучше никогда не лезть в чужие отношения, но не в этом случае. Вику с Игорем впереди ждала длинная жизнь, и я ничуть не сомневалась, что совместная. Но если бы сейчас в их отношениях ничего не переменилось, то и осталось бы так же навсегда. Игорь, подавляя Вику, не дал бы ей раскрыться и показать индивидуальность. А ведь она личность, яркая личность, которой нужно всего лишь обрести себя и уверенность в своих силах.

Так, все, хватит! Хватит об Игоре, хватит об Игнате. Все мужчины одинаковые, думают только о себе и своих интересах. А мне нужно заботиться о себе и не забывать, что я больше не одна, и просто обязана обезопасить моего неродившегося малыша от любых неприятностей.

Вернулась на свое место, выпрямила спинку кресла и пристегнулась, самолет шел на посадку. В иллюминаторе один за другим рассеивались облака, и глазам представал завораживающий пейзаж. Сколько же всего прекрасного в этом мире

я еще не видела.

Прилетели мы в один из крупнейших аэропортов Москвы. Странно, я почему-то думала, что раз у них самолет частный, то и все остальное должно быть таким же.

В Москве было раннее утро, такое прямо холодное раннее утро.

Захар пропал из моей видимости в здании аэропорта, слившись с толпой. Нас же ожидало два внедорожника. Игнат сел в первый, а мне с Викой указал на второй. Прекрасно, просто замечательно! Он даже в одной машине со мной ехать не хотел.

– Может, он просто хочет обсудить с кем-то дела? – увидев мое раздражение, предположила Вика.

– Мне-то что? – фыркнула и, отвернувшись, начала рассматривать пейзаж, видневшийся из окна машины. Ехали мы недолго, да и ожидаемых пробок не было. Точнее, они были, только в противоположную сторону. Мы же ехали в сторону области.

Свернули на двухполосную дорогу без указателей, по обочинам которой стояли машины. Проехали метров двадцать и притормозили: впереди виднелись высокие автоматические ворота, а в разные стороны от них тянулась бетонная стена.

– Миленко, – присвистнула Вика.

Из машины, стоящей перед нами, вышел Игнат и обратился к стоящим мужчинам, их было примерно двадцать-двадцать пять.

– Ну? – закатал он рукава и развел руки в сторону. – Кто из вас хочет бросить вызов моему альфе? Милости прошу, – указал рукой на ворота, которые к тому моменту плавно отъехали в сторону. – Только, само собой, победите для начала меня, – холодно улыбнулся, махнул рукой нашему водителю, показав какой-то непонятный жест, и, развернувшись, пошел внутрь.

Наша машина тронулась и медленно поехала вперед. Я видела, как Романов остановился на территории поселка, как следом за ним зашло еще десять человек, четверо шли впереди, один из них приблизился к Игнату и, поклонившись, стал позади него, трое других остались стоять на расстоянии, и у каждого за спиной стояло еще двое. Какая-то нечестная расстановка сил. Последнее, что я увидела перед тем, как машина уехала далеко вперед, было обращение в волчью ипостась. На полянке стояло четыре волка: огромный черный, два бурых и один серый, почти такой же большой, как Игнат. Вот он-то и бросился первым, я видела, как волк, оскалившись, побежал вперед!

И все! Крутой поворот дороги направо – и кругом только высокие ели. Господи, да откуда в Подмосковье такой густой лес?

– Остановись, – сорвавшимся голосом простонала я, но водитель лишь прибавил газа и пробурчал: «Не велено».

Сердце забилося словно сумасшедшее, паника подступала и напрочь лишала сил. Каким бы сильным он ни был, но трое

против одного – это же приговор. Попыталась собраться с мыслями и привести дыхание в порядок, вдох-выдох, вдох-выдох, услышала шум и повернулась в сторону подруги, та открывала окно. Точно!

– Вика!

– Тише, – шикнула она, – тяжело понять, много посторонних шумов, но бои до сих пор идут.

– Бои?

Спокойствие, только спокойствие!

– Да, бои, их же трое было, ты разве не заметила? – сказала и прикрыла глаза, пытаюсь сосредоточиться.

– Так он с ними по очереди? – спросила скорее сама у себя. – Фух. – Словно гранитная плита свалилась с плеч.

– Не слышу больше ничего, – расстроилась волчица.

Я не успела ей ничего ответить, следом показалась система, больше похожая на сетку, высокая и под напряжением, а саму дорогу пересекал шлагбаум и будка-дом, один-в-один как в клане у отца. Нас никто не останавливал, просто пропустили вперед. Машина спустя минут семь езды по поселку, довольно похожему на наш, только значительно больше по размеру, припарковалась у дома. Я бы даже сказала – особняка. Длинный, двухэтажный, хранивший в себе дух истории. Этому дому было лет двести минимум, а то и больше.

Нас встречал высокий блондин, он по-доброму улыбнулся и пригласил зайти внутрь.

– Меня зовут Александр, я первый бета Игната, – посмот-

рел на меня, – ты определенно Яна, – потом перевел взгляд на Вику, – а это твоя подруга, я так понимаю?

– Да, белая волчица Виктория, – представила я девушку.

Улыбка на лице мужчины стала еще более мягкой, чем прежде.

– Интересно. Что ж, девушки, я отведу вас к Николаю Александровичу, там сейчас моя жена Ольга, буду рад, если вы подружитесь. А Игнат присоединится к вам, как разрешит появившиеся проблемы.

– Он... – хотела спросить, но не нашла нужных слов.

– Он справится, Яна, не переживайте так за него.

И, пропустив нас вперед, повел к одной из дальних комнат на втором этаже. Обстановка внутри соответствовала моим ожиданиям. Можно было запросто подумать, что я попала в девятнадцатый век или какой-нибудь исторический роман. Но все это я отмечала скорее автоматически, замечая краем сознания. Все мои мысли сейчас были даже не о Назимове, моем, как выяснилось, прадедушке и, как говорил отец, легендарном волке. Все, о чем я могла сейчас думать, это Игнат. Как бы я ни злилась на него, не желала ему смерти, да что там, и синяка лишнего ему не желала, если бы, конечно, это не был поставленный лично мной фингал.

Как только мы переступили порог комнаты, к нам навстречу поспешила красивая молодая девушка.

– Привет, я Оля, Сашина жена, а кто из вас Яна? – мило переводила взгляд с меня на Вику и обратно.

Я разрешила ее сомнения и, оглядев комнату, поинтересовалась:

– А где...

– О-о-о... Николай Александрович спит, – ответила она, быстрее чем я успела спросить. – Присядем?

Мы с Викой, переглянувшись, присели в мягкие винтажные кресла, рядом был туалетный столик, на котором стоял чайный сервиз. Может, я сама не заметила, как угодила в машину времени по дороге или кроличью нору?

Назимова нигде видно не было, так же, как и спальни. Светская гостиная, полностью соответствовавшая этому дому, чуть поодаль, где стояли стеллажи с книгами, была еще одна дверь, там, наверное, и находилась спальня. С ума сойти, живут же люди. Не люди, Яна, не... люди.

Девушки начали беседовать, а я все сидела и пыталась осмыслить происходящие, получалось с трудом.

Игнат пришел где-то через час, здоровый и невредимый, но слегка потрепанный, с рассеченной бровью и прихрамывающий на правую ногу. Он хмуро огляделся по сторонам, заметив меня, протянул руку и мотнул головой.

– Пошли.

Я подчинилась молча, без всяких вопросов схватилась за протянутую руку, словно за спасательный круг, и направилась вместе с ним к заветной двери.

– Ну наконец-то хоть кто-то пожаловал, – послышался хриплый голос, – а то сидят там, трещотки, и нос ко мне не

кажут. – Мужчина откашлялся и продолжил, так и не повернув головы в нашу сторону. – Почему Ксюшку увели спозаранку и до сих пор ее не видно и не слышно? Что, Игнатушка, уже свои порядки наводишь?

Игнат опустил на край кровати, а я даже не заметила, когда отпустила его руку и застыла на пороге: ни дать, ни взять самый настоящий соляной столб.

– Дядь Коль, я Яну привел.

Не успел Игнат закончить фразу, как старик резко повернул голову в мою сторону и уставился на меня черными как сама бездна глазами. По коже побежали неприятные мурашки то ли от страха, то ли из жалости к лежащему без сил мужчине. Собственные ощущения разобрать не смогла.

– Яна – дочь Олега Реброва из сибирского клана и нашей Марии.

Назимов и бровью не повел. Ни один мускул на его лице не дрогнул. Только глаза продолжали испепелять меня на месте.

– Подойди ко мне дочка, – похлопал по кровати и предпринял попытку приподняться, облокотившись на руку, но та задрожала и подкосилась. Игнат подскочил с места, желая помочь старику, и застыл на месте, встретившись с холодным взглядом своего вожака. Николай проделал еще четыре попытки присесть самостоятельно, прежде чем ему это удалось. Гордый волк с негибаемой волей, ему не было стыдно падать при нас, ему было стыдно встречать свою внучку ле-

жа. Я видела, как он тратил последние силы на свои попытки, но, замерев, так и не предложила помощь, я побоялась его этим унижить, вот и Игнат вовремя осекся и, сжав зубы, продолжал наблюдать за попытками альфы.

– Видишь, какой я старик, девочка, – вывел нас из оцепенения его голос, и мы с Игнатом одновременно плюхнулись на край кровати, – а ведь еще совсем недавно был полон сил, – горько усмехнулся, – ты очень похожа на мать, одно лицо.

Я заметила, как его рука медленно потянулась к моей, и, не думая ни секунды, накрыла его ладонь, крепко при этом сжав. Николай слабо улыбнулся, и его глаза, по-прежнему черные, перестали казаться холодными и отталкивающими, они больше не пугали меня, напротив, теперь его взгляд согревал.

– Но почему Мария? – не сдержала давно интересующий меня вопрос и обратилась скорее к Романову.

– Твою мать звали Мария Назимова, Косицыной Мариной она была по поддельным документам. До сих пор не представляю, где она могла их раздобыть, – и, уже обращаясь к Назимову, продолжил: – Яна росла в детдоме и о нашем существовании ничего не знала, пока ее не нашел Ребров, даже месяца с тех пор не прошло. Как сами понимаете, она пока человек, но я уверен, что ненадолго.

Что за?.. Это-то тут причем?

– Почему ты так уверен? – полушепотом спросил Нико-

лай, по-прежнему пристально наблюдая за мной.

– Она может запросто противиться альфа-волнам, некоторые и вовсе не замечает. Ребров также представитель альфа-силы.

Я не понимала Игната, зачем он сейчас нахваливал меня, даже, скорее, не нахваливал, а пытался представить в более выгодном свете, словно рекламируя. Назимов между тем как-то странно ухмыльнулся и потер переносицу двумя пальцами.

– Чего ты хочешь? Говори напрямую. А то мне даже не верится, что я правильно тебя понял.

– Я хочу, чтобы вы поправились и сами занимались своим кланом, – обреченно сказал Игнат, – но... возвращаясь к реальности, поняли вы меня правильно. Объявите наследницей Яну, это решит множество проблем.

– Что? – словно со стороны услышала собственный возглас.

Я говорила, что хочу поставить ему фингал? Нет, я хочу расцарапать ему морду и спустить вниз по обшарпанной лестнице! Чтобы вся жопа была в занозах! Кретин! Ублюдок! Да что он о себе возомнил?

– Яночка, я так понимаю, не в курсе?

– Меньше знает – крепче спит, как говорится. – Игнат даже голову в мою сторону не повернул, как будто меня тут не было. – Николай Александрович, вы же должны понимать, что Лексу я и раньше не переваривал, теперь и вовсе сомне-

ваюсь в ее честности и благоразумии. А за Яну обещаю нести ответственность и воспитать достойных вас наследников.

О Боже! С каждым словом я падала в бездну, бездну отчаяния и ненависти. Карьерист хренов. Наследников он воспитает! Ага, только через мой труп.

– Ян, я чего-то не знаю? Уж больно ты зловещую мордочку состряпала. – Игнат нахмурился и, прервав разговор, взял меня за подбородок.

Я лишь прикрыла глаза, они меня выдавали с головой. Слишком много чувств и эмоций сейчас бурлило во мне. Они были слишком противоречивы, слишком сильны. Как много «слишком». Все происходящее было для меня и правда слишком. Понадобилась срочная перезагрузка, иначе меня просто разорвет. Как целлофановый пакет на пятидесятиградусном морозе, превращусь в кучу мелких клочков без возможного восстановления в будущем.

Почувствовала, как Игнат провел пальцем по моим губам. Такой знакомый жест, не смогла сдержать слез, наверное, всему виной гормоны.

– Яна, ничего от меня не скрывай, и все будет хорошо. Я же уже говорил, верь мне. С тобой ничего не случится, если ты этого испугалась. Я обещаю. – Его голос начинал походить на сладкую патоку, заполнявшую меня без остатка. – Ну же, малыш, открой глазки.

Не хотела, как же я не хотела сейчас смотреть на него, на Назимова, я ничего не хотела. Лишь свернуться калачиком в

старом кресле, стоящем на балконе моей прежней квартиры.

Послышалось деликатное покашливание, и я поняла, что Николай тоже ждет от меня чего-то, открыла глаза и перевела взгляд на него, желая найти там ответы.

– Яночка, не знаю, что произошло между вами, но я бы на твоём месте поверил этому оболтусу. Слово свое он держать умеет. Да и я хоть о ком-то не буду переживать, уйдя на покой.

Нахмурилась, не понимая его слов. И он пояснил, только легче мне нисколечко не стало.

– Я хотел женить его на своей дочери. Она полукровка без зверя, и Игнат был бы идеальным вариантом, но он уперся и... – Николай пожал плечами. – Не заставляй же мне его, в конце концов? А тебя он сам выбрал, так что я не вижу никаких препятствий.

– Ну спасибо! – подскочила с места. – Облагодетельствовали бедную сиротку.

Выбежала вон из спальни и, не обращая внимания на вопросы женщин, находившихся в соседнем помещении, пронеслась мимо. Распахнула вторую дверь и буквально упала в руки блондину, который нас встречал.

– Извините, – всхлипнула, – м-можно я, можно м-мне, – заикаясь, протараторила, – в ванную комнату и просто в комнату, где нет никого.

Бета Романова, кивнул, но из-за его плеча раздался надменный голос, и я только сейчас поняла, что мы не одни.

– Кто это? Александр, объясни, наконец, что здесь происходит? Почему меня не пускают к тестю, а не пойми кто носится, как у себя дома? Кто это вообще?

– Майя Львовна, я не отчетен перед вами, объяснять, кто это, не считаю нужным. Идите в свою комнату и успокойтесь, – говоря это, он слегка оттеснил меня и скрыл из вида этой мымыры.

– Мой сын приехал в Москву, а я даже встретить его не могу, черт знает что! – разносился противный голос по коридору.

– Пойдем, Яна, отведу тебя в твою комнату. – Александр, проигнорировав ее возглас, обратился ко мне и, отвернувшись от вредной женщины, приобняв меня за плечи, повел прямо по коридору.

Глава 17

Игнат

– Надо же, – усмехнулся Назимов, стоило только Яне выбежать за дверь, – так похожа на Машеньку и в то же время полная ее противоположность. Ты уверен?

– Полностью, я сравнивал ваши биоматериалы, сами понимаете, родство дальнее, но совпадение есть. Был бы у нее зверь, вообще бы не было никаких проблем.

– Игнат! Я о другом спрашиваю. Что это даже не моя, а Янинкина порода – за версту и так чую. Ты-то уверен в своих действиях? Она еще девочка совсем, а ты ее как флаг перед собой выставляешь, не ожидал от тебя такого.

– Николай Александрович, вот умеете вы все с ног на голову переворачивать. – Потер виски, которые начали порядком ныть. – Не случится ничего с вашей Яной, уж поверьте, я постараюсь ее обезопасить. Тем более лишний стимул для вас еще как можно дольше не умирать.

– Ой, хитрец! – прищурился Назимов. – Что еще ты не договариваешь? А то я больно сомневаюсь, что ты решил прикрыться девочкой, испугавшись возможных вызовов на поединок.

– Как думаете, Яна именно так решила?

Слишком уж у нее негативная реакция на возможную сва-

дью. Все же надо было сначала поговорить с ней обо всем и выяснить важные моменты.

– Тебе важно ее мнение? – Назимов напоминал сейчас акулу, вцепившуюся в свою жертву. Какого ответа он от меня ждал?

– Само собой, вы меня, можно сказать, сами воспитывали. Неужели думаете, я стал бы на ней жениться только ради статуса, который, кстати, я и так могу получить. Просто... – Задумался, а что же просто-то? Тут далеко все не просто, и я сам пока во многом не разобрался. – Меня к ней безумно тянет, волк внутри вообще дуреет. Она сильная, если переродится, в чем я не сомневаюсь, подарит мне таких же сильных щенков. Одни плюсы, куда ни глянь. – Я развел руками, а Назимов продолжал молчать, и очень уж «громко» он молчал, призывая меня вывалить перед ним все как на духу. Ну уж нет, Николай Александрович. Сдержанно и максимально расслабленно улыбнулся ему.

– Вот я и подумал, а почему нет? И не нашел ни одного довода против, вот тогда-то и решился.

– Не скажешь, значит. Ну ладно, тогда объясни мне, куда Ксюшку мою дели и что за девушка сидит за дверью. Одна Оля, а вторая кто? Не узнаю запах.

– Виктория, юная белая волчица, приехала вместе с Яной из новосибирской стаи, точнее, мы ей устроили побег, – ухмыльнулся, вспомнив Янин воинственный настрой.

– Белая? – удивился альфа. – Веди-ка ее сюда, под конец

жизни грех не полюбоваться на прекрасное.

Вика уже стояла под дверью. Все время забывал про их слух, ей, видимо, и наши стены нипочем. Она мило улыбалась, а на щеках всюду разливался румянец. Дитё дитем.

– Проходи. раз слышала.

Девушка, не обратив на меня внимания, влетела в комнату.

– Я Вика, – защебетала она, словно птичка, – а вы Николай Назимов, я столько всего о вас слышала.

– Ну раз слышала, представляться не буду, – хохотнул Николай, – давай-ка тогда, Вика, ты мне составишь компанию и вместе позавтракаем. А то что за дела, Игнат, такие? Я начинаю думать, что меня решили голодом заморить, Ксюшка пропала, и вся еда вместе с ней.

Только посмотри на него: прямо расцвел, еще и шутить пытается, а проснувшийся аппетит – так это вообще чудо из чудес!

Пошел в соседнюю комнату и обратился к жене своего брата.

– Оль, принеси нам, пожалуйста, поесть на троих, я тоже голодный как не пойми кто.

Неудобно было просить ее о таких вещах, но что поделать, если она была одной из немногих, кому я мог доверять.

– И сама тоже поесть не забудь, ты меня извини, но придется тебе еще здесь какое-то время находиться.

– Я все понимаю, альфа. – Девушка склонила голову.

– Оль, давай без этого, пожалуйста, тем более не здесь.

Настроения не было от слова совсем, силы также были на исходе. Хотелось уткнуться носом в волосы моей девочки и, поймав кайф от ее запаха, наконец-то расслабиться.

Только вот Яна начала строить из себя не пойми кого. Странно, она показалась мне достаточно разумной, без разговоров поехала со мной, еще и выгоду свою успела получить. Что же сейчас не так? Неужели из-за того происшествия на дороге? Ну в самом деле, не думала же она, что я с удовольствием вернусь во враждебный клан, чьему альфе чуть не перегрыз глотку? В то время как моему альфе угрожала опасность, я должен был заботиться об интересах неизвестной мне девчонки? Логика просто убийственная.

Все-таки не пытаться выяснять, что у женщины в голове, намного проще. Приходил, спускал скопившееся напряжение и шел дальше. Сейчас же мне нужно ломать голову и выискивать тараканов в ее голове. Яна другая, с ней нужно разговаривать, ее нужно слушать. Не зря же я ее выбрал. Только вот все понимать – это одно, а правильно поступать – совсем другое.

Вернувшись в спальню к Назимову, я тихонько присел на стул рядом с кроватью. Но сделай я то же самое, громко топая и хлопая, на меня бы все равно никто не обратил внимания. У Назимова горели глаза, и он с упоением слушал Викины истории, которые та рассказывала взхлеб, эмоционально, в красках. Я смотрел на девчонку и начинал понимать,

почему Яна с таким рвением старалась увезти Вику из стаи отца. Там девчонке никто не давал быть настоящей. Видел ее единственный раз, на ужине в баре после наших разборок. И если бы не условие моей малышки о побеге, я бы и не обратил внимания на белую волчицу: тихая, спокойная, неприметная, даже местами глупая. Сейчас я видел перед собой совершенно другую девушку.

Раздался стук, и следом появилась Оля с едой. Перехватив из ее рук каталку, подвез ее максимально близко к кровати Николая для удобства. И не дав времени Назимову, моментально усадил его, подтолкнув под спину еще больше подушек. Тот лишь недовольно посмотрел на меня и потребовал свою порцию.

Я уже собирался положить поднос ему на ноги, когда Вика подскочила и взяла со стола тарелку бульона и ложку.

– Я вас покормлю, Николай Александрович, – радостно произнесла девушка, на что Назимов скривился, будто у него одновременно заболели все зубы и в придачу к ним уши.

Альфа с трудом протянул руку.

– А ну-ка давай мне ложку, – устало попросил он, – поешь-то я пока в состоянии, даже несмотря на адскую боль.

Виктория лишь округлила и без того большие глаза и выронила тарелку с бульоном.

– Твою ж... – вовремя осекся я, вспомнив, как Николай не любит мата в присутствии женщин. – Что, Вика? – Головная боль возвращалась, и мне все сильнее хотелось увидеть

Яну, до которой было рукой подать.

– Но как же? Но вы же? – запричитала волчица. – Вы же... простите, – приложила ладони ко рту, – я думала, вы от старости, а у вас что-то другое. – Заметив, как мы с Назимовым напряглись, волчица чуть не скатилась в истерику. – Простите, это не мое...

– Стоп, Вика! Стоп! Успокойся, присядь и давай по порядку.

Налил в стакан воды и протянул девушке.

– Что по порядку? – произнесла она, стуча зубами об стакан. Да что ж все такие нервные кругом?

– То же, что ты сейчас несла, запинаясь, только теперь спокойно, тихо и по порядку.

Надеюсь, что не перегнул со строгостью. Назимов все это время молчал, такое ощущение, что и не дышал, а девчонка, выпив залпом полный стакан воды, принялась рассказывать.

– Ну я думала, что к вам старость подкралась, та, которая предсмертная.

– Вика, ты вообще о чем? – уже сам начинал злиться.

– Оля сказала, что альфа долго болел и слег, а врач твердит, что это старость. Ну я и подумала, что у него все так же, как и у моего папы.

– А что было с твоим папой, деточка? – вмешался в разговор Николай.

– Он умер от старости.

– Вот как? – Назимов кинул взгляд в мою сторону и весь

словно подобрался, как кошка перед прыжком, затаился в ожидании важной информации. – Милая, тебе, возможно, тяжело, но не могла бы ты рассказать поподробнее?

– Вы правы, мне до сих пор тяжело, но уже не так, как прежде. Мой отец умер четыре года назад в триста сорок четыре года от старости. – Девушка всхлипнула и продолжила: – Он просто уснул.

Мы с Назимовым непонимающе переглянулись. Девушка, заметив наше непонимание, удивилась.

– Ну как же? Когда оборотни доживают до столь преклонного возраста, их организм постепенно засыпает. Отец почти год лежал не двигаясь. Процессы в его организме замедлялись, пока однажды он не уснул насовсем.

– Хочешь сказать, он не мучился? – Я с трудом выпустил воздух.

– Ну если не считать полную обездвиженность и неспособность разговаривать в последний месяц, – грустно хмыкнула и сморгнула скопившуюся влагу в уголках глаз, – то да, он не мучился.

– Я имею в виду боль, – повысил голос от напряжения, – он не двигался потому, что не мог, а не из-за того, что каждое движение приносило ему боль? – заглянул с надеждой в девичьи глаза.

Она перевела взгляд на Назимова.

– А вам что, больно? – Из ее глаз покатались слезы. – Извините. О луна, извините! Я не хотела вас унижить жалостью.

Ну вот, – по-детски хлюпнула носом, – опять я что-то не то говорю.

– Вика, – схватил ее за руки, – да нас тебе сама луна послала.

Хлопнул в ладоши и поспешил набрать номер телефона своего беты.

Девушка не понимала моей веселости, а Назимов так и сидел не шевелясь и хмуро смотрел в одну точку.

– Саш, приведи к нам Ксюшку, только по-тихому и Авенира Павловича, тоже по-тихому и аккуратно, – отдал я указания, стоило только бете взять трубку.

– Игнат, что еще ты хочешь узнать, – выплыл из раздумий Николай, – мы уже столько раз проверяли возможность отравления.

Я ничего не ответил, всего лишь скептически на него посмотрел.

– Да не могли они! – выверился. альфа. – Я еще могу допустить, что Ксюша, хотя это бред. Но Веня не мог ошибиться! Двести лет его знаю, щенком на руках держал! – С каждым словом голос альфы становился громче, и начинали проскальзывать альфа-волны. – Не смей его трогать! Игнат! Не зли меня!

Я лишь усмехнулся и крутанулся на пятках.

– Вот! Вашу Оксаночку не пускают к вам всего-ничего, а вы уже похожи на себя прежнего, – едко усмехнулся, – вот встанете на ноги и будете своим кланом управлять, а пока

здесь главный я. Причем вы же так и захотели.

В руках зазвонил телефон и, возможно, уберег нас с альфой от непоправимых фраз, брошенных в сторону друг друга.

– Игнат тут такое дело... – Голос моего беты в телефонной трубке звучал расстроено.

– Говори, Саш, не ходи вокруг да около, – включил телефон на громкую связь, и присутствующие в комнате затаились. Назимов обратился в слух, а Вика предпочла слиться со стеной.

– Авенира Павловича еще со вчерашнего дня на территории нет. Только ты уехал, он проскочил КПП следом. Сказал, что альфе нужны лекарства, и его пропустили. Наши волки к тому моменты еще не обозначились, и на дежурстве стояли прежние.

– Вот же. Еврей старый. Что с Ксюшей?

– А Оксана дома, судя по запаху, но не открывает, ты же сказал по-тихому, я и не стал долбиться. Ребят оставил присмотреть и тебе докладывать пошел.

Оглянулся на твердолобого Назимова, до сих пор уверенного в своей правоте, на испуганную, жавшуюся к стене Виду, пожевал верхнюю губу и продолжил разговор.

– Саш, жди меня, я сейчас подойду, она там же, где и прежде, живет?

Дождавшись ответа, положил трубку, потер виски. Нужно уходить отсюда быстрее, когда Назимов настаивает на чем-

то, его не переубедишь и против него не попрешь. И может, когда он в таком состоянии, а вся власть в моих руках, самое время решать проблемы именно так, как я считаю нужным.

Картинно приложил ладонь к груди и поклонился.

– Счастливо оставаться, Николай Александрович, как на ноги подниметесь, так и продолжите командовать, а сейчас извините, меня дела клана ждут! – повернулся к девушке. – Вика, если хочешь, оставайся здесь, как устанешь – скажи Оле, она организует тебе провожатого до комнаты. Николай Александрович, вы тоже, если что, обращайтесь к Ольге.

И, резко крутанувшись, вышел вон из комнаты. Идя по коридору второго этажа, испытал сумасшедшее желание все бросить и зарулить в свою комнату, в которой сейчас была Яна. Моя сладкая и очень злая кошка.

Но, трезво поразмыслив, решил, что сначала надо закончить все первоочередные дела и только потом поговорить с ней. обстоятельно обо всем поговорить. Отключить ненадолго телефоны, чтобы не отвлекали. И уже после того как мы придем к взаимопониманию, представить ее клану. И дату свадьбы назначить не мешало бы.

Александр ждал меня у дома Ксюшки. Симпатичная молодая волчица, моя ровесница, была врачом, но при Назимове скорее выполняла функции сиделки и медсестры. Она была школьной подругой Лексы и давно вхожа в дом альфы, поэтому он и испытывал к ней безграничное доверие. Кроме того, она рано потеряла родных, и именно Николай с Та-

тьяной всячески ее опекали. Мы с ней даже встречались где-то с полгода, когда нам было по восемнадцать. Пожалуй, это были мои самые долгие отношения, о которых я временами забывал.

– Так и не открывает? – поинтересовался и, набрав ее номер, попытался дозвониться.

Мелодию было прекрасно слышно даже нам, стоящим рядом с домом. Она продолжала играть, а рядом с ухом противно пищали гудки, к телефону так никто и не подошел. Да уж! По-тихому и правда не получится.

– Вскрывают или ломайте к чертям собачьим эту дверь, все равно спугнули уже всех, кого могли, а что происходит, выяснить все-таки нужно.

В доме Ксении было тихо и темно. Переступая порог, я подсознательно ожидал чего-то плохого, но не успел подготовиться. Она лежала в своей кровати полубоком, прижав одно колено к животу, и руками обнимала подушку. Длинные пепельные волосы были заплетены в косу, достававшую до попы и лежавшую поверх сбившегося покрывала. Ксюша всегда заплетала волосы перед сном, каждый день своей жизни. Можно было подумать, что она спит, настолько безмятежной была представшая передо мной картина. Но девушка не дышала, ее спина не поднималась при вдохе и выдохе. Я приложил пальцы к венке на ее шее на всякий случай, чтобы убедиться в своей догадке. Та не пульсировала.

– Звони Трофимову, пусть отправит ребят.

– Игнат, тут такое дело, – замялся стоящий на пороге Александр, – но у нас нет ни одного судмедэксперта, который присягнул тебе.

– К черту! Плевать, кому он присягнул, Саша, просто приведи мне сюда парней, знающих свое дело! Пусть землю роют, но выясняют, что с ней случилось! – Присел на колени возле кровати и провел рукой по щеке. Куда же ты полезла? Прикрыл глаза, восстановил самообладание и спокойно сказал Саше: – Творится не пойми что, кто-то уезжает без разрешения, кто-то не приезжает, когда надо, кто-то, бля, наоборот, тут как тут, когда ему здесь вообще лучше не появляться.

Поднялся и направился вон из этого места, с этой комнатой у меня было связано много воспоминаний, по большей части приятных, не хотелось сегодняшним днем их портить.

– Ты про Ваню?

– А что Ваню? – насторожился и замер у двери, так и не повернувшись в сторону своего беты.

– Я думал, ты знаешь. Он приехал вчера или позавчера. В общем, не успел попасть на территорию до закрытия, и теперь Майя бушует, что ей не дают увидеться с сыном.

– Знаешь, а ведь они какое-то время были вместе, – глянул на девушку, лежавшую на кровати. Нерадостная выходила картина.

– Ты думаешь? Но сегодня его здесь не было.

– Зато на территории была его мать, а от нее, сам знаешь,

можно чего угодно ожидать, – растер по-прежнему ноющие виски. – Саш, давай пока без выводов, но Майю отпусти, заодно по-тихому проследи за ней и приставь к Ваню кого-нибудь толкового, – заметил мужчина, топтавшихся в коридоре. – Вот давай к нему Зимовских.

Близнецы, услышавшие меня, улыбнулись, правда, улыбка их больше походила на оскал. Они терпеть не могли Ваню Алиева, так что со всем пристрастием к делу отнесутся, проследят лучше некуда. И уже на улице я напомнил:

– Не забудь подключить к поискам Авенира все наши ресурсы. Меня до вечера не трогать, а вечером собери всех, буду Яну представлять, – засунул руки в карманы брюк и попытался напрячь мозги. Какая-то важная мысль все время ускользала от меня, недостающий кусочек пазла был где-то рядом, но я не мог его найти.

– И еще, – разгадка была по-прежнему далека от меня настолько же, насколько и мысли моей женщины, но я вспомнил кое-что еще. – Организуй встречающих и машину к аэропорту, когда узнаю номер рейса и время, напишу тебе вместе с остальными координатами. Женщину встречать максимально вежливо и учтиво.

Пнул валявшийся на земле камешек и пошел в сторону дома альфы. Этот дом, как ни странно, так и не стал для меня родным, хотя в нем была моя комната, точнее сказать, целых две комнаты, но я крайне редко там останавливался. Так же лет пятнадцать назад построил ближе к краю терри-

тории одноэтажный небольшой дом, но и там я практически не жил. Он был удобен для уединения, толстые стены и на ближайšie пятьдесят метров ни одной другой постройки. Хорошо бы привести туда Яну и вдоволь насладиться ее криками. Городская квартира тоже не стала для меня домом, хотя чаще всего я жил именно там. Родным для меня по-прежнему оставался дом Янины, в котором жили Денис, Машка, и я пацаном. Если Яна захочет жить на территории, а не в городе, то именно в доме черной волчицы мы и обоснуемся.

Перед тем как зашел в дом, набрал нужный номер. Приятный женский голос ответил сразу после первого гудка.

– Это Игнат Романов.

– А-альфа, – с секундной, почти незаметной заминкой, запнувшись, произнесла волчица.

– Да, Мари, мне нужна твоя помощь, твоя профессиональная помощь. – Посмотрел на голубое небо, и мерно летящие по нему облака. Не хотел же ее дергать и вообще подчинять не хотел, а тут вот как получилось. Выдохнул скопившийся в легких воздух и продолжил: – Приезжай в Москву первым же рейсом, как сможешь. Это не навсегда. Что говорить Васильеву и говорить ли что-то, решай сама. Оставляю это полностью на твое усмотрение.

– Хорошо, Игнат Маркович, у меня сестра учится в Москве, я скажу, что к ней. Так хотя бы объясню срочность, – недолго помолчала, – а потом что-нибудь придумаю.

– Жду сообщение с номером и временем рейса.

Понятливая волчица, главное, талантливая в разных аспектах медицины. Я навел о ней справки сразу же после того, как принял в свой клан, и был приятно удивлен: ей сто сорок лет, из которых шестьдесят она посвятила образованию, само собой в разное время и с перерывами, но изучала она всегда лишь медицину.

Еще раз оглядел безмятежный пейзаж, успокаивая нервы. Впереди меня ждал, пожалуй, один из самых важных разговоров в моей жизни, к которому я был абсолютно не готов.

Глава 18

Яна

Меня разбудил непонятный шум, открыла глаза и увидела Игната. Еще раз закрыла и открыла. Игнат так же стоял передо мной. Хотела проделать нехитрую манипуляцию еще пару раз, но он склонился и принялся целовать мои глаза, не давая их раскрыть.

– Я понимаю, что нам просто необходимо поговорить, но так хочется просто помолчать и полежать рядом с тобой. – Романов тихим, мягким голосом практически промурлыкал эти слова мне на ухо.

Он что это, серьезно?

– Да ты что, издеваешься надо мной? – Попыталась встать, но куда уж там, куда мне, такой маленькой, против этого всемогущего волка.

Игнат чмокнул меня в уголок губ, подбородок, оставил пару скользких поцелуев на шее и приподнялся.

– Ну попытка не пытка, так что попробовать все же стоило.

Как ни в чем не бывало волк поднялся с кровати и подошел к стоявшему неподалеку столику, разлил по чашкам чай. Когда я засыпала, этот стол был пуст, а теперь на нем помимо чайника стояли тарелки с чем-то вкусным, судя по

аппетитному запаху, и большая чаша со сладостями. Живот издал громкий звук, сообщавший о том, как я голодна.

Романов улыбнулся, но никак не прокомментировал услышанное, а у меня всерьез начинало складываться ощущение, что он надо мной издевается. Радовало только одно: он все же понимал всю необходимость разговора.

Только вот я очень сильно сомневалась, что это как-то поправит ситуацию.

Присела напротив Игната и глазам не поверила, мой нюх меня не обманул: в тарелках была жареная картошечка со свининкой и белыми грибами, посыпанная зеленью. Боже! Мне уже вкусно, просто смотреть на нее вкусно.

Игнат кивнул и принялся есть, в его тарелке было то же самое. Эти оборотни рушили любые мои представления на корню. Он ест жареную картошку на обед. Ладно, с отсутствием сырого мяса в их рационе я свыклась, но как же так? Здоровый мужчина на обед без первого и без салата?

– Не бойся, ешь, – неправильно поняв мои сомнения, поторопил меня Игнат, – Тетя Зина, местный повар, готовит самую лучшую картошку, которую я только ел.

Глядя на то, с каким аппетитом он опустошал свою тарелку, сомнений не оставалось: это и правда вкусно.

– Сегодня вечером будет твое представление клану, – будничным тоном произнес альфа и загубил на корню приятную атмосферу, которая только начала зарождаться.

Мне нравилось смотреть, как он ест, мне нравилось быть с

ним рядом в этот момент, и единственное, что меня бесило, это то, что ест он еду какой-то тети Зины, а не мою. Что же со мной происходит? Почему я думаю об этом?

– Мне нужно будет склонить голову перед моим новым альфой? – ехидно уточнила, покрутив вилку, и с особой страстью проткнула ей кусочек мяса.

– Что ты!

Игнат делано возмутился и закинул в рот маленькую помидорку, надо же, я и не заметила овощи. «Салат», стало быть, на столе имелся! Все это я отмечала на краю сознания, пока наблюдала за тем, как тщательно Игнат пережевывал помидор.

– Твой альфа лежит в кровати на другом конце коридора, так что склонять голову ни перед кем не надо, но, – жестко посмотрел мне в глаза, – Васильев больше тебе не альфа, запомни это! Я не жду от тебя подчинения, поэтому на место твоего вожака не претендую, тем более ты до сих пор человек, и не особо-то все это ощущаешь. Но я твой будущий муж и хотел бы, чтобы все твои поступки в первую очередь были благоразумными.

– Будущий муж? – уточнила и наконец-то положила кусочек свинины в рот. Вкусно. – Когда это мы с тобой это решили? Напомни... может, я о чем-то забыла?

– Чего ты хочешь? – Он положил столовые приборы и начал растирать пальцами виски. – Предложение руки и сердца? Кольцо с бриллиантом? И я непременно должен встать

на одно колено?

– Не утрируй.

Я начинала терять нить разговора, смотрела на его пальцы, массиравшие круговыми движениями кожу на голове, и думала, о том, что у него болит голова. Еще я размышляла, поможет ли ему избавиться от этих болей массаж, который я могу сделать. И совсем перестала думать о предмете нашего обсуждения.

Муж?..

Хорошо.

В конце концов, он отец моего будущего ребенка, и я вполне выживу без кольца и всяческих соплей на одном колене. В особенности лживых соплей. Мне не нужны были от него ненастоящие чувства и фальшивые признания. Я хотела его настоящего, с тем, что он испытывает внутри, плохое или хорошее. Я хотела от него только правду.

– Ладно, – мой голос был холоден и спокоен, и Игнат этому сильно удивился, – допустим, мы распишемся без лишней мишуры. И что дальше? Я не про клан и ваши волчьи разборки. Я про отношения между нами. Станем образцово-показательной ячейкой общества? Или как?

– Тебе разве плохо со мной? – Он откинулся на спинку кресла и положил руки на широко разведенные колени. Это он мне так свою открытость, что ли, демонстрировал?

– Это не ответ, Игнат.

– А какого ответа ты хочешь?

– Правдивого! И прекрати юлить, не ты ли, наконец, решил со мной поговорить? Я пытаюсь понять, что меня ждет. Пока это самые насущные вопросы. Потом тебе придется и о другом рассказать.

Игнат уперся локтями о колени и, подперев, ладонями голову, наклонившись ближе ко мне, принялся прожигать меня своими невозможно черными глазами.

– Хорошо, неправильно сформулировал. Не какой ответ ты хочешь, а какое будущее? Каких отношений ждешь сама?

– Вот опять! – не удержалась я и выкрикнула. – Ты не разговариваешь со мной. Ты только и делаешь, что задаешь вопросы, либо отвечаешь вопросами на вопрос. Как самый настоящий еврей.

Схватила конфетку из чашки и быстро ее разжевала, нельзя нервничать, нужно успокоиться. И попробовать еще раз.

– Игнат, для меня замужество – это важный шаг, – начала, четко проговаривая слова, – и я должна понимать, чего мне ожидать от тебя и нашего будущего. Если тебе так трудно объясниться, то могу тебе накидать вопросы по пунктикам.

– А давай.

– Первое, – начала загибать пальцы, – наш брак будет настоящим или фиктивным?

Игнат заулыбался.

– Что не так я спросила?

– Настоящим, кошка моя. Дикая, – ухмыльнулся. Да какая я ему кошка? А он продолжил скалиться и говорить обво-

рожительным голосом. – При нашем взаимном притяжении только настоящим, Яна, и никак иначе.

– Хорошо. Дети? Ты сегодня упоминал наследников, – старалась по максимуму держать лицо и не показать, насколько важна для меня эта тема. – Тебе нужен ребенок лишь потому, что он будет наследником Назимова, или потому, что ты просто хочешь своего ребенка?

– Яна, ты знаешь, как редко у нас рождаются дети? – Я лишь кивнула, и он слегка растерянно продолжил. – И все равно спрашиваешь? Какое же я и правда произвожу впечатление. – Он разжал мою ладонь, которой я судорожно сжимала вилку, и, взяв ее в свои руки продолжил, время от времени поглаживая большим пальцем: – Мне почти пятьдесят, да, для волков это не возраст, но я хочу детей, и мне, по большому счету все равно, будут они чьими-то наследниками или нет. Вот от какой волчицы – это уже другой разговор. Дети должны быть сильными, а ты сильная. Когда обратишься, возможно, даже сможешь альфа-волнами управлять.

– А если я не обращусь?

– Я уверен в обратном! И что сейчас об этом говорить? Пока не обратишься – никаких детей. Это опасно, и ты можешь не выжить.

– Или боишься, что слабаки получатся? – Не могла не уколоть, просто стало так обидно. То есть он не хочет нашего малыша? В смысле, хочет, но не сейчас?

– Яна, черные волки могут чувствовать потенциал и воз-

возможности, одна из особенностей, знаешь ли. Так вот поверь мне, потенциал у тебя громадный. И дети от тебя гарантированно будут сильными даже сейчас. Только вот ты сама мне живая нужна.

Сглотнула образовавшийся липкий ком в горле и, вырвав руку из его, принялась поглощать содержимое тарелки.

– Твой блиц-опрос кончился?

– Не-е-ет, расскажи, почему моя мама не Марина, а Мария... и почему отец об этом не знал, в общем, пожалуйста, в мельчайших деталях, что же случилось... – Я протянула руку к лежащему на тарелке с овощами кусочку перчика, медленно его пережевала и, подначивая Игната, добавила: – Если ты сам об этом знаешь, конечно же.

И он знал. Знал намного больше моего отца, но опять же далеко не все. Мария тогда училась в институте и жила постоянно в Москве, поэтому и контроля за ней было меньше, самого Игната в городе не было, он как раз в конце девяностых исполнял обязанности вожака кубанского клана.

Мария приезжала на территорию поселения редко и ненадолго, потому и о беременности в свое время никто не узнал, и пропажу вовремя не заметили.

В день ее исчезновения умерла Янина, бабушка Маши, точнее, ее убили, только узнали об этом недавно. Кстати, скорее всего, в честь ее меня и назвали. Мария стала свидетелем убийства и сбежала. А буквально через пару дней не справился с управлением машины младший сын Назимова Ни-

кита и разбился, в машине с ним были годовалые близнецы и жена Майя.

– Подожди, – перебила я Игната, – получается, они выжили? Ты сказал Майя, я видела ее сегодня в коридоре, и она как раз называла Назимова своим свекром. Или это была другая женщина?

– Нет, Майя та самая, неприятная особа, даже авария ей нипочем. – Игнат как-то неприятно улыбнулся и, отхлебнув из чашки уже порядком остывший чай, заметил: – Все погибли, даже малыши, а она выжила и живет припеваючи, до сих пор пользуется благами близкого родства с альфой, хотя, по сути, ему никто. И права не имеет на что-то претендовать. У нее есть старший сын не от Никиты, Ваню Алиев, вот она его и пытается здесь пристроить у власти.

– Имя такое интересное...

– Он относится к грузинской стае, его родной отец жив и занимает не последнее место у руля. А Майе все неймется, она, кстати, тоже родом оттуда, но бывший муж ей дорогу туда закрыл, после того как она с Никитой сбежала, вот и терпим ее до сих пор.

– А по ней и не скажешь, я про внешность, – уточнила я, – да и имя обычное.

– А что ты хочешь? – развел руками. – Все мы братские народы, и на ее родине имя у нее немного по-другому звучит. Ян, тебе и правда интересно именно это?

– Просто она очень запоминающаяся личность.

– Она очень злая личность, от которой лучше держаться подальше, целее будешь.

Как нерадивому ребенку отдал указание и принялся рассказывать дальше, только вот история была безрадостной.

Мама поехала на поезде в клан отца, волки редко пользуются этим видом транспорта, так что у нее был шанс. Но Татьяна, жена Николая, узнала, что Яна подслушала их разговор и видела само убийство, начала ее искать в тот же день. Заплатила наемнику деньги за устранение, но тот, поняв, что Мария беременна, не решился ее убить, предупредить об опасности тоже не успел. У нее начались преждевременные роды, и ее сняли с поезда. Не доехав всего ничего до Новосибирска, она умерла при родах.

– Только я до сих пор понять не могу, откуда такая путаница с документами, – спросил он словно сам у себя, – и почему ты Яна, – пристально посмотрел на меня. – Маша мечтала назвать свою дочь в честь бабушки, само собой, если у нее будет дочь, сына же в честь отца. И раз тебя так зовут, значит, она не сразу умерла? Или оставила какую-то запись? Или что? Я не нашел ни единого ответа на эти вопросы.

Я залпом выпила холодный чай, он к тому же был без сахара, брр. Столько информации, бразильско-мексиканский сериал, ей-богу. Побег, убийства, катастрофы, близнецы, теперь вот, видимо, кто-то медленно травил Назимова. Только амнезии не хватало, честное слово. Тяжело, очень тяжело поверить, что это все реально.

– Да уж, как все сложно, – подвела я итог.

Поднялась с кресла и успела отвернуться, когда меня не окликнул Игнат.

– Яна, я не хочу, чтобы ты думала, будто я прикрываюсь тобой. – Болезненная тема, я так и замерла, стоя к нему спиной и слушая.

– Я в любом случае, – продолжил он, – буду альфой, когда Назимова не станет, но с тобой это будет не такой психологически трудный процесс для волков клана. Я не боюсь угрозы со стороны, я не хочу раскола внутри. – Он подошел ко мне и положил большие ладони на мои плечи. – Именно поэтому Назимов желал моей свадьбы с своей дочерью. Лекса – не прошедшая оборот полукровка, но я не женился бы на ней никогда, не из-за этого, а потому, что не могу ее терпеть как женщину. Рано или поздно придушил бы. – Его пальцы пришли в движение и тихонько поглаживали кожу. – Я говорю тебе это не просто так, я хочу, чтобы ты понимала: того, что ты родственница Назимова и в перспективе сильная волчица, недостаточно. Я увидел в тебе нечто большее, сам не знаю что, но просто в один момент понял, что смогу жить в согласии с тобой, что с удовольствием буду возвращаться в твою постель и дом, где меня ждешь ты, и я безумно хочу наших общих щенков. После твоего оборота, само собой. Поэтому, Ян, – громко вздохнул, я даже спиной почувствовала движение его груди, – я не знаю, что еще тебе сказать, не умею красиво говорить и не вижу в этом необхо-

димости, если честно, но хочу, чтобы ты доверилась мне и поверила, что нас ждет хорошее будущее, надо лишь приложить немного усилий.

Боже, была бы я еще наивнее, чем есть на самом деле, то поверила бы, что он меня любит. Что-то большее, бла-бла-бла. Почувствовала во рту соленую влагу и поняла, что реву в три ручья.

Вырвалась и убежала в ванную комнату, полностью раздевшись, залезла в душевую кабину, как нельзя кстати оказавшейся еще и джакузи. Села, прижав к груди колени, и принялась ждать заполнения ванны водой. Надо полежать, расслабиться. И попробовать отпустить терзающую меня мысль, пожалуй, самую главную: Игнат мог не разрешить мне рожать сейчас. Мама, бабушка – все они умерли родами, только прабабка Янина долго жила, но на то она и была сильной волчицей.

Прикусила зубами свой кулон и, царапая о него язык, возвращала самообладание. Со мной все будет хорошо! Игнат сказал же, что я уже сейчас сильная! Значит, все будет хорошо!

Блин! Курица! Реву тут над своим горем и совсем забыла, что нельзя мыться в такой горячей воде, спешно прибавила холодный поток и, распрямив тело, легла. Воды было к тому моменту достаточно. Совсем сумасшедшая, чуть не навредила ребенку. Приложила руку к животу, расставляя приоритеты, и прошептала:

– Все хорошо, малыш, мама выйдет замуж за папу, и он нас защитит. Будет у нас большая и крепкая семья. Все хорошо.

Последнюю фразу повторяла из раза в раз, как мантру, не знаю, кого в первую очередь я успокаивала, себя или ребенка внутри, но польза от этого появилась: я наконец-то расслабилась.

Посвятив целый час отмоканию, решила пошарить в шкафчиках и на разнообразных полочках, так... с целью просвещения. И не зря – поняла, что шустрый бета Романова поселил меня не куда-нибудь, а именно в комнату Игната. Халат на несколько размеров больше меня, в который я завернулась, также подтверждал тот факт, что комната была мужской. Взявшись за дверную ручку, услышала обрывок разговора и, только разобрав, о чем он, смело вышла в комнату.

– Хочешь, приезжай, тебя примут тут как гостя.

Романов расслабленно лежал на кровати и смотрел в потолок. По телефону разговаривал неспешно, с ленцой, показывая, что ему глубоко фиолетово на происходящее. Собеседник же его, судя по всему, был на взводе. Еще бы, жена пропала прямо из дома.

Я усмехнулась и села на кровать рядом с Игнатом. Халат распахнулся, оголяя бедро, и Романов, не упустив момент, воспользовался возможностью, положил руку мне на ногу и принялся ее поглаживать, время от времени подбираясь все

ближе к трусикам.

– Твою жену силой никто не увозил. Еще раз повторяю тебе. Претензии предъявляй Васильеву, девочка выразила мнение, что хочет сменить альфу, так как прежний не в состоянии защитить ее интересы.

Я приложила ладонь ко рту и, выпучив глаза, тихо шептала:

– Врун.

– Да какой я тебе альфа, ее пустили к Назимову, все утро провела со стариком. Так что можешь быть уверен, он теперь ее в обиду не даст. Хочешь приехать – пожалуйста, только вот увидеться с ней сможешь, если она так пожелает. А вообще, послушай моего совета, она твоя пара и в итоге никуда от тебя не денется, дай девочке время. Да и сам успокойся и свои инстинкты угомони. Я вас вместе видел один-единственный раз и то понял, что она на саму себя не похожа, когда ты рядом. А ваш альфа даже не заметил этого. Поэтому все свои претензии в виде вызова, пожалуйста, если решитесь. – Из трубки послышалась отменная ругань. – Эй-эй, тише будь, не разрешу тебе посетить нашу территорию, и что делать будешь? Правильно! Успокойся и подумай! Будешь себя хорошо вести – пригласим тебя к нам в клан одним из бет. – Я резко сжала ноги, и Игнат, прикрыв глаза, добавил: – Где-нибудь через полгода.

Нажал на отбой и, засунув телефон под подушку, продолжал спокойно лежать еще пару минут, а потом одним стре-

мительным рывком поднялся, схватил меня и опрокинул на кровать.

– Попалась? – довольно пробасил, перебирая мои мокрые пряди.

Я очертила пальцами ворот его рубашки, а он приподнял голову, давая доступ к своей шее, словно ластящийся кот. Еще меня кошкой называет. Если бы не видела его в виде волка, подумала бы, что он самая настоящая пантера.

– Ты вкусно пахнешь, – призналась я ему, – соединяешь в себе запах костра и чего-то еще.

– М-м-м... надо же, ты чуешь запах моего волка, жаль, что у тебя пока нет особенного запаха, – прошептал он и уткнулся носом в мою шею.

А мне стало опять как-то грустно, и запаха у меня своего нет. Только вот пахнуть для друг друга – это же далеко не все.

– Что с Викой?

– А что с ней? – недовольно пробормотал он, не отрываясь от процесса моего обнюхивания.

– Она хочет стать поваром, профессиональным, а я очень хочу, чтобы она выучилась, здесь или за границей, и обрела себя.

– Значит, пойдет учиться, если на повара, то и правда лучше за границу, да и Задорожный знать не будет, где она. Возможно, это выход. И вообще, не переводи тему, – приподнялся на локтях, глядя в глаза своими невозможно черными

и прошептал: – Я хочу тебя.

После чего наклонился к моими губам и начал неспешно их целовать, поочередно посасывая то верхнюю, то нижнюю. Я запустила руки в его волосы, сигнализируя о том, что сдаюсь, что еще чуть-чуть – и буду в его полной власти.

Но в тот момент, когда его руки, путешествовавшие до этого под моим халатом, пробрались под резинку трусиков и очертили внутреннюю сторону бедра, зазвонил его телефон. Который раз нам это мешало? Который раз я надеялась, что он проигнорирует вызов, и который уже раз мои желания разбивались в пух и прах?

Игнат взял трубку, перед этим, конечно, с сожалением посмотрев на меня. Но я не прониклась, я, как истинная женщина, обиделась. А узнав, что звонила та самая Мари, ради которой Васильев готов бросить всех, и вовсе разозлилась. Потому усиленно динамила все его последующие попытки к примирению.

С трудом дожидалась вечера, Игнат все время был перед глазами. Распахнул настежь двери в соседнюю комнату, являвшейся, по всей видимости, его кабинетом, и долго сидел за письменным столом, изучая и перебирая ворох бумаг. Причем его стол располагался настолько удобно, что Игнат видел любое мое движение, будь я на кровати, кушетке или креслах. Само собой, встань я у стены, он бы меня не увидел, но и стоять так долго было неохота. Вот и приходилось терпеть его внимательный взгляд, бросаемый на меня время от

времени. И самой одергивать себя, замечая, что уже чересчур долго на него пялюсь.

Церемония представления клану или как там это все называется в корне отличалось, от того что было в сибирском клане.

Мы самыми первыми пришли на большую территорию. По ухоженности земли было заметно, что это площадь, но она была не заасфальтирована. Единственным сооружением был невысокий, всего сантиметров сорок, но достаточно обширный своей протяженностью постамент в виде полумесяца. Освещалась эта территория маленькими круглыми хлопковыми фонариками, висевшими на деревьях. И когда начали приходить волки, я не испытала дискомфорта, напротив, в такой обстановке чувствовала себя одним целым с этими волками.

В этом месте было что-то сказочное, оно дарило единение местным жителям. Игнат говорил, а я рассматривала чистокровных оборотней и обратившихся полукровок, обычных людей и людей, которые так и не обрели своего зверя. Именно сейчас я увидела между ними всеми отличия. Это было волшебно, только весь флер рассеялся, стоило мне услышать о назначенной дате свадьбы.

Да он надо мной издевается!

Решить сам факт без меня – это одно, но назначить дату торжества без моего ведома – это даже не издевательство, это форменное свинство.

Смотрела на этого наглого волка и поверить самой себе не могла, что через два дня стану его женой. Сюрреализм какой-то, честное слово.

После того как Игнат закончил свою речь, я поприветствовала всех жителей поселения. И когда они начали расходиться, не дождавшись Игната, увязалась вслед за Викой, которую с трудом выхватила из толпы.

Чересчур часто за последний месяц я принимала решения на эмоциях, что-то поменялось во мне, вот и сейчас я действовала из вредности. Решила назло Романову пожить эти два дня у Вики, а он пусть свои дела решает, хоть зарешается.

Глава 19

Игнат

Поведение моей будущей жены было уже даже не смешным, каким казалось мне поначалу. В данный момент оно меня серьезно заботило и немало печалило.

Яна не разговаривала со мной два дня. Жила в комнате белой волчицы и обходила меня стороной. В такой ситуации разумнее было бы поставить штампы в паспортах и уведомить клан постфактум. Но угораздило же меня, представляя Яну, сказать о том, что она моя невеста, и пригласить всех желающих на скорую свадьбу. С этого момента что-то и пошло не так, Яна вцепилась в руку своей подруги и просто сбежала от меня, а я так надеялся на приятное продолжение того вечера.

Утренняя прохлада освежала, осень забирала свои права у природы. Листья на деревьях еще зеленели, но очень скоро они пожелтеют, опадут на землю шуршащим под ногами покрывалом. Кто бы мне сказал еще месяц назад, что я сам в такую рань поеду в Москву за букетом невесты, не поверил бы.

Несмотря на то, что выехал в пять утра, все равно на одних лишь заторы движения в сторону города потратил часа полтора, однако обратный путь проехал, ни разу не притор-

МОЗИВ.

На подъезде к воротам увидел припаркованную машину, рядом с которой курила блондинка.

Дочь Назимова была красивой, они были одного типажа с покойной Ксюшей и, кстати, лучшими подругами.

– Что стоишь? – не поздоровавшись, спросил.

– О, Игнатушка! – Она была пьяна. На часах восемь утра, а она уже ходила пошатываясь. – Так не пускают, дорогой, в клане такое событие, я тебя поздравить приехала. От души, – хлопнула себя ладонью в грудь и, вытянув руку, поклонилась в ноги, – так сказать, – выпрямилась и сдула упавшую на лицо прядь.

– Садись давай.

Открыл дверцу машины и похлопал по соседнему сиденью. Лекса обворожительно улыбнулась и поспешила запрыгнуть внутрь. Салон машины наполнился сладким запахом духов вперемешку с таким же сладким запахом вермута. Я не чувствовал от нее перегара, но вот запах мартини просто разъедал мой нос, складывалось ощущение, что она в нем испулась или просто вылила пару бутылок на себя сверху. Сама же Лекса вмиг протрезвела, а ее лицо приобрело задумчивый вид. Видимо, собиралась с мыслями перед началом серьезного разговора, что вообще-то редкость. Я видел ее серьезной за тридцать пять лет знакомства всего пару раз.

Когда мы почти подъехали к шлагбауму, Александра решила.

– Почему, Игнат? Откуда она вообще взялась? – Голос ее был тихим и размеренным, зная ее, я понимал, что ей тяжело дался этот вопрос.

– Увидишь ее и сразу поймешь, откуда она взялась, как ты говоришь.

Заехал на территорию и, резко выкрутив руль в сторону, повернул.

Лекса жила ближе остальных к ограде и дальше от леса. В клане было много не обернувшихся полукровок и обычных людей, которые стали парами волков, но никто из них так не выделял свою человечность, как это делала она.

– А на счет почему... О чем именно ты спрашиваешь? И подумай сначала хорошенько, нужен ли тебе этот ответ.

Не глуша мотора, я остановил машину у ее дома и наконец-то пристально на нее посмотрел. Она выглядела устало, но по-прежнему эффектно и все так же молодо, а ведь она старела быстрее, чем я. Лекса хмыкнула, собрала руками волосы, скрутила их за спиной и просунула под куртку.

– Знаешь, Игнат, я всю жизнь была уверена, что ты станешь моим мужем. Сначала ждала обращения, представляла, что ты учуешь во мне пару и забудешь про Ксюшку про Машку. Потом... – Она грустно усмехнулась. – Не стало Машки, Ксюха перестала тебя интересоваться, а я по-прежнему осталась не у дел. Надеялась, что хотя бы ради статуса ты будешь со мной, но... не угадала, – прищипнула и продолжила, – а знаешь, ты прав, мне не нужно знать. Почему не я, ты

не скажешь. А почему именно она, мне не интересно. Но я приду, – отправила воздушный поцелуй и вышла из машины, кинув перед этим печальный взгляд на букет невесты, лежавший на заднем сидении автомобиля.

Не успел проехать и десяти метров, как зазвонил телефон. Надо же, на дисплее светилась фотография альфы, одна из немногих, сделать которую он согласился.

– Игнат, мигом ко мне в кабинет, новости есть, – начал он разговор без предисловий, стоило мне только принять вызов.

– Понял, пять минут – и я у вас.

Нарушив дорожные правила нашего поселка, нами же и установленные, еле успел доехать. Нетерпение снесло меня изнутри, если альфа позвонил сам, значит, было что-то важное. И то, что он позвал в свой кабинет, а не спальню, говорило о многом.

Назимов, прикрыв глаза, расслабленно сидел в кресле, стоявшем поодаль. Он был одет с иголки в бежевый деловой костюм, под которым виднелись рубашка и ослабленный узел галстука. Законное место альфы за его письменным столом занимала Мари. Волчица уткнулась в экран ноутбука и совсем не обращала внимания на окружающую ее обстановку.

Я кашлянул в кулак, пытаюсь привлечь к себе взор альфы. Назимов с неохотой открыл глаза и заглянул прямоком в мои, давно он этого не делал, был слишком слаб... берег силы. А сегодня он силы не жалел, стало понятно, что ему

полегчало. Не знаю, что хотел или желал увидеть в моих глазах, но он опять зажмурился и начал говорить:

– Ты оказался прав, меня действительно травили. – Раздражение во мне набирало обороты, одно дело догадываться и совершенно другое знать наверняка. – Медленно, планомерно, раз за разом подсовывая яд в чистом виде. – Он говорил спокойно, ни один мускул на его лице не напряглся. – Таблетки, которые мне давала Ксюша по рекомендации Авенира.

– Но вы же еще вчера получили результаты анализа всех медикаментов, – непонимающе спросил и повернул голову в сторону Мари, пальцы которой с волшебной скоростью плясали по клавиатуре.

– Не отвлекаяй девочку, она почти вышла на поставщика, – махнул рукой Назимов. Он успел открыть глаза, выпрямиться в кресле и странно смотрел на меня. – Эти таблетки, точнее, целый запас этой гадости, нашли в доме Ксюши. Ими же ее и отравили, кстати, сомневаюсь, что она сделала это сама. Я опознал и упаковку, и сами капсулы, – опередил он мой вопрос, – Мария получила результаты еще ночью и утром поставила мне капельницу, выводящую из крови тот препарат, конечно же, не весь. Нам потребуется еще недели две, чтобы я полностью избавился от этой дряни и крепко встал на ноги, но уже сейчас заметен прогресс.

Я был рад, думаю, альфа это прекрасно понимал, но все же его взгляд был цепким и не давал мне покоя. От плохого

предчувствия у меня побежали противные мурашки. Нет, я его не боялся ни на грамм, просто опасался всего того, чего не понимал.

– Что еще? – Альфа приподнял бровь, продолжая молчать. – Вы и так прекрасно знаете, что я чертовски рад, вашему почти воскрешению и отмене путешествия на тот свет. Но что вы не договариваете? Что не так?

– Я думаю, свадьбу лучше отменить.

– Что?! Нет! Даже не думайте об этом!

Сдерживать эмоции становилось все труднее, а Назимов продолжал молчать и смотрел на меня теперь уже изучающе.

– В конце концов, я что, зря ездил в такую рань за букетом?!

– Ты сейчас похож на мальчишку, – улыбнулся он, и я наконец-то расслабился, – мальчишку, у которого хотят отобрать конфетку.

А ведь он прав, вел я себя как сопливый переярок. Не знал, чего хочу, хотя нет, чего хочу, знал. Не знал я, зачем этого хочу и как всех остальных убедить, что это мне нужно.

Дурдом какой-то. Яна будила во мне странные, непонятные доселе желания. Только сейчас я понимал, насколько глупо было везти ее сюда и подставлять под удар, когда все решилось без нее. Но отступить сейчас? Нет. Волк внутри меня довольно оскалился, у него уже вагон планов на нашу девочку накопился, так что даже и мысли не было переигрывать ситуацию. Сглотнул внезапно образовавшийся комок в

горле и севшим голосом прохрипел:

– Яне ничего не говорите! На торжестве скажете, что вам чуть-чуть полегчало.

– Продолжаешь командовать, Игнат, не боишься? – улыбнулся Назимов.

Его фраза была от и до пропитана отеческой заботой. Да он же меня проверял! Старый хитрый волк! От того сейчас и довольный такой.

– Я смотрю, вы уже и оделись, как к свадьбе полагается....

Николай тихонечко засмеялся, а я, склонив голову, направился на выход. Нужно было забрать букет из машины, мне хоть и сказали, что он уже с водой и не завянет, но не держать же его в душном автомобиле. Да и вообще времени оставалось всего ничего. Яну взяли в оборот стилисты еще два часа назад, а я до сих пор так и не одет.

Увидев свою кошку, я понял, что не зря это задумал, оно того стоило. Безумно красивая! В белом платье, не слишком пышном, с удлинненным шлейфом и плотно обтягивавшем талию, оно притягивало внимание к выглядывавшим из него полушариям аппетитной груди.

Ее и без того длинные волосы стали будто еще длиннее и гуще, они накрученными локонами спускались по плечам ниже поясницы. На ней не было фаты, и лишь массивная бриллиантовая заколка ярко сверкала в черных волосах.

Меня заставили явиться к ней в комнату с букетом. Слава луне, не пришлось проходить всякие выкупы.

Но сейчас я смотрел на свою женщину и не решался сделать двух шагов, разделяющих нас, чтобы отдать букет.

Кожа покрывалась мурашками, а сердце заходило в бешеном темпе, мне становилось страшно. Страшно, что Яна исчезнет, что она всего лишь мираж или игра моего больного воображения. Она была так сильно похожа на Машу и в то же время абсолютно другой. Машу я любил настолько, на сколько брат может любить свою сестру. Но вот Яну, несмотря на стопроцентное внешнее сходство, я желал как женщину. Дико, неудержимо, до онемения в ладонях при мысли о прикосновении к ее бархатной коже. До рези в глазах, когда смотрел на ее роскошные формы. Я понимал, насколько неправильно мое поведение, но изменить уже ничего не мог. Я бредил этой женщиной.

Может, это и есть та самая любовь, о которой так много говорят? Только сейчас, глядя в ее светло-зеленые, почти бирюзовые глаза, я понимал, что ни черта это не любовь, это что-то другое, более мерзкое, гадкое и жадное. Я не желал ей счастья, не думал о ее благополучии, как бы скверно это ни звучало, просто хотел сделать ее своей, хотел, чтобы она нуждалась во мне и ни единого вздоха в мое отсутствие сделать не могла.

Именно в этот момент я это понял как никогда четко, с кристальной ясностью. Потому и поставил ее под удар! Я просто воспользовался подходящим моментом и наконец-то разрешил самому себе присвоить ее.

От осмысливания того бардака, что творился в голове, меня оторвал недовольный голос невесты.

– Вика, – обратилась она к рядом стоящей подруге, – а так и должно быть? Жених всегда стоит истуканом?

И правда? Чего это я мнусь на пороге? Приблизился к Яне, вдохнул ее аромат и, крепко схватив за руку, повел на выход.

Брачная церемония проходила под открытым небом, выездная регистрация, как это принято называть. Служащую ЗАГСa мы отправили восвояси, стоило ей только закончить свою речь и выдать нам свидетельство о браке.

Она была здесь единственным посторонним человеком. Почему случилось так, что ни в одном из московских ЗАГСов не было ни одного «нашего» человека, удивлялся до сих пор. Отдал распоряжение в ближайшее время разобраться и изменить ситуацию. Ну а пока... стоило только женщине покинуть территорию, как все расслабились и торжество пошло своим чередом.

Громкие речи и поздравления лились рекой. За такой короткий период успели приехать многие беты центрального клана. Из сибирского к нам пожаловал лишь Олег, Игорю и Максиму я тактично намекнул, что буду им не рад.

Мы с Яной сидели за отдельным столом, свидетелей у нас не было, и моей девочке не с кем было общаться, кроме меня, само собой. И я пользовался ситуацией по максимуму, ухаживал за ней, накладывал в тарелку разные закуски, са-

латы и горячие блюда, от шампанского она отказалась, а я не стал настаивать.

– Ты не любишь шампанское? Может, что-то другое?

Яна, нахмурившись, посмотрела на меня, на ее лице было написано, что она раздумывает, отвечать мне или нет, ведь тем самым ей придется положить конец объявленному бойкоту и все же со мной заговорить.

– Нет, спасибо, – сдалась она, – ягодный морс настолько вкусный, что не хочется чего-то другого.

– То есть это не жизненная позиция против алкоголя или что-то вроде того? Ты ведь пила со мной пиво.

– Н-нет.

– Ну и прекрасно, а то вечером нам будут подавать свадебный настой, и его нужно обязательно выпить.

– Он сильно крепкий? – нахмурив брови, спросила она.

– Да не особо, наоборот, считается очень полезным.

Яна кивнула и отвернулась, разглядывать гостей ей было интереснее, чем вести беседу со мной. От осознания этого неприятно засвербило внутри, я скучал по ней все это время, а она сказала мне пару ничего не значащих фраз и будто подвиг совершила.

Спустя два часа начались танцы, и нас, само собой, пригласили первыми.

Крепко прижал к себе Яну за тонкую талию и повел в медленном танце, уже начиная потихоньку закипать от ее непробиваемости. Потом она подняла свой взгляд, и все... мыс-

ли вышибло! Мы с ней опять попали в эту ловушку, когда невозможно вырваться, когда чужие глаза проникают в самую твою суть, происходящее кругом становится неважным, есть только этот миг, когда мы рядом не только физически, но и душевно.

Когда песня закончилась, а за ней последовала более быстрая, я не отпустил Яну, и она, как ни странно, не стала сопротивляться моему напору, просто отдалась в полную власть музыки и безмятежно двигалась в моих объятиях. Мы по-прежнему молчали и продолжали обмениваться поглощавшими душу взглядами.

Не знаю, как долго могло продолжаться это волшебство, но к нам подошел Ребров и практически вырвал Яну из моих рук. Может, оно и к лучшему?! Я нуждался в передышке, слишком много странных, сменявших друг друга с бешеной скоростью мыслей посещало голову.

Внезапно гул голосов стих, и стала слышна лишь музыка, я огляделся и увидел Назимова, спешившего к микрофону. Спешил он, конечно, настолько, насколько позволяло его состояние, которое было не так стабильно, как он пытался мне продемонстрировать сегодня утром.

Речь Николая сквозила пафосом, казалась мне написанной и заранее отрепетированной, лишь та часть, в которой он рассказывал о неожиданном появлении Яны в своей жизни, была похожа на проявление искренних и настоящих эмоций.

Отыскал глазами в толпе свою малышку. Она стояла, при-

ложив руки к груди, а спиной опиралась на отца. По трогательному выражению лица было видно, что девочка расчувствовалась.

Назимов передал микрофон подоспевшей к нему ведущей, а Яна, подхватив белые кружевные юбки, устремилась ему навстречу, обняла, поцеловала в щеку и начала запальчиво что-то шептать на ухо. Старик же улыбался и выглядел очень собой довольным.

Гости продолжали развлекаться и веселиться, только теперь еще сильнее и громче, чем прежде.

Время к ночи шло незаметно. Нас с Яной заставили поучаствовать в парочке конкурсов, правила которых в сложившейся непринужденной обстановке помогли нам расслабиться и так же, как и окружающим, начать получать удовольствие от происходящего.

После очередного такого конкурса, в котором я участвовал один, упустил жену из вида. А когда нашел, глазам своим не поверил: она сидела за одним столиком с Лексой и, судя по обворожительной улыбке, не сходящей с ее лица, девушки о чем-то мило беседовали.

Я, конечно, посоветовал Лексе самой посмотреть на Яну, но допускать настолько близкое общение было ошибкой с моей стороны. Назимова еще наболтает чего-нибудь. Хуже, если подстроит какую подлость, для ее психически неуравновешенной натуры это раз плюнуть.

Мне оставалось пройти метра три, когда зазвонил теле-

фон. Чертыхнувшись, я направился в сторону искать тихое место.

– Слушаю тебя, Даниил. – Звонил один из братьев Зимовских, а это значит вызов и правда был важным.

– Игнат Маркович, тут такое дело, нам с братом пришлось разделиться и действовать самовольно. А теперь форс-мажор.

– Ближе к сути и поменьше воды.

– Ваню двадцать минут назад встречался с евреем, и когда они разошлись, Максим отправился за доктором, а меня в итоге засекли, и пришлось приложить Алиева.

– Что с ним? – громко крикнул и, тут же спохватившись, поспешно огляделся по сторонам.

– Лежит в отключке. Что с ним станется? Я же не дебил, – возмущенно пробасил оборотень в трубку.

– Хорошо, тогда пакуй его и вези на нашу точку, я сейчас вышлю подкрепление и тебе, и брату.

Вот и найден ответ на вопрос, кто пытался отравить Назимова, хотя, возможно, все не так просто, как кажется.

Глава 20

Игнат

К тому моменту, как я вернулся, Яна уже была одна, спокойно сидела за нашим с ней столиком, попивая морс.

– Готова? – поинтересовался у нее, закидывая виноградинку в рот после того, как подошел.

– К чему?

– Как к чему!?! К церемонии, милая, неужели тебе та же Вика ничего не рассказала? Она должна во всех подробностях все знать.

– Почему же? Рассказала, – пожала она плечами, – но как я поняла, из-за того, что у меня нет второй ипостаси, церемония будет скорее формальной.

Я, не сдержавшись, рассмеялся.

– Она будет всего лишь слегка урезанной, – зажмурился от нахлынувших ощущений. Мой внутренний зверь посылал мне картинки и образы, показывая, каким бы могло быть наше единение с волчицей Яны. – У нас не будет сцепки. Пока, разумеется, – уточнил на всякий случай. – Как только ты переродишься, мы наверстаем упущенное, я тебя уверяю.

Яна слегка передернула плечами и очень тихо сказала:

– У Вики не было церемонии как раз из-за того, что она боится волка Игоря.

– Вот как?! И правда интересные у них отношения. Ладно, – встал, стряхнув с брюк несуществующие пылинки, и протянул руку своей невесте, – пойдём.

Яна сделала глубокий вдох, как будто собралась нырять в омут с головой, и, со свистом выпустив воздух, поднялась.

Церемония единения всегда проходила в центре нашей площади перед постаментом в виде полумесяца. Будущие супруги разувались и становились босиком на сырую землю. Самая старая волчица в клане, которой поручалось вести церемонию, напротив, становилась на невысокий постамент и возвышалась над новобрачными. Она, держа в руках чашу с ритуальным напитком, читала молитву луне на древнем языке оборотней и затем протягивала ее брачующимся.

Мы с Яной стояли, держась за руки, и слушали монотонный голос старухи. В один момент все вокруг затихло, даже звуки природы, казалось бы, затаились, ожидая чего-то.

Женщина на постаменте вытянула руки. Я опустил свободную ладонь в протянутую чашу. Яна повернулась ко мне лицом, и только после этого я расплел наши скрещенные пальцы и провел красной от настоя рукой по лицу своей малышки, пересекая лоб, вдоль аккуратненького носика, по аппетитным губам.

Яна проделала то же самое, не переставая смотреть мне в глаза. Как только ее пальцы коснулись кончика моего подбородка, мы одновременно повернулись и забрали чашу у старухи, мои ладони лежали поверх Яниных так, как и должно

было быть. Сначала Яна выпила два глотка, а потом я принялся допивать сладко-кислую тягучую жидкость.

Мы стояли близко, по-прежнему вместе держа чашу, содержимое которой я опустошал глоток за глотком, при этом не отрывал взгляда от оставившего за собой след красного ручейка, стекшего с уголка ее губ и подбиравшегося в данный момент к груди.

Как только я закончил, мы перевернули чашу вверх дном и, продемонстрировав всем, что она пустая, выпустили ее из рук, отправляя в свободное падение на мягкое покрывало из зеленой травы.

Я опять переплел наши пальцы и притянул Яну для поцелуя. Теперь уже жену по любым законам. Поцелуй в конце обряда не был обязательным, скорее, традиция, которую мы переняли у людей. Но сейчас я был несказанно рад этой традиции. После приторного напитка вкус Яниных губ казался слегка уловимым. Было по-настоящему вкусно ее целовать, посасывать желанные губы и пытаться понять, вкус какого фрукта они мне напоминают.

Буквально заставив себя, я оборвал поцелуй и, поддев пальцами за подбородок, приподнял лицо Яны. Она смотрела на меня слегка растерянно, в глазах плескалось возбуждение, но стоило ей только прийти в себя, как появилось раздражение, она опять была зла, причем не на кого-нибудь, а именно на меня.

Смешная! Улыбнулся тому, как мило это смотрелось, не

смог сдержаться и поцеловал ее в лоб. Приобнял жену за плечи и повел вон с площади подальше от шумного праздника.

– Куда мы идем? – лишь спустя десять минут поинтересовалась моя жена, при этом крутя головой в разные стороны и осматривая строения, встречавшиеся на нашем пути все реже и реже.

– Ко мне домой, там сейчас тихо и нет никого поблизости.

– Я думала, ты живешь в особняке.

– И там тоже, и в городе. Кстати, не мог спросить у тебя раньше, ведь ты все это время от меня бегала.

– Чушь, – фыркнула Яна, отмахнувшись.

– Может, еще скажешь, что не объявила мне бойкот и не ушла жить в комнату своей подруги?

– Это не одно и то же, – с такой заушной интонацией это сказала, что ей оставалось только задрать кончик носа, и получилась бы точная копия Гермiony Грейнджер, блин.

– Ладно, опустим, – перешел к интересующему меня вопросу. – Где ты хочешь жить? В Москве или в поселении? Выбирать тебе, просто учти, что я буду часто уезжать по делам.

– Муж, разъезжающий по командировкам. Идеально!

Она отпустила мою руку и, чуть отбежав, покрутилась вокруг себя, запальчиво прокричав последнее слово. Юбка платья невесомым облаком разлеталась, а шлейф грозил вот-вот запутаться под ногами. Я не понимал ее поведения, пытался все объяснить, но она словно села в бронепоезд.

– Яна, что опять не так?

– Да все! – Она резко остановилась и ткань платья опала вдоль ее ног. – Скажи, зачем все это, я вроде тебя понимаю, а вроде и нет. С Николаем же все в порядке, он на поправку пошел, я правильно поняла?

Она не спрашивала, она утверждала. Я огляделся по сторонам: запаха посторонних не чувствовал, но все же поспешил взять Яну за руку и увести поскорее в дом, мы и так почти пришли, а улица не самое подходящее место для таких разговоров.

Уже внутри Яна принялась рассматривать дом. Он был деревянным как внутри, так и снаружи, и состоял из одной-единственной комнаты, плавно переходившей в кухню и ванную.

– Миленко, – вяло отозвалась моя жена.

– Не переживай, если мы останемся в поселении, то будем жить в доме твоей прабабушки, он в хорошем состоянии. Я следил за ним и поддерживал достойный вид.

– А почему сейчас мы здесь?

Яна плюхнулась прямо на пол, на пушистый белоснежный ковер, сначала скинула туфли, а потом и вовсе легла, разведя в сторону руки. Свадебная звездочка, блин, ни дать ни взять.

Разулся, снял пиджак и опустился рядом с ней.

– На брачную ночь рассчитывал, видимо, зря. Как посмотрю, невеста не в настроении.

Яна перевернулась на бок лицом в мою сторону.

– Так это правда? – тихо спросила она.

– Ты о чем?

– Николай Александрович поправится?

– Поправится, поправится. При чем тут это, Ян?

– Тогда я тем более не понимаю, зачем был нужен весь этот фарс со свадьбой, ведь не поздно было все отменить.

– А зачем отменять, когда меня все устраивает?

Она накрыла лицо ладонями и тихонько рассмеялась. Радовало, что не заплакала, только вот как-то по ненормальному звучал ее смех.

– Заметь, устраивает ли это меня, ты ни разу не спросил, – убрала ладони от лица и приподнялась на локтях, – только и делаешь, что все время ставишь перед фактом.

– Мы же обо всем поговорили в день приезда, я почему-то думал, что поняли друг друга.

Ее глаза зажглись злостью, обстановка между нами накалялась.

– Поговорили, – кивнула она, – я старалась быть благодарной. Трезво оценивала случившееся и пыталась достичь взаимопонимания. Ты же... молчи! – пригрозила она, стоило мне только открыть рот. – Не посчитал нужным обсудить такой ничего не значащий момент, как день свадьбы.

– Ты на это обиделась? – Мне только оставалось открыть рот от удивления, настолько это было неожиданно. Женская логика непобедима.

– Теперь это уже неважно.

– А что важно?

– Ты узнал, что здоровью Назимова ничего не угрожает, и опять ничего мне не сказал!

– А что бы ты сделала, если бы узнала, сбежала? – зло выплюнул.

У меня не хватало на нее терпения: волоски по всему телу вставали дыбом, а руки чесались так, что хотелось крушить все вокруг, включая ее тоненькую шейку. Так бы и сжал, с особым наслаждением.

– Что за чушь! Куда мне сбегать, или ты только этого и ждал?

– Ты сама слышишь, что говоришь? Ты себе же и противоречишь. Я думал, ты умнее.

– Что?! – Яна подскочила, начала яростно жестикулировать и ругаться себе под нос. – Умнее, значит, не умная я ему. *Господи!*

Резко развернулась, подняла юбки и пошла в туалет. Сначала все происходило быстро и порывисто, но где-то на середине и без того небольшого пути, Яна притормозила шире расправила плечи и плавной походкой продолжила свой теперь уже медленный побег.

Черт! Надо было заткнуть ей рот поцелуем и все! Просто до банальности. Только вот в момент, когда представил, что она могла от меня сбежать, настолько сильно захотелось ее придушить, что приближаться к ней поостерегся.

И почему все встречавшиеся на моем пути женщины

именно такие? До сих пор помню, как Янина каждый раз поучала Машку: «Помолчи – за умную сойдешь» или «Будь себе на уме! Молчи, кивай и делай по-своему, только тихо». Да, Янина была тем еще манипулятором. Может, и хорошо, что моя молодая супруга не научилась хитрить, а все свои мысли, даже глупые, говорит прямиком в лоб.

Приподнялся и подошел к окну. Вид, конечно, был шикарным: кругом лес, высокие лиственницы стояли перед домом во всей красе. Распахнул деревянные створки, наполняя комнату вечерней прохладой. Горизонт освещали лунные лучи, через неделю полнолуние, наверное, поэтому, каждая моя эмоция накалялась до предела буквально за пару секунд.

Возможно, я и правда сильно на нее давлю. А возможно, мне просто нужно ее хорошенько трахнуть, нам обоим это пойдет только на пользу. Зверь внутри меня довольно порыкивал, предвкушая.

Развернулся и сразу же услышал щелчок. Добыча сама плыла мне в руки. И тут заиграла мелодия мобильного, ни раньше, ни позже. Что за черт? Почему нам постоянно что-то мешает?

Прекрасно осознавая, что в такой вечер по пустякам меня не стали бы беспокоить, направился к вешалке с пиджаком. Делал все это я крайне медленно, до последнего надеясь, что звонивший просто обнюхался чего-то и попутал номер, но стоило мелодии затихнуть на пару секунд, как она заиграла снова.

Я принял вызов как раз в тот момент, когда Яна все же решилась и вышла из туалета, лицо ее выражало решительность, пока она не увидела меня с телефоном в руках.

Я молча и внимательно слушал своего бету, одновременно заглядывая в наполняющиеся горечью Янины глаза, и четко осознавал, что просто обязан сейчас остаться. Ей, себе, нашему будущему обязан.

Но не мог! Не мог остаться. Она сразу поняла это, от того и переменялась в лице. Не знаю, что она решила, пока сидела в ванной комнате и что хотела сделать, но сейчас ее лицо выражало лишь разочарование и усталость.

Александр закончил, я так же молча нажал на отбой и прикрыл глаза. Сам не понимал, почему так тяжело сейчас, сердцебиение и вовсе замедлилось, будто выжидая чего-то, стучало сердце через раз. Посчитал до пяти и отогнал все эти сентиментальные глупости подальше.

Открыл глаза и увидел Яну, сидящую на диване и водящую пальцем по экрану телефона. Надо же, я настолько ушел в себя, что даже не услышал звука ее шагов.

– Яна, мне нужно...

– Иди, я все понимаю, – прервала она мою речь.

– Ни черта ты не понимаешь, – не смог сдержаться.

– Хорошо. Не понимаю, – пожала она плечами и посмотрела на меня отстраненно, – но это же ничего не меняет, так ведь? – Я промолчал. – Вот и иди тогда.

Небрежно махнула головой в сторону входной двери и

уткнулась в свой телефон.

Мне не оставалось ничего другого, как отправиться решать внезапно образовавшуюся проблему. Совершенно неуместную сейчас проблему.

Мои лучшие бойцы, самые рассудительные и въедливые волки братья Зимовские, выдали сегодня по полной программе. Один упустил Авенира еще до приезда подкрепления, а второй спалился на камеры, как тащил бездыханное тело Ваню Алиева. Волка, представлявшего на нашей территории другой клан.

И теперь его неугомонный папаша на подлете в Москву с целым списком претензий и желанием увезти сына. Что ж, не вопрос, я ему обеспечу и встречу, и общение, все, сука, по высшему разряду.

Гнал в Москву как ненормальный, хорошо, что заранее отдал распоряжение перевезти Ваню в его же квартиру, только расположенную в клановом доме. Светить своим секретным домом был не намерен.

– Это что?

Не смог сдержать крика, когда увидел Ваню, лежавшего на кровати кверху пузом. Хорошо хоть дышит.

– Он так и не пришел в себя после моего удара, – потупил взгляд Даниил.

Твою мать, неужели ему стыдно? Ни разу не видел его таким.

– Ты хоть на минуточку понимаешь, какие у нас могут

быть проблемы? На которые сейчас у нас нет ни единой капли времени!

Я был зол, чертовски зол. С каждой прошедшей минутой сдерживать альфа-потоки становилось все тяжелее. Когда приехал Алиев-старший, я был похож на фитиль, который вот-вот зажжется. Он, почувствовав сгустки силы, распространявшиеся от меня, померил свой гонор, почти не возмутился, когда я обрисовал ему ситуацию. Конечно же, не всю.

– Сами понимаете, волчица молодая, зачем ей травиться? Личная медсестра альфы и лучшая подруга Александры Назимовой... была, – многозначительно добавил, – последние два года была постоянной любовницей вашего сына, когда он приезжал в Москву. И тут, – пристально посмотрел на волка, пытаясь просчитать по его реакции, замешан ли он в этом, – ее травят, в этот же день сбегает наш врач, который, само собой, имел в своем запасе и не такие таблетки, на следующий день прилетает ваш сын, а через пару дней он встречается с волком, которого мои люди ищут все это время. Как вам? Не кажется странным?

Может, он хороший актер, но мне его реакции показались натуральными, он был удивлен и искренне огорчился из-за непонятной смерти волчицы. Конечно, возмутился, что его сына чересчур сильно приложили, но не стал на это давить. Конечно, кто захочет прилюдного подтверждения слабости своего родного отпрыска.

В клан я возвращался под утро, и меня не отпускало чувство тревоги, нельзя было оставлять Яну одну в такой вечер. Нужно было отправить кого-нибудь другого решать эти проблемы. Я все это прекрасно понимал, но терпеть не мог, когда кто-то делает то, что я и сам в состоянии. Тем более, когда это моя работа, и тем более, когда я уверен, что так, как я, никто другой этого не сделает. Проблему, может, и решит, но не так, как я хотел, не так, как мне это было нужно. Я до дрожи в пальцах привык все контролировать.

Ситуация с Яной выходила из всех возможных рамок. Каждый раз она поступала вразрез моим ожиданиям, и я сам рядом с ней ни за что не мог ручаться. Собственные поступки не мог предугадать, луна, кому расскажи – не поверят. Припарковаться пришлось далеко от дома, дороги подъездной к нему не было, и лишнее время, потраченное на дорогу и на продолжение самокопания в мыслях, хорошего настроения не принесло. Стало только хуже.

С каждым сделанным шагом беспокойство становилось все сильнее, особенно на самых подступах к дому, тогда в моей душе поселилась паника. И мелкие иголки страха сжимали сердце в своих тисках. Я уже понял, что ее там нет, запах почти выветрился. Рассудок посылал сигналы, что ничего страшного. Она обиделась и ушла. Но часть меня, не поддающаяся рациональному, чувствовала, что все плохо, все крайне плохо.

Открыл дверь и увидел белые туфли. По-прежнему акку-

ратно стоявшие на краю ковра. И больше ни одной малейшей детали, указывавшей на то, что Яна вообще когда-либо здесь была.

Захлопнул дверь и вышел на крыльцо. На улице стояла убийственная тишина и преступно легко дышалось свежим воздухом. Скоро рассвет, а я, ни дня не пробыв в браке, умудрился потерять свою жену.

Глава 21

Игнат

Я не медлил ни минуты. Не отходя от крыльца, поднял по тревоге всех своих волков. Внутреннее чутье подсказывало, что она не просто ушла или спряталась, произошло что-то плохое.

В девять утра был растревожен весь поселок, и выяснилось два факта. Во-первых, Яны нет на территории, во-вторых, за территорию поселения она не выезжала. Как бы парадоксально и противоречиво это ни звучало, но это так.

Я был полностью уверен, что она где-то здесь, но это *здесь* было невозможно найти. Когда мои помощники к обеду закончили осмотр всех домов, Назимов напрягся, до этого он предполагал, что Яна ушла к кому-то в гости. Наивный.

Чего-чего, а гордости у нее хоть отбавляй. На интуитивном уровне я знал, что Яна не пойдет ни к кому в день своей свадьбы и не сознается, что провела брачную ночь одна. Именно это я сначала почувствовал и только потом, все осмыслив, понял то же самое головой.

Увидел на горизонте приближающегося серого волка, схватил в охапку его вещи, валявшиеся все утро на пороге назимовского особняка и швырнул обратившемуся в человека голому мужчине. Ребров молчал и только, второпях на-

тягивая на себя одежду, время от времени порывкивал.

– Ну что? – задал ему вполне ожидаемый вопрос.

– Да ты издеваешься?! – подошел ко мне вплотную. – Самому слабо все здесь проверить?

Зря я думал, что Реброву плевать на дочь, когда увозил ее из клана. Сейчас было предельно ясно, что он переживает, ноздри то и дело раздувались, ладони сжимались в кулаки, а глаза постоянно вспыхивали серебром. Олег был на грани обращения и сдерживал себя намного хуже, чем в тот раз, когда я приехал за Яной.

– Не думай, что ты самый умный. В волчьем обличи от меня бы вообще никакой пользы не было. Проветриться по лесам я всегда успею, только сильно сомневаюсь, что она там.

Ребров глубоко задышал и все же, справившись с подступающим гневом, сквозь зубы выплюнул:

– Ты прав, ее там нет. Только будь так добр, поясни, где она. Где, твою мать, она?!

– Не кричи. Да будет тебе известно, я тоже еле себя сдерживаю. Уверен, что ее прячут на территории. Ее просто не могли вывезти наружу. Никак! – выкрикнул и ударил кулаком о стену дома. – Нужно более тщательно прочесывать все строения на территории. И раз уж ты теперь часть семьи, то поделюсь с тобой, – грубо растер ладонями лицо, мне претило тратить драгоценное время на такие бессмысленные разговоры. – Назимова кто то целенаправленно травил в тече-

ние трех месяцев. Исполнители, – хмыкнул и сложил руки на груди, – одна мертва, второй в бегах, заказчик, само собой, неизвестен, так вот... Я почти на сто процентов уверен, что он же и похитил Яну. Ты спросишь зачем? Так вот, я понятия не имею, и это меня жутко бесит.

Больше ни сказав ни слова и не выслушав ответ, развернулся и пошел лично проверять всех жителей поселения.

Следующие два часа пролетели невероятно быстро, а я проверил лишь административные строения, такие как школа детсад, миниклиника, пара магазинов и небольшой развлекательный центр. Ничего. Ни малейшего остаточного запаха. Уже заканчивая осмотр второго магазина, понял, что я придурок, захотелось приложиться головой о стену, причем сильно приложиться. Как я мог забыть о белой волчице?! Ведь с ее слуховыми возможностями можно значительно облегчить и ускорить поиски. Как минимум она могла узнать то, что мог упустить я. Не мешкая, набрал номер.

– Да, Игнат. Есть новости? – Голос в трубке дрожал от волнения.

– Собирайся, будешь помогать. Жду тебя, – огляделся по сторонам и наткнулся взглядом на салон красоты, его я еще не проверял. – Знаешь, где местная парикмахерская?

– Да.

– Прекрасно. Буду здесь в течение еще десяти минут.

Пожаловала Вика через семь минут в компании Реброва, и, судя по его хмурому выражению лица, от которого за

километр сквозило решимостью, я понял, что отделаться от него не смогу.

Втроем мы осматривали все дома, в которых кто-то жил либо стоящие пустыми. Еще утром мои ребята взломали замки в таких домах и все прочесали. Да что говорить, отдельно от нас Яну искало еще две группы, они точно так же ходили по всем зданиям.

Потому многие жители клана начинали выражать свое недовольство в открытую, особенно Вике, но стоило мне только посмотреть в сторону зарвавшихся волков или людей, как они замолкали и с улыбками сносили учиненный нами беспорядок в своих домах.

День плавно перетек в вечер, а затем и в ночь. Луна, с каждым днем становившаяся все больше, освещала лес вокруг нас, вообще, в отличии от моего настроения и тяжелой сложившейся ситуации, небо над головой было прекрасным – чистым, с множеством горящих на нем звезд. Было светло практически так же, как днем. А я стоял и сбивал носки туфель ударами о ствол многовекового дерева. Я не понимал, почему матушка-луна сегодня светит так ярко? Специально, чтобы я не опускал руки и продолжал поиски, или призывала успокоиться, встать и, затаившись, наслаждаться прекрасным видом? Я не понимал, и меня это чертовски раздражало.

Почувствовал на плече чужую руку и за мгновение до того, как нанести удар, втянул запах пришедшего. Только он мог так незаметно подкрадываться ко мне, даже несмотря на

перенесенную болезнь и до сих пор надломленное здоровье из-за той отравы.

– Уже можете так далеко уйти от дома, Николай Александрович?

– Что не сделаешь ради детей, Игнатушка. Пойдем в дом. Несмотря на мягкость голоса, последняя фраза была приказом, невозможно было не услышать силу и сталь, сквозившие в этом распоряжении. Я еще раз пнул дерево со всего размаха, на этот раз коленом. Да, это отнюдь не боксерская груша, и будь я человеком, уже раздробил бы коленные чашечки, но я не человек, поэтому испытал лишь ноющую боль, как раз то, что нужно, чтобы хоть как-то притупить тянущее чувство, заполнившее грудь.

– Вы с Ребровым два сапога пары, тоже еле загнал его в дом. Если не отдохнуть, то поговорить, – поучающим тоном произнес Назимов.

– Я понял вас, альфа, – кивнул и, прибавив шагу, пошел в особняк, не дожидаясь своего жожака.

В гостиной на первом этаже горел камин, на столе стояли тарелки с едой. В одном из кресел, подогнув под себя ноги, мило посапывала Вика. Поиски Яны ее сильно утомили. Рядом с ней, откинув голову на спинку кресла, сидел Олег, а напротив – два беты Назимова.

– Александр где? – задал закономерный вопрос присутствующим, взяв свободный стул и поставив его спинкой к столу, сел, широко расставив ноги.

– Ушел домой к жене, или ты ему запретил личную жизнь? – ехидно поинтересовался подошедший следом Николай.

– О чем вы хотели поговорить, Николай Александрович? – намеренно проигнорировал реплику про Сашу и его жизнь.

– Ты ешь, Игнат, ешь. Силы тебе еще понадобятся.

– Вы что-то знаете? – Я ждал ответа, затаив дыхание, отмечая боковым зрением, что Ребров так же мигом подобрался.

– Нет, – тяжело вздохнул, – к сожалению, даже мыслей нет. Просто по твоему поведению и так понятно, что будешь рыскать повсюду, пока не найдешь. – Николай потянулся за стаканом с водой и, медленно опустошив его, продолжил: – Жители возмущены, мне уже, – поднял он указательный палец, словно был учителем, поучающим нерадивых щенков, – поступила парочка жалоб на твое самоуправство в клане.

– И что? – поторопил его. – Какие конкретные действия можете предложить вы? Не забывайте, что она ваша правнучка и дочь Маши.

Высказать свои предположения Назимов не успел, мне позвонил Алиев-старший и долго возмущался в трубку, что не отпускаю его домой.

– Еще раз повторяю, один можете отправляться в путь хоть сейчас, но ваш сын – важный свидетель. Заметьте, пока он в статусе именно свидетеля, но это не поздно изменить.

Так вот. Пока мы не услышим его версию событий, он останется в Москве. Под нашим присмотром, разумеется, если вы все же надумаете уехать.

Повесил трубку и только тогда обратил внимание на задумчивый вид Назимова.

– Что? – не дожидаясь, первым задал вопрос.

– Это же бывший муж Майи? – осторожно поинтересовался Николай, а в моей голове начало что-то складываться, ускользающая мысль вот-вот готова была сформироваться. Кивнул, чтобы он продолжал.

– Майи на свадьбе не было, Игнат, я думал, она с сыном. Но... ты же был у него в городе?

– Был. Твою мать, – достал телефон и позвонил одному из своих волков, по-прежнему дежуривших на КПП. Когда узнал, что Майя прибыла на территорию еще позавчера и до сих пор здесь, то сорвался с места и пошел в сторону выхода.

– Романов, – окликнул меня Олег, – что за дела? Какая еще Майя?

– Николай Александрович расскажет, – и, не поворачиваясь, направился на выход. Уже находясь за дверью, услышал недовольный бубнеж Реброва: «Только не говорите, что это какая-нибудь из его обиженных бывших?!» Если бы, Олег, ох, если бы.

Глава 22

Яна

Он просто ушел! Закрыв за собой дверь и вышел вон. Я до последнего не могла поверить, что Игнат сделает это. В конце концов, сегодня наша брачная ночь, мать ее так. Я упала на кровать, разведя руки, и устремила взгляд в потолок. Ну почему с ним так тяжело? Постоянно то одно, то другое, и самое противное, что каждый раз, стоит мне только спавать, принять его правила и, заткнувшись, идти ему навстречу, происходит какая-нибудь хрень вроде этой.

Конечно, я была не права, когда сбежала вместе с Викой, а потом бегала от него по всему дому. Но мне была нужна передышка. Я должна была осмыслить и принять такую скорую свадьбу... осознать, что через пару дней стану женой, а считанные месяцы спустя и мамой.

Это было тяжело, но, как мне кажется, я справилась. А потом эта Лекса, будь она неладна. Мне было жаль девушку, которая напилась на свадьбе любимого человека. Да, она влюблена в Игната, словно кошка и, несмотря на это, поздравила. Выдавила улыбку и продолжила напиваться дальше.

Я не понимала, почему? Почему я, а не она? Ведь она дочь Назимова, а не какая-нибудь правнучка. Да и вообще, зачем ему мы обе, если Назимов идет на поправку, это же очевид-

но. Не заметил бы этого лишь слепо-глухо-немой, и Романов, по всей видимости, думал, что я как раз и не замечу ничего.

Время шло, Игнат пропал из вида, и я злилась, откровенно злилась на него, а потом эта странная церемония.

Полянка с наступлением вечера преобразилась: высокие ели, подсвеченные разноцветными маленькими огоньками, старая волчица перед нами и жидкость в чаше, до умопомрачения похожая на кровь. Будто в фэнтези попала.

А Игнат, боже, как же жадно он на меня смотрел, волосы на руках встали дыбом, а разум одну за другой подкидывал пошлые картинки предстоящей ночи.

И вот она!

Наша брачная ночь во всей красе. Я одна, а муж шарится непонятно где.

Почувствовав подступающие слезы, резко поднялась, хлопала себя по щекам. Нет! Так дело совсем не пойдет. Поспешила выйти на улицу, надеясь найти успокоение в прекрасном звездном небе.

Чудесный вид дарил умиротворение, почти полная луна ярко освещала окрестности. Закусив губу, представила, как бы здорово было, сумей я переродиться. Будь у меня четыре лапы и хвост я бы не задумываясь убежала глубоко в лес. Подумав о пушистой пятой конечности, опустила взгляд на свои ноги и ахнула в удивлении.

На мне не было обуви.

Как я могла не заметить? Столько здесь стою, морожусь, и

ладно о себе не забочусь, но о ребенке же думать надо, клуша! Развернулась, собираясь вернуться в дом, и почувствовала резкую боль в голове, все начало кружиться перед глазами и в итоге погасло насовсем.

Сознание ко мне вернулось резко, будто от толчка. Я открыла глаза и пару минут пыталась сфокусировать зрение хоть на чем-то.

Было тихо. И темно, потому ни черта и не видно. Прислушалась к своим ощущениям: лежала на чем-то твердом, судя по затрудненному дыханию, была до сих пор в подвенечном платье, шнуровку на котором еще с утрам затянули так, что и корсет не понадобился. Затылок болел, как будто по нему били периодически кувалдой, и в те минуты, когда болезненные ощущения затихали там, они плавно, тягуче перебирались к вискам, вызывая в них бешеную пульсацию. Или именно пульсация и провоцировала собой последующую боль? Господи, кто же разберет. Слава богу, больше ничего не болело, иначе я бы точно сошла с ума.

Инстинктивно протянула ладонь к животу и вовремя себя остановила. Кто бы меня ни похитил, он ни за что не должен узнать о моей беременности, это может дорого мне обойтись. В конце концов, как говорил Игнат, наш с ним ребенок в будущем должен стать главой клана, и найдется много желающих этого предотвратить.

«Так! Тихо! Без паники! Соберись».

Попыталась приподняться на локтях и разглядеть окру-

жающую обстановку. Выходило с трудом. Глаза хоть и начали привыкать к темноте, но пока не настолько. Смогла лишь разобрать, что помещение небольшое. Как будто подвал какой-то, без окон и дверей. Точно! Чуть поодаль разглядела стоящую лестницу, подтверждая свои догадки.

Присела и потеряла виски. Просто адская боль! Как же люди терпят мигрень?!

В этот момент раздался непонятный шорох откуда-то сверху, и я поспешила поднять голову.

В аккурат над лестницей открылся потолок, пропуская в помещение лунные лучи. Значит, на дворе по-прежнему ночь. Следом раздался женский голос, что-то недовольно бурчащий себе под нос.

Да ладно? Меня похитила женщина? Знала бы, сразу, возможно, попыталась бы сыграть на неожиданности и оглушить ее так же, как и она меня.

Когда женский силуэт наконец-то спустился на пол, через пару секунд зажегся свет. Глазам стало больно, я поспешила ненадолго зажмуриться и вновь приоткрыла глаза.

В паре шагов от меня стояла Майя, невестка Назимова, у которой умерли муж и дети.

Да уж! Женщина выглядела чем-то жутко недовольной. Она напоминала сейчас ведьму из страшных историй. Большой нос, всклокоченные длинные черные волосы и злой взгляд, время от времени горящий серебром.

И обстановка-то под стать была. То, что я приняла за под-

вал, им и оказалось, хотя правильнее выразиться погреб. Только большой такой и очень напоминавший избушку на курьих ножках.

Определенно ведьмин дом: на полу солома, деревянный стол со стульями, небольшая горелка на такой же деревянной тумбе и чугунные котелки рядом.

Неужели она здесь еще и варит что-то? Тут же пожароопасная обстановка. Можно запросто сгореть заживо со всем содержимым этого места. По стенам сушились многочисленные пучки разных трав. А с другой стороны от меня стоял шкаф, больше напоминавший стеллаж, заполненный литровыми банками, полными каких-то разноцветных жидкостей.

А может, я чего-то не знаю и в этом мире помимо обратной существуют и ведьмы?

Театр абсурда, честное слово.

Все то время, пока я разглядывала обстановку, женщина молчала, испепеляя меня взглядом. Видимо, распознав на моем лице проскользнувшие эмоции, она самодовольно хмыкнула, мол, такой эффект она и желала произвести.

Только я открыла рот, чтобы начать разговор, как раздалась трель телефона, женщина судорожно посмотрела на экран и поспешила ответить звонившему.

– Наконец-то. Что?! – Волчица долго слушала, бегая взглядом по помещению. – Это все, что ты можешь мне предложить? Да как ты смеешь, я сына нашего пыталась спасти! Не могу. Не могу. Да не могу же! Она меня видела, – тихо

сказала Майя в трубку, при этом пригвождая меня взглядом к месту. Будь она Медузой Горгоной, я, несомненно, была бы уже камнем.

– Ты не можешь бросить меня в такой ситуации. Что значит тебе все равно? А сыну ты то же самое скажешь? Алло? Алло?

Но говоривший, видимо, бросил трубку. Майя поняла это чуть позже меня и заорала как сумасшедшая. Кинула телефон на пол и принялась его топтать.

Все это время меня не покидало стойкое ощущение, что под своими ногами вместо телефона она представляла кости говорившего, как я поняла бывшего мужа. Возможно, чьи то еще... мои, например...

Потому что, закончив уничтожение телефона, она подняла голову и *так* на меня посмотрела, что затряслись все поджилки.

Я самым натуральным образом испугалась. Молча отодвинулась подальше и, оперевшись спиной в стену, придвинула ноги к груди, обняв их. Я забыла обо всех вопросах, крутившихся в голове, которые пару минут назад чуть было не слетели с языка.

Лучше тихо-мирно пересидеть, пока муж не найдет меня. Он хоть и чурбан, думающий только о клане и его проблемах, но, думаю, жену свою в беде не оставит. Ведь обещал, что если доверюсь ему, то все тогда будет хорошо.

И правда хорошо.

Ничего не скажешь, зашибись прямо, как хорошо.

Так и просидела, уставившись в одну точку, порядка нескольких часов, пока не захотела в туалет, тогда начала оглядываться в поисках одного.

– Что ищешь? – грубовато спросила женщина, видимо, заметив мои метания.

– Туалет.

– За стеллажом с банками ведро имеется.

И мерзко-мерзко заулыбалась. Вот как, как молодая и красивая на вид женщина, какой она мне показалась несколько дней назад, сейчас может выглядеть настоящим мерзким страшилищем?

Когда я вернулась на свою лежанку, то заметила «любезно» оставленные тарелку с пловом и стакан воды. Столовые приборы, видимо, в комплект не входили. Ничего, я не гордая, я и руками могу поесть, тем более мне нужно питаться за двоих и нельзя голодать.

Майя занималась своими делами весь день. Перекладывала травки, какие-то из них толкла и фасовала по пакетам. Пару раз приподнималась по лестнице и слегка приоткрывала дверь, осторожно к чему-то прислушиваясь и принюхиваясь. Следом в раздражении хлопала крышкой нашего с ней большого и полного травы гроба. Именно такие у меня возникали ассоциации. Под землей кругом тишина, еще и крышка в наличии имелась.

Вечером волчица опять принесла мне тарелку с едой, и я

все же осмелилась задать вопрос:

– Зачем я тебе нужна?

– Уже ни за чем. А девать тебя теперь не куда.

Что за черт, я приоткрыла рот в удивлении и насторожилась еще больше, потому как когда заложники становятся ненужными, от них избавляются.

– Вижу, ты девочка догадливая, вот и зачем спросила? Меньше знаешь – крепче спишь, как раз твой случай. – Майя отошла от меня и грузно опустилась на стул. – Можешь пока не переживать, не избавить меня от тебя, труп девать некуда, а сидеть и нюхать вонь я не намерена.

Рис, который я и так с трудом пережевывала, стал будто каменным, и во рту начала разливаться непонятная горечь. Схватила стакан с водой и залпом выпила содержимое, пытаясь протолкнуть вставший посреди горла комок.

Майя довольно кивнула, а я начала догадываться, что, возможно, совершила глупость. На меня разом навалились усталость и абсолютное безразличие ко всему, что меня окружало. Веки непослушно опускались, и последним, что я расслышала, был тихий голос ведьмы.

– Не бойсь, не отравила! Поспишь часов двадцать, хоть мне надоедать не будешь, а то эти твои олени запуганные глаза утомляют.

Следующее мое пробуждение было не таким болезненным, напротив, я чувствовала себя достаточно бодро, словно отдыхала перед этим целую неделю.

– Надо же, очухалась! Красавица спящая, – послышался недовольный голос Майи. Женщина встала, судя по раздавшемуся звуку, налила воды в стакан. – Я уже думала, не оклемаешься. Пей, залпом, – протянула мне стакан, я нехотя его взяла и покосилась на нее, – это обычная вода. Тебя от моей снотворной настойки вштырило так, что я и не ожидала.

Воду выпила залпом, надо же, пока не почувствовала ее вкуса, даже не ожидала, что у меня такая сильная жажда.

– Можно еще?

– Обойдешься! – вспылила женщина.

Потерев заспанные глаза и отогнав сонную лень, приоткрыла глаза к Майе. Ее поведение выдавало крайнюю степень нервозности. Она по-прежнему занималась своими травками, но движения больше не были отточенными и размеренными, они были резкими и порывистыми. Майя с силой держала цветочки и лепесточки, затем толкла их в ступке с особенным упоением и, как мне кажется, дольше положенного, чересчур наслаждаясь процессом.

– Сколько я спала? – осмелилась я на вопрос, ведь в помещении без окон. Было непонятно, день на улице или ночь.

– Больше суток. Уже утро.

Ого... и нас до сих пор не нашли? Плохо дело, плохо. Ну ладно Игнат, возможно, я ошиблась на его счет, но отец? Он по-любому приложит все усилия.

– Долго ты еще будешь меня здесь держать? – отчаявшись, рискнула задать такой вопрос-провокацию. – Без объясне-

ния.

– Разве тебе тех объяснений было мало? Молчи лучше и не выводи меня из себя! – гаркнула женщина, а на ее руках начали удлиняться когти. Боже! Да она на грани обращения.

Вдобавок ко всему у меня неприятно занял желудок, видимо, разбуженный стаканом воды, он потребовал большего.

– Можно мне поесть? – тихо поинтересовалась, стараясь не злить ее еще больше.

– Ты что-то сегодня словоохотлива сверх меры.

Женщина отбросила прочь какой-то пучок и, подойдя к кастрюле, наложила мне все тот же рис. Нет, я не привередлива, главное, чтобы он не испортился за это время.

Утолив голод, я отставила в сторону тарелку и попыталась размять ноги и руки, все так же не вставая с места.

– Ба-а-а, посмотрите на нее! Надеешься выбраться отсюда? – зло усмехнулась Майя.

Неужели ей захотелось наконец-то поговорить и, как истинному злодею, в любых книгах и фильмах, поделиться своими злодеяниями? Только вот всякие маньяки обычно так делают перед убийством жертвы, правда, в фильмах с хэппи-эндом обычно поспевают спасители. Что ж, будем надеяться на лучшее...

– Ну не будешь же ты меня здесь держать, – закинула я пробную удочку, – а убивать меня тебе не на руку, сама же сказала, – пожалала я плечами, делая вид, что уверена в собственных словах. На самом деле я даже не представляла, че-

ГО МОЖНО ОЖИДАТЬ ОТ ВОЛЧИЦЫ.

– Ну пока есть шанс вырваться из этого места, воспользовавшись тобой как прикрытием, ты будешь жить.

– Зачем ты вообще меня сюда притащила?

– Собиралась обменять на сына, которого задержал Романов. Но мой бывший муж справился и так. Зря только перепугалась, – взмахнула она рукой, – сначала почти здоровый Назимов, потом пропажа сына. Проследила за вами, и такой момент подвернулся, когда ты одна вышла, – как то недовольно усмехнулась она.

– Так это ты травила Николая?

Женщина рассмеялась.

– А по окружающей обстановке непонятно? – Она развела руками, указывая на все свои припасы. – Хотя что ты можешь понимать, недоразумение природы. Здесь хранятся знания многих поколений.

– П-почему недоразумение?

– Потому что полукровка, – сплюнула в сторону, – вас так легко лишит зверя, слабые и психически неустойчивые. Моя свекровь, например! Да мне ничего не стоило свести ее с ума и действовать ее руками.

Да, я слышала, что у жены Николая не в порядке с головой и что она где-то лечится.

– Конечно, если бы не полученная в детстве психическая травма, – продолжила рассказ женщина, – все было бы не настолько просто. Но у нее и отец, видимо, не дружил с го-

ловой. Представляешь, изнасиловал собственную дочь. Я, если честно, даже вообразить не берусь, как оборотень может причинить вред своему потомству. А тут... – Она легко взмахнула ладонью, витая мыслями где-то не здесь, и опять стала похожа на молодую красивую женщину с отточенными манерами поведения.

– С тех пор Татьяна ненавидит волков, даже Назимова. – Она вытянула ладонь перед собой и начала рассматривать свои ногти. – Мне повезло, я узнала об этом и воспользовалась этой старой курицей по полной. – Оторвала взгляд от руки и направила его на меня. – Она подстроила катастрофу твоему деду, отравила твою прабабку, лишила зверя твою мать и собственную дочь.

– Что ты такое говоришь...

Но она меня не слышала, продолжала рассказывать, на этот раз глядя в никуда с абсолютно пустыми глазами.

– А потом умер ее сын, с моими детьми! Моими маленькими малышами! – вскрикнула и замолчала, следующие слова опять стали монотонными. – Этот слабак не смог справиться с управлением, не смог спасти моих детей, даром что обернулся, все равно был слабаком и полукровкой. Достанься мне в пару Денис, все было бы по – другому. – Майя качнула головой, прогоняя скопившиеся слезы в уголках глаз. Надо же. – Я бы и с Яниной нашла общий язык, сильная волчица! Была. Очень жалко, что пришлось от нее избавиться.

– Неужели ты надеешься, что твой сын сможет занять ме-

сто Назимова?

На этот раз она расслышала мой вопрос.

– Ну если бы ты не появилась... то почему нет?! Он женился бы на Лексе. Романова бы устранили тихонечко и все.

– Боже! Как это все мерзко! Неужели ради власти?

– Ой, молчала бы!

И так она на меня посмотрела, что я предпочла заткнуться.

До вечера Майя еще несколько раз поднималась по лестнице, становясь все злее и нервнее, заражая этим волнением меня.

Я судорожно пыталась сосчитать, сколько же прошло времени. Если серая волчица похитила меня около часа ночи, а следующим вечером уснула больше чем на сутки (если ей верить, и я и правда проспала до утра следующего дня), тогда получается, что сейчас вечер вторника, и через пару часов будет ровно трое суток, как меня похитили. Где же Игнат, где отец?

Майя с каждой минутой становилась все злее. И я, заметив недалеко от себя пару пустых чугунных котелков, все же решила предпринять отчаянную попытку сбежать.

Дождалась, когда Майя следующий раз начала подниматься по лестнице и, подобравшись поближе, затаилась.

Возможно, не будь она оборотнем или был бы котелок потяжелее, мне бы все удалось. После удара по голове женщина, не отключилась, а еще больше разозлилась.

И вот, получив от нее по лицу и отлетев на пару метров, я думала о том, какой же глупой была эта попытка с моей стороны.

Когда женщина уставилась на меня своими серебряными глазами и начала подходить все ближе и ближе, я вообще перестала о чем-либо думать.

Страх нахлынул на меня тяжелой волной, выбивая из легких весь воздух. Я пыталась отползти, но волчица, естественно, была быстрее. Она схватила меня за шею и, приподняв над землей, впечатала головой в стену. Еще крепче сжимая ладони на моем горле, Майя меня душила, причем очень успешно...

Я пыталась разжать ее пальцы, и тогда она, отцепив одну руку от моей шеи, схватила ею меня за предплечье, резко дернув его в сторону. Я услышала хруст и почувствовала адскую боль.

Перед глазами все расплывалось, а рука повисла плетью. С каждой секундой воздуха становилось все меньше. Я пробовала ей что-то сказать, в глупой надежде успокоить, но слышались лишь бессвязные хрипы.

Когда в глазах окончательно потемнело, я поняла, что мне осталось недолго и на помощь, увы, никто не придет. Прикрыла глаза, медленно погружаясь в пучину беспомощности.

И тут я почувствовала резь внизу живота, затем он будто окаменел. А в голову вдруг сам собой пришел путь к спасению.

У меня был всего один-единственный шанс и всего пара секунд. Я не имела права сдать и подвести своего малыша.

Собрала все свои силы, распахнула глаза, уставилась на волчицу, привлекая ее внимание к своему лицу и быстро здоровой рукой вытащила гребень из волос и воткнула его в горло женщины.

Ее глаза расширились и, отпустив мою шею, она начала выкручивать руку с гребнем, у нее почти получилось. Наполовину украшение показалось наружу, но Майя начала заваливаться, и тогда я, не особо думая, вытащила гребень и воткнула его заново, потом еще и еще.

Когда я опомнилась, женщина лежала на полу вся в крови, а мои руки крепко сжимали вишнево-красное украшение с теперь уже мутными бриллиантами. Как со стороны услышала собственный хрип и отбросила гребень подальше. Встала, волоча за собой кровавый подол платья.

И когда он только успел так пропитаться?

Боль в животе становилась сильнее, меня слегка пошатывало, но я дошла до лестницы и попыталась схватиться за перекладины. Когда больная рука не смогла ухватиться за дерево, а вторая сорвалась, и я, неудачно упав, приложилась головой о пол, до меня дошла вся трагичность ситуации.

Чтобы выбраться наружу, мне оставалось всего-ничего, но я была уже не способна на это. Волна адреналина схлынула, оставив после себя боль, страх и ужас от совершенного.

У меня больше не осталось сил, и теперь сознание уплы-

вало окончательно.... О себе я не переживала, не так страшны были мои повреждения, очухаюсь и как-нибудь выберусь, но время может быть безвозвратно упущено.

Неужели я не спасу своего ребенка? В ответ на эти мысли низ живота опять сжался непонятной судорогой, и по моим щекам потекли слезы.

В который раз за последние дни я уплывала в темноту, а в голове пульсировала одна и та же мысль, повторяющаяся по кругу: «Прости меня, мой малыш».

Глава 23

Игнат

Страшно было даже представить, зачем Майе могла понадобиться Яна. Я вышел на улицу, разделся, кинул вещи на скамейку рядом с домом и обернулся. Волк весь день рвался на волю.

Для начала я вернулся в дом и пробежался до комнаты Майи. Выбивать дверь не пришлось, там уже стоял Олег и всюю взламывал замок. Внутри не обнаружил ничего подозрительного, следов Яны и ее запаха тоже не было. Потянул зубами с вешалки первое попавшееся платье и, хорошенько его обнюхав, запомнил запах, чтобы отправиться на поиски.

Искать след, конечно же, было поздно, прошло уже почти два дня, но я все равно обнюхал всю территорию, прилегающую к КПП. Бесполезно, запах суки к этому времени выветрился.

Я пробегал в волчьем обличии всю ночь, обнюхивая каждый пень, каждый забор и каждое окошко. Ни единого следа волчицы, словно она провалилась сквозь землю или вырыла подземный ход. На рассвете вернувшись к особняку, принял человеческий вид и переоделся. Уже когда сидел в машине понял, что мой свадебный костюм любезно сменили на новый, чистый. Вот она, ненавязчивая забота Назимова, до сих

пор считал меня щенком.

Алиев-старший смотрел на меня настороженно, когда я вломился в палату его сына.

– Что? Ты же прекрасно понимаешь, что мои люди следят за вашими перемещениями, – опередил возможные вопросы.

– Да ты еще тот наглец! Заметь, мой сын в больнице из-за твоих бойцов.

– Одного-единственного бойца, и даже не беты. Так что задумайся, что с твоим сыном не так, что он от единственного удара умудрился впасть в кому. – Алиев зарычал, а я продолжил. – Где Майя?

– Что?

– Еще раз повторяю, где Майя?

– Да мне же откуда знать, я ее больше двадцати лет не видел!

Возможно, будь ситуация другой я бы ему поверил. Он до последнего держал себя в руках. Достойное самообладание, но мое внутреннее чутье сейчас, когда вопрос касался Яны, не обмануть.

Схватил его за шею и поднял в воздух, Алиев вцепился в мои ладони пытаясь их разжать, но это было бесполезно.

– Ты расскажешь все, что знаешь, а я буду внимательно слушать. И не дай луна, ты что-то утаишь – не выберешься из Москвы уже никогда, так же, как и твой сын. И перед тем как начнешь хорохориться, прежде подумай. Даже если твой

клан выдвинет нам претензию, мне глубоко на это насрать!
Яна – моя жена и правнучка Назимова. Ты сам-то хоть понимаешь, на кого посягнула Майя?

Все слова проговаривал медленно и довольно четко. Вскинул свободную руку и посмотрел на часы на запястье, кивнул собственным подсчетам.

– Уже можно тебя отпускать? Как считаешь? Понял, что с тобой никто не шутит?

Алиев что-то захрипел, и я отшвырнул его к противоположной стене, слегка переборщил и на него вдобавок свалился телевизор, висевший на той же стене. Все, блядь, на соплях, даже в больнице, которую мы уже полвека финансируем.

– Я жду, – напомнил оборотню и постучал пальцем по циферблату часов.

– Да не знаю, я где твоя жена, – откашливаясь и растирая шею, произнес тот.

– Ты что, правда так туп? – усомнился в его адекватности.

– Подожди, подожди, – он выставил ладонь вперед, – я скажу все, что знаю, но я и правда не в курсе, где твоя жена.

Я отодвинул стул от больничной койки и сел.

– Говори.

– Да тут и рассказывать, собственно, нечего. Позвонила мне позавчера Майя в панике и говорит, мол, спасай сына, его назимовские прихвостни похитили. Я сначала подумал, что бред, звоню Ваню – трубку не берет, пробил по каналам

и узнал, что его и правда нигде нет. Поехал в Москву, ну это ты и так знаешь. – Алиев устроился поудобнее, отодвинув от себя разбитый телевизор, сидя по-прежнему на полу. – И буквально только ты уехал, она мне позвонила и говорит, мол, решила вопрос и взяла в заложники какую-то внучку Николая, и теперь Ваню нам вернут. Сам понимаешь, я сразу же сказал ей, что она больная на всю голову, и посоветовал, вернуть женщину на место. С сыном-то все в порядке, – перевел взгляд на бессознательное тело, – ну почти в порядке. А Майя разозлилась и отключила телефон, до сих пор недоступна.

Он развел руками и начал заходиться в приступе кашля.

– У нее есть подгреб где то на территории, – продолжил он после того, как к нему вернулась способность разговаривать. – Хорошо замаскированный, с крышей, не пропускающей никакие запахи, она там свои запасы трав хранит.

– Каких трав?

– Ее бабка знахаркой была, к тому же из долгожителей, лет тридцать назад умерла от старости. Многому Майю обучила, особенно старым рецептам, о которых и помнить никто не помнит. Знаю, что она до сих пор этим занимается, потому что Ваню ей нужные травы привозит. Я закрывал на это глаза, ведь ничего страшного, ну подумаешь, аборт желаящим волчицам или полукровкам делает. Так они сами так пожелали.

Алиев пожал плечами и опять развел руками. А у меня

ком в горле застрял. Неужели на территории моего клана живут волчицы, способные на аборт? Это же отвратительно.

– Ты же понимаешь, что теперь нет никаких сомнений, кто мог отравить девушку Ваню? Узнала лишнего, вот и итог. – Я растер ладонями лицо и, выпуская силу, задал самый важный вопрос: – Где погреб?

– Я же сказал, понятия не имею, но Ваню должен знать.

– Твою ж... Сколько ему еще в этой коме валяться, что врачи говорят?

– День,-два, может, неделю, смотря, как скоро восстановится энергетический пробой. У твоего *не беты* слишком сильные потоки альфа-волн оказались.

– Сучонок! Вот же! А говорил, что всего лишь стукнул слегка. Я с ним еще поговорю, – встал, подошел к Алиеву и подал ему руку, помогая подняться с пола. – Как только придет в себя звони, сразу же, – дернул подбородком в сторону Ваню и вышел прочь из палаты.

Следующие два дня в ожидании новостей были самыми длинными в моей жизни. Еще ни разу я настолько не волновался из-за кого-либо. Даже когда двадцать лет назад пропала Маша, а мне поздно об этом сообщили. Я горевал, но не чувствовал той опустошенности, что поселилась во мне сейчас. Я ощущал себя бесполезным слабаком, не сумевшим защитить выбранную самку.

Сразу по приезду в клан обрисовал ситуацию Олегу, отдал ему свой телефон и перекинулся в волка. Меня больше не

интересовала ни единая проблема клана, все, о чем я мог думать – только Яна. Ежеминутно представляя, как сумасшедшая сука над ней издевается, я оббежал весь лес, прилегавший к нашему клану, десятки раз, хоть и понимал, что это все зря. Мой нюх здесь был бесполезен так же, как и я сам.

Я прекрасно знал, что если бы появились новости, то Ребров бы меня отыскал, но, несмотря на это, все равно выбежал пару раз за день к особняку, карауля своего тестя. Как странно звучало это слово, особенно для моих волчьих мозгов. Я выпустил свою звериную сущность, лишь изредка контролируя наш общий разум, только это помогало мне не сойти сума, так же, как в детстве.

К тому моменту, когда появились новости, я уже перестал на что-либо надеяться. Олег нашел меня ранним утром на пороге моего дома, из которого и пропала Яна. Даже моя волчья суть и инстинкты усмирились, и я перестал бегать по лесу, ища следы. Последние двенадцать часов я, ни на что не надеясь, просто ждал, иногда поскуливая и рыча на пытающихся ко мне приблизиться. Для Реброва, само собой, я сделал исключение и просто проигнорировал его.

– Зря бревном прикидываешься, новости есть.

Я приподнял морду и посмотрел на Олега, ожидая продолжения.

– Ваню пришел в себя и уже подъезжает к КПП. Он, конечно, упирался до последнего, не желая выдавать мать, но выхода у него все равно нет.

Я сорвался с места, на ходу обернулся, не дослушав Реброва. Весь следующий час был словно резиновый. Пока дождался Алиевых, пока мы шли с ними по лесу в поисках погребца, который и Ваню с трудом-то смог найти.

Все это время я не переставал удивляться изменчивости течения времени, насколько разным оно может быть. Непременно пролетит и не заметишь, когда спешишь куда-то и, напротив, идет медленнее черепахи, если чего-то очень сильно ждешь.

Я ждал. Очень! Я до белых пятен в глазах хотел увидеть Янью, убедиться, что с ней все в порядке. И одновременно боялся, жутко боялся, что случилось непоправимое.

Когда Ваню нащупал спрятанную в ворохе листьев ручку под неприметным, таким же, как и сотни других, деревом, мое терпение не то что подходило к концу, оно просто кончилось, исчезло.

Пух – и испарилось.

Поэтому совсем неудивительно, что, как только крыша погребца начала подниматься, я, забыв обо всех договоренностях и проигнорировав заранее спланированный план действий, бросился вперед, точнее, вниз, позабыв о том, что находился не в волчьем обличи. Благо реакция и регенерация хорошие, приземлился на пол на все четыре конечности, миная лестницу.

И точно с ума сошел, когда увидел лежащую прямо под лестницей Янью. Я сразу же метнулся к ней, попытался нащу-

пать пульс, одновременно с этим прислушиваясь. Она вся была перемазана кровью. Хотя правильнее даже не так... ощущение, что ее утопили в чане, наполненном кровью, а затем выловили оттуда. Платье было алого цвета, только шлейф был серо-черным от грязи, ни единого клочка кипенно-белой ткани больше не осталось.

Почувствовав пульс, отодвинул в сторону эмоции. В голове прояснилось, а следом накрыло волной облегчения, кровь была не ее. Что за черт?

– Ян, Яночка, слышишь меня, родная? – попытался привести в сознание свою жену, оглаживая щеки и убирая прилипшие пряди к лицу, они были тоже склизкими от крови.

Огляделся и в двух метрах от нас увидел лежащее тело Майи в луже собственной крови. Услышал, что Олег начал спускаться, и, видимо, правильно оценив обстановку он, задрал голову, вверх выкрикнул:

– Саня, Алиевых не пускай и Мари сюда! Живо!

В этот момент Яна начала открывать глаза, а я почувствовал, как сзади меня на пол опустился Олег.

– Папа? – тихо, на грани слышимости произнесла она.

– Яна, все хорошо, Олег здесь, я здесь, все будет хорошо. Скоро придет врач, ты лучше молчи, береги силы. – Я ответил раньше Реброва, потому что даже в такой момент меня снедал эгоизм, почему она позвала его, а не меня, почему?

– Папа, – повторила она, – живот сильно болит... уже так долго. – Она говорила отрывисто, с большими паузами, сгла-

тывая и все время облизывая пересохшие губы, но я все равно ни черта не понимал, особенно последующие бормотания. – Главное, сохранить его... сохранить... я не могу... не могу его потерять.

– Милая, успокойся, я здесь, я тебя понял. – Олег взял ее за руку. – Ты только мужа послушай и не теряй силы на болтовню.

Яна слабо улыбнулась и прикрылась глаза.

Спустившаяся Мари взвизгнула, видимо, от такого обилия красного цвета кругом. Отойдя от первого шока, она потеснила нас с Ребровым и принялась аккуратно ощупывать и осматривать Яну.

– Мари, ей нужно в больницу, срочно, – прохрипел Олег.

– Не мешай, – цыкнула на него женщина и продолжила заниматься осмотром. – Ну на первый взгляд ничего серьезного, похоже на перелом левой руки и вывих правого запястья, возможно, сотрясение, – подвела итог волчица.

– Значит, ее можно спокойно передвигать? – Мари кивнула, а Олег повернулся ко мне. – Как будем ее поднимать?

Странно, раньше у меня получалось четко мыслить в экстремальных ситуациях. Стратегическое мышление с обдумыванием действий наперед было одним из моих лучших качеств. Сейчас же все было как в тумане, спроси у меня, я бы и два плюс два не сложил. Посмотрел на Яну, на Олега, на Мари, затем опять на свою жену.

– Да не тормози ты! Что с тобой такое? – начал кричать

отец Яны. – Ей срочно нужно в больницу! – Он притянул меня к себе, взяв одной рукой за ткань кофты, а другой обхватив затылок. Стукнувшись своим лбом о мой, поймал мой взгляд и четко проговорил: – Игнат, она беременна, так что если не хочешь потерять ребенка, а следом и жену, соберись и действуй уже, твою мать!

Это был действительно хороший стимулирующий толчок. Будто в моей голове постоянно сжимающаяся до этого пружина наконец-то лопнула. Шум стоял еще тот, в глазах было темно, в ушах гудело, а речь была беззвучной, словно меня и правда оглушили. Но четкость мыслей на этот раз окончательно вернулась ко мне. Бессознательную Яну мы достали довольно быстро. Я взял ее на руки, не доверил Реброву, обмотался канатной веревкой. С той стороны нас поднимали четыре оборотня, для более легкого движения, так сказать. Яна даже для меня, оборотня, оказалась слишком тяжелой: склизкая, скользкая, местами затвердевшая ткань платья в значительно утяжеляла мою драгоценную ношу.

До местной небольшой поликлиники добрался в считанные минуты, мы здесь особо не лечились, и если кому из волков требовалась медицинская помощь, ездили в город. В нескольких крупных больницах работали наши врачи, на наши деньги существовали целые отделения. Здесь же было все необходимое на крайний случай для оказания первой помощи. Аппарат УЗИ, слава луне, был в наличии.

После того как мы втроем избавили Яну от платья с помо-

щью ножа и ножниц, Мари укрыва ее простыней и приступила к работе. Мы же с Олегом одновременно бухнулись на рядом стоящую кушетку и принялись молча ждать.

Мари в течении пары минут успокоила нас, что ничего опасного не случилось, и даже отслойки нет, всего лишь тонус вследствие болевого шока. Что, нахрен, за тонус такой, я понятия не имел, и, судя по пришибленному виду Олега, он тоже. Затем в кабинете послышался странный звук, похожий на чересчур учащенный и как будто раздвоенный пульс. Мари что-то нажала на кнопках и чуть передвинула руку, после этого звук перестал двоиться, потом затих и раздался снова. Олег глупо улыбался, а я даже представить не мог, что меня впереди ожидают еще более шокирующие известия. Слова Мари окончательно выбили почву у меня из-под ног. Даже воздух вокруг стал каким-то тяжелым, он оседал у меня во рту. Разве такое возможно?

– Ну что, папаша? Дедуля? Готовы быть няньками? – Задорный голос Мари не соответствовал ситуации, но появившаяся на ее лице улыбка явно не желала исчезать. – У нас тут многоплодная беременность.

Глава 24

Яна

Когда я пришла в себя (который раз за эти дни?), то увидела улыбающуюся Мари. Выражение ее лица меня слегка обнадежило.

– Ребенок? – задала я единственно важный для меня вопрос.

– С ними все в порядке. – до меня доходило как до Камчатки. – Да-да, Яна у тебя близнецы будут. Я позову Игната?

Я растерянно кивнула, поражаясь происходящему.

Два! У меня будет два ребенка. Блин, Игнат наверняка уже все знает и зол на меня. В растрепанных мыслях прикусила губу и попыталась успокоиться, но слезы, грозящие вот-вот пролиться, не желали отступить. Именно этот момент для своего появления выбрал Романов.

Он был зол! Чертовски зол! Я начала извиняться, даже не помню, как оправдывалась. До сих пор не понимаю, почему я вообще оправдывалась, но в тот момент действовала на чистых инстинктах, и нормального разговора у нас так и не вышло. Романов поцеловал меня по-отечески на прощание и ушел.

В больнице я пролежала неделю. Ужасно скучную неделю, ко мне один раз пришла Вика, чтобы попрощаться.

– Прости, что на лету, – запальчиво тараторила она, – но Романов впихнул меня в курс, который уже две недели как начался. А он договорился! И меня ждут! Яна, – несмотря на свою порывистость и бьющие через край эмоции, она аккуратно меня приобняла, – спасибо тебе за это, и я очень рада, что с тобой все хорошо. Ты даже представить себе не можешь, как я переживала. Да что там я... – махнула она, отстранившись, – твой Игнат места себе не находил, носился целыми сутками как угорелый, сначала как человек, а потом во второй ипостаси. И причем, – она перешла на шепот, – он так и остался в итоге в волчьем обличии под конец, вообще никого к себе не подпускал и ждал, грустно уронив морду на лапы.

Я не выдержала и расхохоталась.

– Ну ты и сказочница! Игнат – да грустно морду на лапы? Ни в жизнь не поверю.

– А вот и зря. – Вика в один момент стала абсолютно серьезной. – Ты ему далеко не безразлична, а ведь он даже не знал о твоей беременности.

Волчица слегка потрясла головой, как будто приводя в порядок мысли, затем пригладила торчащие в разные стороны волосы и, посмотрев на часы, грустно вздохнула.

– Прости, прости, – запричитала она, – но у меня вылет через четыре часа.

– Иди! И обязательно пиши мне обо всем, и фотки высылай!

Она еще раз меня обняла и, поцеловав в щеку, подставила свою для поцелуя, жизнерадостно хихикнув.

Маленький ураган под названием Вика покинул мою палату, отправив перед этим воздушный поцелуй и оставив после себя кучу разных мыслей.

Если все, что она сказала, правда и я действительно ему не безразлична, может, действительно забыть все обиды и начать жить, как полагается настоящей семейной паре? Тем более у нас дети будут. Дети... Приложила руки к животу и мечтательно улыбнулась.

Мари говорила, что у меня отличные шансы благополучно родить. И я ей верила, не знаю, может, просто хотела верить. Но это не могло не обнадеживать и не вселять надежду в то, что все будет хорошо.

Игнат навещал меня каждый день, принося с собой вкусности и цветы. Но сам он недолго находился в палате, буквально десять минут, словно те были для него наказанием.

И уж совсем неожиданным гостем стала Лекса. Ей, конечно же, никто не рассказал о моей беременности, но о похищении она была в курсе. Странно было видеть в этот раз ее трезвой.

Незванная гостя вошла в палату, не постучав, и помещение наполнил аромат ее приторно-сладких духов. На ней был черный кружевной топ под грудь и темно-розовые, цвета фуксии, брюки в пол, широкие штанины которых элегантно разлетались, придавая легкость и невесомость каждому ее

шагу.

Она вальяжно опустилась в кресло, откидывая назад длинные белые волосы. Затем, порывшись в сумочке (такой же темно-розовой), достала мандарин, и подбросив его на ладони, наконец-то обратилась ко мне.

– Будешь?

Я отрицательно качнула головой. Лекса, пожав плечами, проткнула фрукт острым наманикюренным ногтем, как ни странно, не розовым, обыкновенный френч.

– Как хочешь, – пожалала плечами. – А ты молодец, – произнесла она, засовывая в рот оранжевые дольки одну за другой, тщательно пережевывая каждую.

Покончив с фруктом, она приподнялась и сложила кусочки шкурки на тумбу рядом с моей койкой.

– Для запаха, – уточнила Лекса. – Так и будешь молчать?

– За тобой интересно наблюдать. Ну-у, когда ты трезвая, – уточнила я, чем вызвала ее улыбку.

– Я же говорю, молодец. Знаешь, я ненавидела твою мать, – без обиняков начала она, – может, из-за ревности к Игнату, может... она меня просто бесила? – посмотрела на меня своими большими голубыми глазами. – Разве у этого бывает объяснение?

– Ну обычно люди знают, почему их бесят другие. Так что причина должна быть.

– Наверное, – задумчиво протянула она. – Маша была такой светлой, доброй, ей все сходило с рук, прощалась любая

шалость. Нет, – отмахнулась она, – меня тоже баловали и до сих пор мне позволено все. Практически все, – поднесла палец к губам, – твой муж, например, мне не положен.

– А хотелось бы?

– О-очень. Но не в том суть... в общем, не любила я ее по той же причине, что и не переношу любых людей такого типа. Ну и луна с ней, пусть земля ей будет пухом.

– Ты о моей матери говоришь. Не боишься, что расцарапаю тебе лицо? Ну так, – приложила палец к губам, отзеркаливая ее недавний жест, – для начала хотя бы.

– Сколько раз за сегодня я уже говорила тебе, что ты молодец?

– Много...

– Потому что ты не такая, как твоя мать. У тебя есть стержень, характер и ум, да что говорить... Яна-а, так уделать Майю. У тебя есть яйца, стальные такие яйца. – Лекса засмеялась собственной шутке, а меня передернуло от воспоминаний о Майе. До сих пор перед глазами стояла картинка собственных окровавленных рук, держащих не менее кровавый гребень, с измазанными и мутными бриллиантами. Странно, что этот образ не начал преследовать меня по ночам, уж больно жуткой казалась мне эта картинка.

– Ау-у-у, – Лекса помахала ладонью перед моим лицом, – подробности смакуешь?

– А ее-то ты за что не любила?

– А за что ее любить? – возмутилась блондинка. – Непри-

ятная особа, постоянно подсовывавшая мне своего слабака сыночка. – Ее лицо скривилось, будто под нос ей сунули дохлую мышь.

– Она сказала, что лишила тебя зверя, так же, как и мою мать.

Лекса выгнула брови и округлила и без того большие глаза.

– Как?! Она не уточнила, – фыркнула я. Неужели она ожидала, что Майя шибко разоткровенничалась со мной перед смертью?

– Да уж. Информативно, ничего не скажешь. – Лекса помолчала пару секунд, что-то прикидывая в голове, и подвела итог: – Бред все это, бред сумасшедшей. Хм... как-то много сумасшедших на один квадратный метр развелось, но не суть... В общем, будем, Яна, с тобой дружить.

Блондинка плавно поднялась, нагнувшись ко мне, чмокнула в щечку, задорно мне подмигнула и, круто виляя бедрами, покинула мою палату.

Я, повернув голову, заметила появившуюся на тумбе целую мандаринку, которой прежде здесь не было. И когда только успела? Усмехнулась и принялась за новогоднее лакомство.

С Лексой мы действительно подружились. Какой-то старинной ехидной дружбой, с постоянными взаимными подколками и стебом. Открыто говорили друг другу о недостатках и проводили вместе почти все свободное время. С ней

было весело и легко, и меня почти перестал волновать тот факт, что Лекса влюблена в Игната. В конце концов, она же этого не скрывает – говорит напрямую в лоб.

Что же до Игната, отношения наши стали поистине странными. Он был вежлив, заботлив, обходителен, исполнял любые желания, интересовался моими мыслями, старался быть ближе. Даже подарил мне еще одно обручальное кольцо, во вполне такой романтической обстановке, мотивируя это тем, что прошлое он как раз таки преподнес мне не так, как полагается.

Но одновременно со всем этим он отдалялся настолько, что расстояние до луны в сравнении казалось мне пустяковым. Он просыпался и уезжал на работу в такую рань, что я ни разу не смогла проснуться раньше него, чтобы элементарно приготовить завтрак, как это должна делать нормальная жена. В свою самую последнюю попытку я завела будильник на пять утра, и, кто бы сомневался, его не было дома.

Он не принимал мою дружбу с Лексой, но не вставлял палки в колеса. Ну а чем мне еще оставалось заниматься? Вика уехала, она писала, присылала фотографии, но этого было мало.

И вершиной всего стал секс. Игнат со мной не спал. Он даже не приставал ко мне! От него не было ни малейшего намека на желание заняться интимом. Первой начинать я боялась, потому что не представляла, что же творится в его голове. Может, он избегает меня потому, что я беременна?

Но Мари разрешила нам жить половой жизнью... дословно, блин.

Так и прошел целый месяц, не хорошо и не плохо, пока в один прекрасный день мне не позвонила пьяная, бьющаяся в истерике Лекса. Она, запинаясь, твердила мне что-то про звонок, забор и психушку. Если бы не мужчина, чей голос следом раздался в трубке и который мне объяснил, что к чему, я ни за что не разгадала бы ее шарады.

– Да-да, она не сядет за руль, сейчас засуну ее в такси и поедем. Спасибо вам, – заглянула в глаза полицейскому, с которым общалась по телефону, – и вам, – кивнула второму, молодому пареньку, который до сих пор, мало что осознавая, пускал слюни на Лексу.

Повернулась к подруге и потащила ее по направлению к такси.

– Пойдем, пьянь, пока отпускают.

– Еще бы не отпустили. Ты им нехилый штраф за меня отвалила. Пока, мальчики. – Развернувшись, Лекса принялась рассылать поцелуи мужчинам.

Если молодой запросто подходил под определение мальчика, особенно учитывая возраст Лексы, то второй был далеко не молод. Он смотрел на Лексу по-отечески, как на неразумное дитя, в этом нам повезло.

– Ты хоть понимаешь, как тебе повезло, что на вызов приехал именно этот дядечка? – зло зашептала ей на ухо, все еще продолжая тащить блондинку к такси. – Попался бы дру-

гой, тогда точно штрафом не отделались бы, – распахнула заднюю дверь машины и помогла Лексе приземлиться на сиденье, обошла кругом и, сев рядом, продолжила свои нотации: – Забрали бы тебя в СИЗО или куда там полагается, – повернулась к девушке в ожидании ответа.

– Я не знаю. Не поверишь, но в обезьянник меня ни разу не забирали, – и глупо захихикала.

Я махнула таксисту, назвав адрес городской квартиры Лексы, и повернулась к этой сумасшедшей.

– Ты понимаешь, что если бы ты не вышла из машины к их приезду, то у тебя бы забрали права? О чем ты вообще думала? И зачем поперлась в эту душегубку?

– Я хотела увидеть маму, – тихо произнесла она, а я прикусила язык. Как я могла забыть, что Татьяна Назимова, которую я ни разу не видела, сидит в психушке? Стараниями Майи, между прочим. Боже... я ни разу не задумывалась об этом и никому не говорила, но неужели то, что сказала мне сумасшедшая ведьма о травме в детстве, правда? С нескрываемым сожалением посмотрела на Лексу.

– Прости.

– Ой, только давай ты не будешь, – шмыгнула она, – терпеть не могу жалость, ты же знаешь, – неопределенно махнула рукой и положила голову на мое плечо. – Понимаешь, сначала она уехала непонятно куда, еще в августе, потом ее нашли и засунули в это ужасное место. Ты видела? – округлила она глаза, чуть приподняв голову. – Одни стены наве-

вают ужас. Меня не пускают, как бы я не пыталась туда обратиться. Сегодня была финальная попытка, – усмехнулась она и, пошарив в сумочке, нашла жвачку. – Будешь? Ну как хочешь. И знаешь, что самое стремное в этой ситуации? – не дожидаясь моего вопроса, она продолжила: – Мне ничего не говорят, совершенно ничего. Почему? Зачем? Что с ней?

Видя растерянное лицо Лексы, которая своим видом сейчас напоминала обиженного ребенка, я думала, делиться ли с ней информацией. Услышав очередной всхлип, все же решила рассказать ей хотя бы часть правды.

Когда мы приехали в ее пентхаус, Лекса почти протрезвела. Она не жила в доме с клановыми квартирами. Ее двухэтажная квартира располагалась в одном из лучших жилых комплексов столицы и была под самой крышей, которую Лекса облюбовала. Когда я первый раз попала сюда, то поняла, что и квартиру-то эту она приобрела именно из-за доступа на верх небоскреба. Вид с высотного здания открывался шикарный. Здесь стояли большие качели-шезлонг и низкий столик, вокруг которого валялось большое количество разноцветных подушечек и одеял.

Назимова, как обычно, села в свой так называемый гамак, откинула голову, прикрывая глаза.

– Она убила Янину и подстроила смерть Дениса, моего дедушки....

Я не придумала способа лучше, чем вывалить на нее все зараз.

– И заказала мою маму.

– Не смешно. – В ответ на мое молчание Лекса приоткрыла глаза. – Ты же не серьезно? – запинаясь, спросила она.

Я растерянно молчала, крутя обручальное кольцо вокруг пальца. Еще одна вредная привычка, такая же, как и облизывание деревянного кулона.

– Луна!.. Не может быть.

Она, ахнув, прикрыла ладонью рот и начала качать головой, видимо, весь ужас ситуации начинал потихонечку до нее доходить.

– Прости, – повторилась я, – не хотела говорить, и тебе бы лучше не знать этого. Наверное, Николай и руководство вался таким мнением. Но все же я считаю, что ты имела право на правду, даже на такую, – присела на корточки рядом с ней, положив ладони на ее колени, и дрожащим голосом произнесла: – Прости, прости меня.

Она сжала мои ладони и, посмотрев мне в глаза, произнесла фразу, достойную своего характера:

– Прекрати извиняться, становишься похожей на свою мать, – скривилась, словно съела перец чили. – Ничего хорошего, конечно, но зато многое становится понятным, – подвела она итог. – Яна, спасибо, что приехала за мной и оплатила штраф, но я устала... мне надо отдохнуть.

– Конечно, – закивала я и поспешила удалиться.

Лексе нужны были тишина и одиночество, чтобы хорошенько все осмыслить. По дороге домой в голову пришла

мысль, от которой я так и не смогла избавиться. Следующие два дня вынашивала ее, обдумывала и просчитывала.

И вот я поехала в клинику к Татьяне. В надежде, что фамилия Романова произведет нужный эффект, не прогадала.

Когда персонал привел меня к нужной двери, показались два волка, их стоило только припугнуть Игнатом, который якобы разрешил мне этот визит и сыграть из себя заносчивую особу, как меня с легкостью пропустили.

Я даже чуть-чуть расстроилась, что все так запросто получилось.

Палата была большой, скорее, маленькая квартира, я видела далеко не все помещение, но понять это было не сложно. Прошла по мини-коридорчику и попала в большую и светлую комнату. Женщина сидела в кресле и смотрела сериал, надо же, «Дневники вампира», почти в тему.

– Разве еще не рано для уколов? – раздался холодный голос, женщина так и не повернула головы в мою сторону.

– Я к вам поговорить.

Стоило мне только заговорить, как она резко обернулась и вперилась в меня цепким взглядом.

– О чем нам с тобой разговаривать?

Она встала с места и подошла ближе ко мне.

– Не знаю, – пожала плечами, – может, Лексе записку напишете, она очень переживает из-за отсутствия возможности увидеться с вами.

Взгляд женщины стал хищным и злым, по спине про-

шлись неприятные мурашки, хотелось передернуться то ли от страха, то ли от отвращения. Нервничая, я по привычке достала свой кулон и начала катать его по цепочке туда-сюда.

Татьяна прищурилась и рассмеялась, громко и запальчиво. Видимо, у нее и правда не все в порядке с головой. Ее смех был каркающим и напоминал припадочный.

– С-с ума сойти... эта малолетняя... дрянь... все-е-е же жива...

Я совершенно не понимала, о чем она говорит, Татьяна громко хохотала, хватаясь за грудь, и говорила неразборчиво.

– Кто?! – не выдержав, прикрикнула на нее.

Та задержала взгляд на моем кулоне, который я по-прежнему держала пальцами, и я решила спрятать его под футболку.

– Ну-ну... – хохотнула женщина и начала закатываться опять. – Какая же я молодец. Все, и ты теперь будешь без зверя. Так вам всем и надо, назимовским отродьям, – выплюнула Татьяна. – А Машке повезло, что я ее не нашла. Потому и выжила. Пусть живет без зверя и радуется! Дура!

Она закричала, а я начала отступать, стукнувшись спиной о залетевшую в палату медсестру. Вместе с ней зашел и оборотень, который чересчур выразительно на меня посмотрел.

Только вот его взгляд меня не пронял, голова была занята другим. Я поспешила на выход, пытаюсь собрать сказанные ей слова воедино. Что-то от меня ускользало.

И только по дороге домой меня осенило. Кулон! Увидев его, она рассмеялась, до этого хоть и была злой, но не казалась настолько чокнутой.

Попросила водителя притормозить, заплатила ему и вышла на дорогу. Мне нужен был воздух! Я шла вдоль шоссе, и то, что попадало в легкие, конечно, мало напоминало нужный мне кислород, но все же под шум проезжающих мимо машин было легче собраться с мыслями.

В первую очередь позвонила Игнату и выслала фото кулона. Надежды не было никакой, ведь если бы тот был как-то связан с мамой, то Игнат бы мне об этом сказал. Ведь украшение я никогда не снимала.

Но его ответ меня неожиданно порадовал. Происходящее становилось похожим на сон, мой черный волк подтвердил, что этот кулон принадлежал маме.

Когда я набирала номер подруги детства, руки дрожали, я одновременно хотела и не хотела слышать правду. Я боялась, что зря обнадеживаю саму себя пустыми надеждами.

– Ну привет, пропажа. – В трубке послышался мелодичный голос Кристины.

– Кристин, прости, что я редко тебе звоню, но я и сейчас по делу.

– У тебя все в порядке? – насторожилась она. – Твой мачо тебя не обижает.

– Кристин, прекрати. Он не мачо.

– А кто? Если растопил сердце ледяной красавицы, то

бишь твое... Принц? А ну нельзя! Быстро отойди от розетки! – слышался ее крик, явно адресованный не мне. – Прости, Ян, просто у нас розетка с вилкой от телевизора – самая любимая игрушка.

Я улыбнулась, вспоминая ее малыша: полуторагодовалый мальчишка, который до сих пор не желал говорить, но зато очень любил шкодничать и тащить все, что плохо лежит, себе в рот.

– Поцелуй, от меня нашего хомячка в его сладкие щечки.

– Ян?

– М-м-м...

– Ты что-то хотела узнать? Мне просто некогда.

Стукнула себя по голове и, перестав откладывать неизбежное, решила, словно в прорубь нырнула.

– Кристин, кулон, который ты с собой в интернат привезла и мне подарила... – В трубке стояла тишина. – Помнишь? Он точно был твоим? Кристин?

– Фух... – Она шумно выдохнула. – Так просто и не расскажешь. – Слышался еще один вздох, более тяжелый. – Мне его отдала женщина, сейчас я понимаю, что похожая на тебя. Но это было до нашего знакомства, перед моим распределением. Она подошла ко мне и пообещала определить меня в хорошее место, если я подружусь с определенной девочкой и сделаю так, чтобы та, не снимая, носила это украшение. Прости, Ян, я так боялась... бабушка недавно умерла, и я была совсем одна, а та женщина обещала защиту. Ян?

– Я слышу тебя... – Мне требовалось время... нелегко принять, что лучшая подруга, остававшаяся долгое время единственным родным человеком, была неискренна со мной. Слезы беспомощности подступали к глазам, и даже факт того, что моя *мать*, по всей видимости, знала, где я нахожусь и не потрудилась меня забрать, ранил не настолько сильно.

– Яночка, прости. Я люблю тебя, ты же должна это понимать. Сначала да, у меня был стимул познакомиться с тобой, но потом... Неужели ты сомневаешься, что ближе тебя у меня кто-то не было? Я столько раз порывалась тебе рассказать, но у меня в голове будто блок какой-то стоял. Не могла и все. А сейчас, когда ты сама спросила, почему-то так легко получается рассказывать.

Удивлялась подруга, а я лишь ухмыльнулась. Ох уж эти волки со своим внушением и всяким другим апгрейдом.

– Кристин, она случайно ничего не просила передать, когда-нибудь? – невесело хохотнула.

– Точно! Странно, что раньше я этого не помнила. Она сказала, что, если ты когда-нибудь спросишь меня про кулон, ответить, что он блокирует твою внутреннюю суть. И если вовремя не снять, то можно потерять ее насовсем. Абракадабра какая-то.

Отнюдь, мне становилось многое понятным... Маша Назимова все же обернулась в волка и сбежала подальше от своей не совсем нормальной семейки. А на Кристину и правда не за что обижаться, могу поспорить, что она была под вну-

шением, которое однажды применил ко мне Максим. Но от этого не становилось менее больно... наша дружба, которой я так дорожила, казалась мне насквозь пропитанной фальшью.

Все складывалось. Видимо, о свойствах этого кулона и говорила Майя. Получалось, он не давал зверю пробудиться, а потом и вовсе убивал его в полукровке. Наверное, это происходило после двадцати пяти. Ведь не зря отец говорил, что если до этого возраста не пройдешь перерождение, оно больше никогда не случится.

– Яна, ты меня когда-нибудь простишь? – послышался тихий голос из телефонной трубки.

Я совсем забыла про Кристину.

– Все хорошо. Честно! – уточнила, зная, что так запросто она мне не поверит. – Ты ни в чем не виновата, я это понимаю, поэтому не злюсь и не обижаюсь.

Поспешила распрощаться с подругой, которая, хоть и с трудом, но все же мне поверила.

И правда, было грешно на нее обижаться, когда она всего лишь пешка.

Огляделась по сторонам: до территории клана оставалось не так уж и далеко. Не стала заказывать такси или вызывать водителя из наших. Решила пройти пешком и обо всем хорошенько подумать, умеренные нагрузки мне были полезны. Тем более я оборотень как-никак и не должна бояться повышенных нагрузок. До первого КПП пришлось топтать поряд-

ка двух часов, там, конечно же, я уже воспользовалась помощью парней, и они довезли меня до дома.

А вот дома меня ждал сюрприз, который, словно вихрь порывистого урагана, накинудся на меня и припечатал к стене возле входной двери.

Игнат накинудся на мой рот, словно дикий зверь, он меня не целовал, он брал меня своими губами и языком.

Я вцепилась в его волосы, притягивая как можно ближе. Пытаясь раствориться в нем... в нашем поцелуе.

Я не хотела о чем-либо думать, особенно о всяких кулонах и прочих волчьих заморочках. Я просто хотела наконец-то получить то, что мне полагалась – страсть, которую прилично задолжал Игнат за последний месяц.

Огонь уже горел, он разливался внутри груди, и кожу нестерпимо жгло, я нуждалась в прикосновениях Игната, я нуждалась в ощущении его голой кожи... тело к телу. Только так.

Начала расстегивать рубашку Романова, чертовы запонки не хотели мне подчиняться. Достала ткань из-под штанов и принялась стягивать по плечам... наконец-то я могла ощущать его гладкую кожу, литые мышцы груди, рельефные кубики живота.

Его большие и крепкие ладони подхватили меня под ягодицы, усаживая на коридорную тумбу, сметая с нее ключи и всю прочую мелочь.

Мне пришлось схватиться за его широкие, манящие

взгляд плечи. Он в один момент избавил меня от футболки, когда успел пропасть плащ, я и не поняла.

Следом за футболкой я лишилась и лифчика, и тогда на меня свалился шквал небывалых ощущений. Грудь, ставшая чересчур чувствительной, сейчас пульсировала под его языком, он играл им с горошинами соска, а затем полностью их всасывал, и я готова была улететь далеко-далеко за грань реального.

Игнат спускался поцелуями к животу, затем снял меня с тумбы и, расстегнув на мне джинсы, стянул их, опускаясь на колени. Я, находясь словно в бреду, переступила через них и наблюдала за тем, как он, взяв мою ногу, целует изгиб стопы, затем плавно ведет языком до щиколотки и вдоль голени, дальше прокладывает свой путь поцелуями. Когда Романов подобрался к моему самому сокровенному местечку, я уже была на грани. Чувствовала, как лоно пульсировало от жажды, оно хотело быть заполненным.

– О боже...

Это я! Я хотела быть заполнена.

Игнат проводил языком по моим складкам, ненадолго погружаясь кончиком внутрь, и отстранился. И вот он уже стоит.

Что за черт? Я хочу еще! Сама не заметила, как начала тереться о него, словно мартовская кошка, требуя ласки.

– Прости, малышка, но я уже больше не могу сдерживаться. Я обязательно поласкаю тебя, подольше смакуя твой по-

трясающий вкус. – Он выдохнул эти слова мне в губы и принялся меня целовать.

Я чувствовала собственный вкус, и это еще сильнее туманило разум. Он опять посадил меня на тумбу, на этот раз широко расставив ноги, и, плотно притиснувшись ко мне, стал водить членом по моей промежности.

Такой твердый и одновременно мягкий, он был таким аппетитным на вид, что именно сейчас я впервые задумалась о минете. Ведь я никогда прежде не занималась чем-то подобным, а в эту минуту мне нестерпимо захотелось взять его подрагивающее великолепие в рот.

Пока я смотрела вниз, откровенно пуская слюнки, он построил головку к самому входу и только тогда начал плавно входить, что совсем не соответствовало прежде заданному темпу.

Когда он вошел в меня полностью, я почему-то вспомнила, что не заметила, как он снимал свои джинсы. Но эта мысль мгновенно улетучилась, стоило ему только начать двигаться.

Первые толчки Игната были спокойными и размеренными. Оторвав взгляд от места, где соединялись наши тела, посмотрела на его лицо и окончательно потерялась: его глаза были прикрыты, голова приподнята вверх, а челюсть сжималась настолько плотно, что все лицо его исказилось в гримасе боли.

Я схватила ладонями его за щеки и, притянув к себе как

можно ближе, на грани слышимости прошептала:

– Пожалуйста, не сдерживай себя, я хочу сильнее.

Игнат приоткрыл бездонные черные глаза, в которых хотелось потеряться, и пристально посмотрел на меня. Не знаю, чего он ожидал увидеть, но, громко выпустив воздух, он отпустил себя.

Входил в меня на всю длину и полностью выходил. Движения его были мощными, грубыми, резкими.

Его руки, вцепившиеся в мои бедра и оставившие там не один синяк, казалось, хотели сжимать меня еще теснее, еще крепче. Словно он пытался ими достать до моих костей.

По спине стекала струйка пота, а я, по-прежнему сжимая пальцы, держала его за лицо, мне хотелось, чтобы он был еще ближе. Только разве возможно ближе?

Я сама не слышала своих стонов, но вот периодическое рычание моего волка было музыкой для ушей.

Удар! Еще удар! Еще один.

Ритмичные дикие толчки выбивали из меня душу, я откинула голову к стене и боковым зрением уловила движение.

Повернула голову и чуть не сошла с ума от охватившего меня наслаждения: мы отражались в зеркале. Мои длинные худые ноги, плотно обнимающие туловище Романова, и его идеальная задница, вдальбливающаяся в меня движение за движением. Это было так порочно и вместе с тем безумно красиво.

– Яна, еще чуть-чуть. Я на пределе, – сквозь зубы проце-

дил он, – слишком долго ждал.

Я притянула его голову для поцелуя и полностью растворилась в ощущениях.

Оргазм пришел неожиданно. В самые последние секунды мои мышцы начали сжиматься раз за разом... раз за разом, пока сознание на пару секунд не отделилось от тела. В этот момент Игнат, прикусив меня за плечо, кончил.

Муж, не выходя из меня, передохнул с минуту и, подхватив под попу, понес наверх, в нашу спальню, где, повалив на кровать, сразу же продолжил неистово вколачиваться в мое тело.

Кончив еще раз, он наконец-то исполнил задуманное и добрался до моего лона со своими поцелуями, это было божественно. Я рождалась и умирала, чтобы через миг воскреснуть вновь... и так бесконечное число раз.

Эта ночь стала сумасшедшей.

Сумасшедшей отправной точкой в нашу новую жизнь.

Глава 25

Игнат

– Слушаю, милая, – убавил громкость работавшего радио в машине, ответив на телефонный звонок.

– Игнат, обещай не ругаться.

– Яна, ты же знаешь, мне не нравятся такие разговоры.

– Ничего страшного не случилось, – поспешила она меня успокоить, – просто... я тебе сейчас отошлю фотку, а ты мне скажешь, может ли она быть как-то связана с моей мамой.

Тяжело вздохнул и постучал пальцами по рулю. Не любил вспоминать о Маше, до сих пор считал случившееся с ней своим личным упущением.

– Малышка, ты же понимаешь, что ее...

– Игнат, – перебила она меня с металлом в голосе.

– Хорошо, кидай.

На телефон пришло сообщение с фотографией женского кулона, похожего на обычную деревяшку, но отлично выглядящую деревяшку. Изображение действительно мне было знакомо. Машка всю свою жизнь не снимала этот кулон, который был подарком Назимова на ее десятилетие.

Только вот когда узнал причину, из-за которой Яна послала мне это фото, злость оказалась намного сильнее удивления. Это надо же было до такого додуматься и пойти к чок-

нутой убийце.

Татьяна до сих пор находилась в психиатрической клинике, и Назимов не знал, что с ней делать. За это время он так ни разу ее и не навещал, отпустить ее он не мог, так же, как и убить. Потому и не навещал, боялся совершить неправильный поступок под влиянием чувств и эмоций.

Домой я приехал раньше обычного и прождал Яну добрых полчаса. Она очень удивилась, увидев меня. Еще бы, дома я практически не появлялся. Было очень тяжело находиться рядом с Яной, в то же время не приближаясь к ней. Я чертовски от этого устал и не понимал, почему она не замечала, насколько голодным взглядом я на нее смотрел.

– Ты сегодня рано.

Просто констатация факта, в ее голосе не было ни претензии, ни радости, ни удивления. Наверное, это, а может, и сегодняшняя встряска с клиникой и Татьяной в придачу, но что-то определенно стало последней каплей. Я набросился на свою кошку прямо на пороге.

Не знаю, как поступил бы, не ответь она мне взаимностью, смог бы я вообще остановиться? Пожалуй, ответы на эти вопросы я никогда не узнаю, да и не хочу. Зачем? Сейчас, лежа в кровати, теперь уже действительно на нашем супружеском ложе, Яна не переставала гладить мое лицо, перебирать волосы и сладко-сладко целовать. Я чувствовал настоящую эйфорию. Всплеск адреналина прошел, так же, как и космический экстаз, и сейчас в ночной тишине комнаты мне было

уютно и легко. Может быть, это и есть настоящее счастье, когда не хочется лишних слов, когда достаточно нежных прикосновений и лишаяющих разума поцелуев.

– Давай просто начнем с начала, – подцепил подбородок своей жены, как любил это делать. – Вот просто с самого начала, как будто мы только-только познакомились.

– Какой ты, однако, шустрый, только познакомились, и уже затащил меня в койку, – хихикнула она мне в плечо и продолжила подначивать: – Я уже молчу про то, что заделал мне детишек.

Приподняла голову, подперев ее ладонью и вырисовывая пальцами другой руки одной ей понятные узоры на моей груди, она все же сказала:

– А давай! Если честно, я думала, что мы начнем нормальную жизнь еще сразу после выписки. – Я только открыл рот, как она замахала рукой, оторвав ее от меня. – Молчи, молчи! Давай правда все отпустим и просто будем жить. Ведь нам действительно хорошо вместе, зачем тогда отдаляться?

Я поцеловал ее и повалил обратно на кровать, не мог ничего с собой поделать и хотел еще раз установить на нее свои права. Не прикасался к ней как мужчина больше месяца, и сегодняшние несколько раз не утолили мой голод, напротив, раззадорили еще сильнее.

Яна права, даже просто погружаться в те воспоминания было неприятно. После объявления о двойне Мари выгнала нас за дверь, оказала Яне первую помощь и направила в го-

род. И уже когда ей наложили гипс и пару швов на ладони, я пришел в палату и еле сдержался, чтобы не придушить.

К тому моменту я окончательно пришел в себя и был готов убить любого проходившего мимо. Самка беременна от меня, а я ничего не знал, еще и под угрозой ее поставил, понимал, что в сложившейся ситуации виноват сам, но и на Яне вину видел не меньшую. Я не понимал, как она посмела, как она могла не сказать о таком? А если бы я не приехал? Так бы и продолжала сидеть в клане отца?

В общем, накрутил себя, не дай луна, тронешь – и вот-вот взорвался бы. Но когда увидел ее виноватый взгляд, руки, хаотично сжимающие покрывало, и услышал:

– Прости. Я бы сказала, просто потом. Просто я не знала, зачем ты приехал... а потом обиделась... а потом свадьба, и опять ты ушел. Я хотела сказать. Игнат? – подняла на меня полные слез глаза, и я спасовал.

Сдержал рвущиеся наружу обвинения и оскорбления, просто подошел, поцеловал ее в лоб и прошептал:

– Все хорошо, Ян, успокойся и поправляйся, если что-то будет тебя беспокоить или понадобится, звони. Извини, я тут весь день, а дел выше крыши разгрести.

Я ушел стремительно, не оборачиваясь, потому что сдерживать себя становилось все труднее. Мог наговорить много ненужного сейчас, а она мать моих будущих детей, моя жена, нужно как-то выстраивать эти отношения.

И я принялся выстраивать.

Проявлял максимум, на который способен: уважал ее решения, не посягал на личное пространство, даже глаза закрыл на ее постоянное общение с Лексой.

Немного погодя я понял, что там, в больнице, мной руководили обида и уязвленное самолюбие. Но со временем желание придушить жену пропало, постепенно и обида сошла на нет. И теперь хотелось лишь отлупить ее по аппетитной попке. Определенно! Когда родит, первым делом отхожу ее хорошенечко.

И желание. Желание с каждым прожитым с ней бок о бок днем в одном доме становилось непереносимым. Яйца были настолько каменными, что хоть кирпичи о них колоти. Постоянный стояк напрягал, а фантазии, заводившие меня в очень дальние уголки сознания, постепенно сводили сума. Тогда я начал отдаляться сильнее, ночевал в городе, брался за любое мало-мальски положенное мне по статусу клановое дело.

И вот сегодня тормоза сорвало, и черт... почему их не сорвало раньше? Погладил плоский животик, вызвав у Яны смешок.

– Когда уже? – Она поняла меня с полуслова.

– У кого-то даже на пятом месяце не видно живота, а у меня всего лишь одиннадцатая неделя.

– Не понял, почему так много? Почти три месяца, у тебя же два недавно было.

Яна засмеялась, а я напрягся не на шутку, мы с ней даже

знакомы не были одиннадцать недель назад.

– Что, испугался? – продолжала она хихикать, но, видимо, почувствовав сквозящее напряжение, все же успокоилась и попыталась объяснить. – Они срок от последних месячных считают. Понятия не имею почему, но так все делают, получается, две недели прибавляют. Да не парься ты, – стукнула ладошкой по плечу, – если что, тест сделаешь, тебе же не впервой.

– Язва.

Приподнялся и начал покусывать ее за ребра, щекоча при этом пальцами живот.

– Все-все! Сдаюсь! – завизжала Яна. – Ну пожалуйста, я сейчас умру со смеху. Я, видимо, патологически ревнива.

Этой ночью я спал так крепко, как никогда прежде, даже не заметил, когда проснулась Яна и выбралась из-под моего бока. Зато когда спустился на кухню, был приятно удивлен аппетитным запахом омлета. Последний и единственный раз, когда я ел что-то приготовленное Яной, была пицца в самом начале нашего знакомства.

– Доброе утро. – Яна обхватила руками мою шею, буквально повиснув на мне, и одарила целой серией коротких поцелуев.

– У тебя такие сладкие губы, – в перерывах между поцелуями сказал я.

– Ха, еще скажи, как мед, – тихонько рассмеялась прямо мне в губы. – Садись есть, а то не успеешь. И так проспал

уже.

Завтрак был великолепным: нежный, воздушный омлет таял во рту, обжаренные помидоры давали кислинку, а колбаса хоть как-то гасила аппетит. Ведь, несмотря на вкус, на одних яйцах с молоком далеко не уедешь.

– А у тебя какие планы на сегодня? – поинтересовался у нее.

– Надо к Лексе съездить, – потупив глаза, произнесла она.

– Она знает о твоей беременности?

– Нет! Никто не знает, кроме отца и Вики. Ты же говорил.

– Хорошо, общаться с ней, несмотря на то, что я против, ты все равно не перестанешь, – вытянул вперед ладонь, давая понять, что мне нужно закончить мысль. – Поэтому просить тебя об этом я не стану, но, Яна, будь аккуратней с ней. Я не знаю, что у нее на уме и, узнав о детях, она может учудить все что угодно.

– Это потому, что она в тебя влюблена, да? – тихонечко уточнила, словно боялась говорить об этом вслух.

– Яна, это не влюбленность, это маниакальная, патологическая даже, одержимость. С самого детства, – добавил и, чтобы не портить такое прекрасное утро, поднялся, обошел вокруг стола и, наклонившись позади Яны, откинув ее волосы, начал покрывать шею поцелуями. – Я сегодня приеду не позже трех, надеюсь тебя здесь застать. Или... слушай, а давай пересечемся в городе и наконец-то с тобой куда-нибудь сходим.

Яна, повернув голову, поймала мои губы и после долгого, выворачивающего все нутро поцелуя, радостно улыбнувшись, ответила:

– С удовольствием.

Днем мы встретились и, пообедав в кафе, пошли в кино, как бы неожиданно это ни было, а после гуляли по Москве до самой ночи. Мы не переставая разговаривали, обменивались шутками дурачились и целовались. Мне было невероятно легко рядом с ней, лишь единственная тема – цвета моих глаз и родителей – заставила напрячься.

– Яна, давай когда-нибудь потом расскажу. Сейчас не особо готов.

Она посмотрела на меня своими светдо-зелеными глазами, кивнула и, поглядев по сторонам, с задорной улыбкой тут же разрядила обстановку.

– Хочу мороженое.

Вот и все. Моя жена хотела мороженого. В конце октября, и с этим не поспоришь, поэтому надо исполнять.

До клана в тот вечер мы так и не добрались, даже в мою городскую квартиру не поехали, просто, постоянно обнимаясь и целуясь, завалились в первую попавшуюся гостиницу. Я был готов взять ее прямо в лифте, до сих пор поражен своей выдержке.

Так и повелось: мы гуляли, ходили в кино, кафе. Луна, я подростком такими глупостями не занимался. Отношения между нами были легкими и простыми. Мы не вспоминали

о том, что было, и не говорили о своих эмоциях и чувствах. Старались обходить эту тему, потому что я не знал, что сказать, как облечь в слова то, что испытывал, если и сам до конца еще не разобрался в этом. Почему молчала Яна? Возможно, тоже не знала, что сказать, да и зачем, если и так все было прекрасно.

Назимов поправился окончательно, и теперь уже ничто не напоминало о его беспомощности. Он наконец-то встретился с Татьяной, и ничего хорошего из этого не вышло. Понятия не имею, что она ему такое сказала, но содержать ее стали еще строже, а Назимов и вовсе превратился в железяку, оттаивая только рядом с Яной. Лекса устроила отцу бойкот и не общалась с ним по сей день.

Яна же с каждым днем менялась, становилась более домашней, что ли. Несмотря на плохие приметы, уже объездила почти все детские магазины. Она стала еще красивее, если такое вообще возможно. Особенно когда прикладывала ладони к своему по-прежнему маленькому животику, уже не такому плоскому, как раньше, но, на мой взгляд, все еще слишком худому для двойни. Когда ее никто не видел, она тихонечко поглаживала живот и что-то бормотала, а в последнее время и вовсе выглядела весьма сосредоточено и задумчиво.

– Игнат, – донесся издали слегка визгливый голос Яны. Я сидел в своем кабинете, который когда-то принадлежал Денису. Спешно встал из-за стола и поспешил проверить, все

ли в порядке, ведь так боялся за Яну и наших детей.

Но не успел открыть дверь, как на меня просто налетел целый ураган в виде моей маленькой жены. Она, улыбаясь, запрыгнула мне на руки, как обезьянка, обняв руками и ногами, и принялась тараторить.

– Я все думала, глюки или нет... оказалось, что это оно, а Мари все рано-рано...

– Ян, ты о чем?

Только девушка меня, казалось бы, не слышала и продолжала тараторить.

– А я права, Игнат! Права-а-а! Сам послушай, ну же, – отстранившись, слезла с меня, – потрогай.

Я не понимал происходящее еще пару секунд, пока она не взяла мою ладонь и не положила к себе на живот.

– Ты что, их уже чувствуешь?

– Пару дней как, а сегодня было пря... ой, – радостно посмотрела на меня, – вот так.

А я стоял как замороженный, смотрел в ее глаза и не верил, не верил тому, что чувствовал. Маленький толчок под подушечками моих пальцев, даже не толчок, а намного, намного слабее, словно живот Яны зажил собственной жизнью и сам по себе взял и невесомо прикоснулся к моей руке в одном-единственном месте. Так по-воздушному легко, а рука теперь огнем горела, и покалывало, потому что хотелось еще. Я даже на дату посмотрел. Календарь, висевший на стене возле двери, показывал первое декабря. Первый день зи-

мы принес мне самое теплое событие в моей жизни.

А еще через три недели, почти перед самым Новым годом, мы вместе пошли уже на третье УЗИ. Мари что-то щелкала, замеряла, записывала, а мы с Яной не отрываясь смотрели в экран, где было видно малышей. Один сосал палец, а второй... что со вторым?

– Он икает, – успокоила нас Мари.

Яна тихонько засмеялась и крепче сжала мою ладонь. Да, видимо, когда дело касалось моих нерожденных детей, я был словно открытая книга, бери и читай любую эмоцию.

– Ну в общем-то, я все, что надо, посмотрела. Все показатели хорошие, да и Янины анализы пока отличные. Она намного лучше других полукровок переносит беременность, я думаю, сказывается то, что ты, Игнат, все время рядом, дети чувствуют твою силу и успокаиваются, – сказала Мари, обтирая салфеткой аппарат УЗИ.

Я тоже поднялся, взял бумажные полотенца и начал промакивать гель на Янином животе. Такое простое действие в то же время было настолько интимным, что даже Мари как врач была здесь лишней. Яна тоже это почувствовала и, смущенно улыбнувшись, поднялась, опираясь о мою руку, и, одернув вязаное платье, пошла к кушетке одеваться.

– Удачные фотографии УЗИ я вам, кстати, сделала, – перевел взгляд обратно на врача, – пол узнать не хотите?

– А что, видно уже? – Янины глаза загорелись еще ярче, только разве бывает настолько ярко?

Она уже привела себя в порядок и обутая стояла возле меня, опять крепко ухватив мою ладонь. Я бережно приобнял ее за талию и обратился к Мари:

– Еще как желаем.

– Один ребенок развернут, так что как я ни смотрела, так и не увидела, а второй... вторая девочка.

Мари улыбнулась, а Яна ахнула и приложила ладонь к животу.

– Девочки, малышки. Мари, спасибо тебе! Мы можем идти?

Волчица ей кивнула, а жена потащила меня на выход, я еле успел схватить с кушетки позабытую ею шубу.

Уже на улице поймал кружившуюся на одном месте под хлопьями белоснежного снега сумасшедшую девчонку и укутал в теплый мех. Прижался к ней со спины и глубоко вдохнул ее аромат. Она откинула голову мне на плечо и начала часто моргать из-за снежинок, падавших на лицо. Потом вовсе прикрыла глаза и выдала ну очень непонятную вещь, до которой только женщина могла бы додуматься.

– Ты расстроился?

– Что за глупый вопрос?

– Ты, наверное, наследника хотел, а тут девочка. Две девочки!

– Ну вообще-то, это еще не точно. Второй же прячется, так что он запросто может оказаться пацаном, просто очень стеснительным.

Яна открыла удивленные глаза и повернулась ко мне лицом. С минуту что-то обдумывала, не отрывая от меня своих дурманящих разум глаз, и серьезным тоном начала меня поучать:

– Игнат, не хочу тебя расстраивать, но у нас однайцевые близнецы, а они просто не могут быть разнополыми. – Видимо, заметив, что совсем меня не убедила, она выдвинула еще один аргумент: – Они от одного сперматозоида произошли!

– Действительно аргумент, – мягко улыбнулся и переместил руки с ее талии на плечи, – пойдем домой. Погода хоть и прекрасная, но лучше не мерзнуть лишний раз.

– Игнат! – Она походила на обиженного ребенка. – Такое возможно, только когда неправильные хромосомы, я как-то про такое читала, болезнь, это ненормально.

– А оборотни – это нормально?

Она буквально зависла, приоткрыла рот, затем опять закрыла, похлопала глазами, а я не стал ее дальше мучить, подтолкнул вперед и пояснил:

– Дети у нас бывают редко, близнецы еще реже, они всегда однайцевые, и поверь мне, бывают и разнополые, наверное, пять таких пар я точно знаю. Пошли уже, – поторопил я ее, когда она, обдумывая мои слова, встала как вкопанная. – На следующем УЗИ проверим.

Но мы так и не узнали ни через месяц, когда специально для этого ходили к Мари, ни на следующем плановом в тридцать недель; малыш так и не показал свою половую при-

надлежность. Яна сделала свои выводы и принялась скупать все девчачье. Весь дом, казалось, наполнился, розовым, воздушным и плюшевым безобразием.

На новогодние праздники к нам приехала счастливая Ви-ка, переполненная впечатлениями от жизни и учебы в Европе. Восторг и переполняющие ее через край эмоции просто текли рекой. Яна провела с ней все праздничные дни и буквально сутки напролет была рядом. А когда белая волчица уехала, она проревела два дня подряд.

Следом нам преподнесла сюрприз Лекса, которая через два дня пришла в гости с новогодними подарками. Провела с нами целый вечер и, уже уходя, с улыбкой на лице, но вполне серьезным тоном пожелала нам гореть в аду со своими телячьими нежностями. «А я больше ни дня не выдержу вида ваших постных мин, потому и уезжаю на пару месяцев к подруге в Америку». Отправила воздушный поцелуй и скрылась за дверью.

Яна опять рыдала, а я наконец-то успокоился. Ведь по-прежнему подсознательно ожидал чего-то плохого от Назимовой, подлость все же у нее в крови. Тем более та до сих пор не знала о Яниной беременности, небольшой живот позволял это скрывать ото всех. Пока.

Просидев пару дней дома в расстроенных чувствах и что-то обдумывая, Яна приняла решение начать обустроить детскую. У нее как будто включился режим гнездования.

Месяца полтора я радовался, что она не грустит и на-

шла себе занятие по душе. Но когда с каждым днем в доме стало появляться все больше откровенно ненужных вещей, я позвонил тестю. Теперь Реброва я называл только так. Он бесился, Яна смеялась, а я мстил. Мстил за то, что тот не известил меня о беременности своей дочери сразу, как узнал. И каждый раз получал глубокое моральное удовлетворение при виде его перекошенного лица, словно тому подсушили вегетарианский ужин.

Олег то приезжал, то уезжал, с каждым его приездом Яна делила между нами весь свой неограниченный поток заботы. И мне становилось значительно легче. Яна была идеальной женой, но порой ее забота начинала душить, этакая курица-наседка, которая иногда перебарщивала. Но это были такие мелочи, что я с легкостью закрывал на них глаза. Главное, она рядом. Не стремится от меня закрыться или убежать и в то же время не требует от меня такой же открытости и искренности. Пока я не был готов ей этого дать. Но каждый толчок наших детей или острый локоточек, упирившийся в ее живот, заставлял мою душу выворачиваться наизнанку. В такие моменты безумной, просто невозможно щемящей сердце нежности меня легко можно было вывести на откровенность, но Яна этого не делала, за что я был ей особо благодарен.

Но, как говорится, всему хорошему когда-либо приходит конец. Наступил март, и в город вернулась Лекса, желавшая непременно увидеться со своей подружкой. Вот в этот мо-

мент, пожалуй, мы и поругались первый раз за все это время. Яна настаивала на своем, а я просто не разрешил ей выезжать за территорию поселка и был таков. Предварительно запретил приезжать Лексе, естественно, в обход Назимова.

Прошла пара недель, Яна успокоилась, по крайней мере, я так думал. И то ли я слишком расслабился, то ли она стала хитрее, но пришедшая СМС от Яны «Прости. Ты был прав. Я с Лексой и она неадекватна» стала для меня полнейшей неожиданностью. А когда я запеленговал вставленный в обручальное кольцо маячок, по спине пошел холодный пот.

Глава 26

Яна

Я всю последнюю неделю вела себя как суперпослушная жена, и меня это порядком достало.

Все прожитое с Игнатом время я старалась быть хорошей супругой, по крайней мере, в собственном представлении. И мне это нравилось. Мне нравилось ухаживать и заботиться о нем. Нравилось готовить для него и обустраивать наш дом, заполняя его кучей всяких милых сердцу ненужностей. Я несколько раз меняла дизайн детской вместе со всей мебелью, но каждый раз неизменным оставалось то, что она была девчачьей. Ну хоть убей меня, я не верила, что второй малыш может оказаться мальчиком.

Меж нами царили мир и взаимопонимание, и все было прекрасно, за исключением живота, который, раньше почти незаметный, месяц назад начал расти как на дрожжах.

Он стал просто огромным, сидела я теперь только полулежа, подложив под спину несколько подушек, ибо сидеть под углом в девяносто градусов стало невозможно. Подъем по лестнице и тот стал проблематичным, начиналась одышка, и сразу жутко хотелось пить. В чем, к слову, я была категорически ограничена: не более полутора литров в день. Мари установила за этим строгий контроль. Потому что мы еле

справились с постоянными отеками рук, ног, лица, даже мои не особо пухлые губы по утрам были настоящими варениками. А все из-за того, что пила как лошадь на водопое, много и постоянно, и до поры до времени почки справлялись с таким напором, а потом, видимо, сказали: «Хватит над нами издеваться».

А шевеление деток?! Это же отдельная история. Причем я реально начинала задумываться, может, один из них и правда мальчик? Ни с кем этими мыслями не делилась и тут же отгоняла их прочь. Но уж больно были разными наши малышки, даже лежа в животике. Одна тихая, спокойная, иногда упирающая в меня свои пяточки-коленочки-локоточки. Другая же постоянно путешествовала по животу, ну точнее, по своей части живота. И как ей только места хватало, не переставала этому удивляться.

И вот две недели назад приехала Лекса, честно признаться, я очень по ней скучала, поэтому с нетерпением ждала ее возвращения. А Игнат уперся рогом и не отпускал меня:

– Ты ее знаешь всего ничего! Как ты можешь быть уверена в ней? – уже повышал голос он. – Пока она не знает, что ты беременна, риск минимален.

– Да какой риск? С чего бы ей мне вредить?

– А сама не понимаешь?

– Знаешь, – подошла к нему вплотную, ткнув пальцем в грудь, – она хоть и влюблена в тебя, но все же не забывай, что ты не центр вселенной и не пуп земли. А из Лексы не стоит

делать монстра только потому, что ты ее недолюбливаешь.

– Да причем здесь моя любовь или не любовь? – Игнат глубоко вздохнул и, взяв меня на плечи, размеренным тоном произнес: – Лекса чересчур эксцентричная особа, которая может выкинуть что угодно. И я до сих пор не уверен, что она не причастна к попытке свести в могилу Назимова.

– Да как ты можешь? – Я искренне не понимала его. – Он же ее отец, зачем ей это, да и вообще! – взмахнула руками. – Даже осмысливать не хочу такие глупости.

Игнат отпустил меня и тут же ухватил за подбородок.

– Яна, ради наших детей, не делай глупостей, доверься мне...

Да как он смеет? Давить на самое важное. Злобно прищурилась в попытке донести до него свой настрой, но он лишь слабо улыбнулся и начал гладить большим пальцем мою губу. «Была-не была».

– Черт с тобой...

И я затаилась, первые несколько дней еще ныла с просьбами отпустить меня в город, с каждым днем все реже и реже. Специально! А потом и вовсе замолчала, превращаясь в улучшенную копию себя. Только вот когда что-то делаешь не по-настоящему, оно быстро надоедает.

И вот сегодня я поняла, что все, хватит. Ко мне как раз зашла Оля, уточнив, все ли я купила, для ребенка, так как ей нужно в детский магазин. Она, само собой, ничего не знала о моем заточении. Поэтому ее предложение стало для меня

манной небесной и прекрасным шансом свалить. Волки на КПП даже не стали проверять ее машину, мы же выезжаем, а не наоборот.

Все складывалось лучше не придумаешь, я походила с ней по магазину, прикупив уже пятый мобиль для кровати и оставив его у нее в машине, распрощалась с ней, сославшись на внезапные дела.

В кафе неподалеку меня уже ждала Лекса. И я была этому просто безмерно рада.

Она выглядела отдохнувшей и очень загорелой. Только вот ее широкая улыбка завяла, стоило ей меня рассмотреть.

– Неожиданно, – коротко бросила она.

– И очень неудобно, – попыталась отшутиться, присаживаясь на соседний стул в жутко неудобное положение: живот почти доставал до подбородка.

– Еще бы... – Она неопределенно развела руками. – Ты, я так полагаю, на сносях? – и, не дав ответить, продолжила: – Я ведь практически поверила, что ты и правда особенная, раз он женился. А ты просто залетела. О луна! – Лекса начала смеяться и, налив полный бокал минеральной воды осушила его залпом. – Не могло все быть настолько просто, – процедила она сквозь зубы.

– Лекса успокойся, – с трудом смогла вклиниться в ее речь и тут же была перебита.

– Да я спокойна, черт возьми! Мне срочно надо выпить. Поехали ко мне!

Она поднялась со своего места, кинула крупную денежную купюру на стол и, схватив меня за руку, потащила на выход. Несмотря на свой не слишком ласковый настрой, тащила она меня довольно бережно, что просто не могло не радовать.

В машине мы молчали. От Лексы исходила аура злобы. А я забыла обо всем, что хотела ей ответить, когда наткнулась взглядом на ее новый браслет, украшавший запястье руки, лежавшей на руле.

Он был деревянным и до странного похожим на мой кулон. Будто мое по-прежнему любимое украшение размножили и нанизали на леску.

Сглотнула внезапно образовавшийся ком и тихо-тихо спросила:

– У тебя новый браслет?

– Я думала, ты скажешь что-то в свою защиту или оправдание, – хмыкнула Лекса, не повернувшись.

– Почему это я должна защищаться и тем более оправдываться перед тобой? – недовольно пробурчала, стараясь скрыть волнение. – И у меня всего лишь тридцать первая неделя, до положенного срока еще девять.

– Да ты гонишь! – Она повернулась ко мне. – Ты похожа на бочку на ножках.

– Близнецы, – вяло отозвалась, – ты за дорогой лучше следи.

– Что? За потомство переживаешь?

– Прекрати! – прикрикнула на нее и более спокойным тоном повторила вопрос: – Лучше расскажи про браслет.

– Да что про него рассказывать? – Она круто вывернула руль, заворачивая на парковку. – Ему тысяча лет в обед. Мамин подарок. Пошли.

Пока я, кряхтя, пыталась выбраться из машины, Лекса успела ее обойти и, подав мне руку, помочь.

– Спасибо.

– Не распускай сопли! И так бесишь.

По традиции мы сразу поднялись на любимую крышу Лексы, я села в кресло-качели и, укрывшись теплым пледом, прикрыла глаза в попытке перевести дыхание.

Лекса вернулась чуть погодя вместе с пивом, присела рядом и протянула мне бутылку. Я приоткрыла один глаз, чтобы убедиться в действительности происходящего.

– Что? – притворно возмутилась она. – Безалкогольное так, что бери.

Я открутила крышечку и потянулась закинуть её на стол.

– Ле-е-екса? – Увиденная картина меня не то что удивила, она выбила меня из колеи.

– Что такое, дорогая?

– Зачем ты принесла сюда эту штуковину?

На столике помимо нескольких бутылок пива и всяких вкусняшек к нему лежал пистолет. Причем, как по мне, так на вид он был самым настоящим.

– Пожалуйста, скажи, что это твоя новая зажигалка, ну

или старая... – Задумалась. – В каких там годах такие модными были? Ты наверняка уже курила тогда.

– Яна, я тебя обожаю, – засмеялась она, повернулась ко мне, стукнула своей бутылкой о мою и сделала несколько глотков залпом. – Это настоящий пистолет, на который и разрешение имеется, и обучение по стрельбе я проходила. Пристрелить бы тебя, так ты во-о-он какое пузо отрастила.

– Мне не нравятся твои шутки. – Я поежилась и отпила чуть-чуть из бутылки, газы ударили в нос и я закашлялась.

– А я и не шучу, – задумчиво прошептала она, глядя вдаль, на крыши домов. – Стоит только представить, что он выбрал тебя, а не меня, сразу хочется кого-нибудь убить. Радовало одно, что он и правда к тебе что-то чувствует. А получается, что ты его попросту на себе женила. Вот скажи, чем тогда ты лучше меня?

– Ничем, Лекси, за исключением того, что он даже в день свадьбы не знал о детях, хочешь верь, хочешь нет.

Лекса молча потянулась за второй бутылкой. И когда только успела осушить первую?

– Сними браслет.

– Да что ты к нему прицепилась? – вскрикнула она.

Я не знала, что ей на это сказать и в праве ли я вообще говорить такие вещи. Может, хватит того, что я и так рассказала ей о преступлениях Татьяны? Зачем заставлять ее разочаровываться в собственной матери еще больше? Эти вопросы роились в моей голове, так же, как и вопросы, зачем она

притащила сюда пистолет.

– Яна?

– Да?

– Что ты знаешь о браслете?

– Ничего, он просто мне не нравится.

Она резко повернулась ко мне и схватила за руку.

– Говори. – Она сжала свою руку сильнее и мне стало больно и страшно... стоило только заглянуть в ее наливающиеся гневом глаза.

Наверное, мне надо было остановиться и заткнуть рот пока не поздно, тогда, возможно, сложилось бы все иначе. Кажалось бы, чего мне стоило промолчать, сделать вид, что я ничего не знаю.

Но я будто в трансе наблюдала за собой как со стороны. Вот моя рука тянется к шее и достает из-под кофты деревянное украшение, вот мои губы открываются и звучит вопрос:

– Не узнаешь?

– Откуда у тебя Машин кулон? – И без того большие голубые глаза Лексы теперь напоминали блюдца.

Из нее получился этакий филиппинский долгопят. Милый зверек с огромными глазами, увидев которого однажды, пусть и на картинке, забыть потом невозможно. Проведя между ними параллель, я не сдержалась и засмеялась. Наверное, это был верный признак истерики, как знать. Но после этого меня как будто прорвало. Ведь на эту тему я не говорила ни с кем, даже с Игнатом. А Лексе я все выложила,

как на духу. И про свою мать, которая презентовала мне такую чудо-вещицу, а затем отчалила в туман. И про Татьяну, которая принимала в этом несомненное участие, и свои догадки, что именно Майя сделала эти браслеты.

– Может, она их в химикат какой окунала, или внутрь что-нибудь засовывала. – Я развела руками и продолжила сыпать своими догадками. – Ты бы видела ее погреб, можно подумать, что очутилась в избушке, которая ко мне передом, а к лесу задом, ну или наоборот. По крайней мере, Маша точно обернулась, раз смогла как-то воздействовать на Кристину. Я не снимаю, боюсь проверять что-то на себе, пока беременна. Как-то так, – подвела я итог, допивая остатки на дне бутылки.

Лекса слушала мой рассказ не перебивая, очень и очень внимательно, а потом пришел ее черед смеяться. Она подскочила с места, принялась расхаживать по крыше в разные стороны, смеялась и одновременно плакала.

А когда опять подошла ко мне и присела на низкий столик, ее вид пугал: смотрит в никуда, на лице замерла холодная и неживая улыбка. А то, что она начала говорить дальше, ровным спокойным голосом, было поистине ужасно.

– Знаешь, а я ведь не меньшее чудовище, чем моя мать. – Она продолжала смотреть в сторону, и разговаривала словно не со мной. – Я так сильно хотела Игната, с самого детства, почти сразу, как он появился в нашем клане. Я никого и ничего кроме него не замечала, а он все свое время проводил

с Машей, потом встречался с моей лучшей подругой Ксюшей... потом были другие девушки и женщины, но он ни к кому больше так серьезно не относился. А меня даже в койку к себе не пускал, – наконец-то она перевела растерянный взгляд на меня, – ты даже не представляешь, что я только не делала. Ноль. Только ноль. – Она вскрикнула, обняла себя за плечи и, подняв голову, на этот раз к небу, прикрыв глаза, тихонечко заплакала.

Я не сдержалась и, встав с места, попробовала ее приобнять, но блондинка начала покачиваться из стороны в сторону и плакать еще сильнее.

– Ты не понимаешь, – доносилось сквозь всхлипы, – я чуть родного отца не убила.

– Лекса, что ты такое говоришь. Тебе надо успокоиться.

– Я говорю то, что есть на самом деле. – Она вытерла слезы и посмотрела мне прямо в глаза. – Конечно, мама убедила меня, что он не умрет, а просто ослабнет и вынудит Игната жениться на мне.

Я охнула, прикрывая рот ладонью, а в следующую секунду почувствовала, как прихватило живот, не сильно и не больно, просто довольно ощутимо, он окаменел и так же быстро расслабился. Я поспешила приложить вторую руку на живот, поближе к своим малышам, и, видимо, разозлила этим Лексу. Она недобро улыбнулась.

– Что, уже боишься? А знаешь, – она поднялась с места, отошла чуть поодаль и, повернувшись ко мне спиной, глядя

на горизонт, продолжила свой рассказ, короткими и отрывистыми фразами: – Только вот я не настолько наивна и глупа и прекрасно догадывалась, что подсовываю ему смертельный яд через Ксюшу. Но все же до конца не признавалась самой себе в этом.

– Это ты ее?

– Что? – Она повернулась, и мне стало страшно, ее глаза блестели сумасшествием, сейчас она была очень похожа на свою мать. Пугающе похожа. – Ты о Ксюше? Нет, конечно, нет, я до последнего не знала, что отцу настолько плохо. Он держал лицо постоянно, при всех. А однажды мы поругались из-за мамы, и он не смог встать с кресла, точнее, смог, но держать маску на лице, испытывая боль, не смог. Я тогда испугалась и сбежала, ушла в загул на несколько дней, – она начала громко смеяться, – и вот пока я пьянствовала, Игнат собрал своих людей, которых оказалась чуть ли не половина клана, приволок тебя, – ткнула в меня пальцем. – Испугалась не только я, но и врач отца, он был в сговоре с моей мамой, и это он устранил Ксюшу. Сука!

Я почувствовала, как живот сжался опять, и, охнув, обхватила его уже двумя руками. Лекса заметила мой жест.

– Вот только не начни здесь рожать, ты же меня убеждала, что тебе еще ходить и ходить. – Она буквально выплюнула эти слова.

– Лекса, успокойся, – сказала размеренным тоном, пытаюсь ее не провоцировать.

– А не надо меня успокаивать, слышишь?! Вечно Лекса плохая, так чем ты лучше? Сучка лживая, это хоть его дети? Или опять обманула? И там один ребенок? – Она неопределенно махнула рукой в сторону моего живота.

– Ты говоришь ерунду, Лекса!

Я больше не могла оставаться спокойной и всерьез жалела, что не послушала мужа. Как же он был прав. Странно, почему-то именно в этот момент мне пришла в голову мысль, что и на счет пола второго ребенка он тоже прав. Совсем не к месту мысль и не вовремя. Живот опять начало сжимать, только в этот раз уже ощутимо, боль прострелила сначала позвоночник и, скрутив поясницу, разлилась волнами к низу живота. Я постаралась сдержать лицо, приподнялась и уперлась руками в бока.

Как только Лекса отвернулась, я достала телефон из кармана плаща (как же хорошо, что я не переложила его в сумку) и на максимальной скорости начала печатать сообщение Игнату. Лекса очень не вовремя обернулась, ее глаза зажглись злостью, и я поспешила отправить пусть и незаконченное сообщение. Не знаю, успела я или нет, но в следующую секунду Лекса оказалась рядом со мной, яростно выхватила из моих рук телефон и кинула его в сторону ограждения.

Телефон благополучно полетел вниз с высоты, а я только сейчас обратила внимание на хлипкость и ненадежность этого ограждения. Уж больно оно низкое и, в общем-то, ни-

какое!

Назимова проследила за моим взглядом и улыбнулась, очень нехорошо так улыбнулась.

– Что, боишься? – спросила она, провоцируя.

И у нее получилось. Я не на шутку испугалась. Не соображая, что делаю, повинуюсь мимолетному порыву, нагнулась к столику и схватила пистолет.

– Не подходи, – неумело направила на Лексу оружие и, обойдя столик, начала пятиться.

– Яна, не глупи, – усмехнулась Лекса, но по ней было видно, что она приосанилась и черты лица у нее заострились, делая его более хищным.

Я же отвлеклась на все усиливающуюся боль в животе, даже не поняла, в какой момент она оказалась рядом со мной и принялась оттеснять меня в другую сторону.

Мы двигались в заданном ей направлении, пока я не почувствовала, как уперлась ногами в ограду и не остановилась, Лекса же сделала еще один маленький шагок в мою сторону и уперлась животом в дуло пистолета.

– Стреляй, – спокойно сказала она.

– Отойди, – мой голос дрожал так же, как и руки.

– Стреляй! Иначе я тебя скину. – Она положила руку мне на плечо. – Ты же понимаешь, что для меня это что раз плюнуть.

– Лекса, успокойся, пожалуйста. – Я поморщилась из-за новой волны боли внизу живота и попыталась воззвать к ее

разуму. – Ты просто перебрала и не ожидала, вот и результат. Отойди. Тебе нужно отдохнуть и проспаться.

Из ее глаз выветрился хмель, а вот злости в них, увы, не убавилось. «Яна, дура, что же ты говоришь?»

– Даю тебе один-единственный шанс.

Она говорила абсолютно спокойно и выглядела довольно решительно. Приблизилась еще ко мне и тихонечко подтолкнула, по-прежнему держа за плечо.

– У тебя семья, подумай. Яна, это же всего лишь самооборона, так же как с Майей, только теперь ты еще и своих щенков защищаешь. Давай!

– Ты бредишь! – По моим щекам во всю текли слезы. – Ты бредишь! – заорала я что есть мочи.

– Стреляй! – Она вторила моему крику.

– Не буду! – В этот раз у меня получилось еще громче, потому что я выплеснула боль от очередной схватки. Да, надо быть честной самой с собой и признать, что у меня начались роды в такой неподходящий момент. – Не буду, Лекса! Хочешь – толкай, не знаю, сможешь ли ты себе это простить, но я точно не стану в тебя стрелять.

Я почти выпустила пистолет из рук, только Лекса не дала мне этого сделать, обхватила мои руки своими, и раздался щелчок.

– Ты не сняла с предохранителя, – пояснила она совершенно спокойно, – жаль, что ты похожа на свою мать больше, чем я думала.

Она улыбнулась и судорожно облизала губы, по ее щеке скатилась слеза, а следом раздался звук выстрела.

Я непонимающе опустила взгляд и увидела, что мы по-прежнему вместе держали пистолет и даже на курке поверх моего пальца был ее палец.

– Лекса...

Боже! Боже! На ее животе расплзлось алое пятно, а руки ослабели и отпустили мои. Я откинула в сторону ненавистное оружие и поспешила подхватить девушку, которая плавно начала оседать.

– Милая... Лекса, что же ты...

Опустила ее на бетонный пол и села рядом с ней. На корточки мне было нельзя, поэтому опустилась прямиком на пол.

Все происходило словно во сне или в какой-то параллельной реальности. Не со мной! Не с ней! Не с нами!

– Лекса, где твой телефон?

Я шарил по ее карманам, а она молча смотрела на меня и улыбалась.

– Сделай его счастливым, обещай...

– Ты глупая, что ли?! Где твой телефон? Нужно вызвать скорую, нет, лучше позвонить Мари и Игнату. Лекса, где твой телефон?

– Яна, обещай!

– Не нужно мне тут прощальных речей, Лекса. – Я посмотрела на ее живот и услышала собственный всхлип, кро-

ви становилось все больше и больше.

Ситуация и правда была почти такой же, как и с Майей.

– Лекса, нужно срочно вызвать помощь, ты же сильная полукровка, Лекса, милая, почему так много крови?

Я прижимала ладони к ее животу, пытаюсь остановить красный поток хоть так, даже не замечая того, что меня саму скручивало от боли.

– Яна, – тихо произнесла Лекса, и я заметила, как она побледнела. Девушка облизывала губы и все тише и тише обращалась ко мне. – Обещай, что будешь самой лучшей женой и сделаешь его счастливым!

– Лекса, какие глуп...

– Обещай!

– Обещаю! Обещаю! Только успокойся, пожалуйста, и скажи, где твой гребаный телефон!

– И пообещай мне, что отойдешь в сторону, если он встретит свою пару. – Она ненадолго замолчала и, как-то хлюпнув, продолжила: – Не будешь... держать его... детьми и ставить палки в колеса... просто отпустишь его... Яна?

– Да, Лекса, я обещаю.

Мой голос звучал беспомощно, да и саму себя я ощущала абсолютно никчемной. А все потому, что поняла, откуда был булькающий звук – изо рта Лексы начала течь струйка крови, напор которой с каждой секундой становился сильнее.

– Лекса! Лекса!

Пока я с ужасом смотрела на ее рот, она закрыла глаза и

отключилась. Нет! Нет! Она не могла умереть! Не сейчас! Не так! Не рядом со мной! Да и без меня! Она не может. Слезы вовсю застилали глаза, и я, слабо соображая, что делаю, стучала ее по щекам и груди.

– Лекса, милая моя, хорошая. Не шути так со мной, открой глаза, слышишь? Открой глаза, я тебе говорю! Хватит! Очнись! Ну же! Лекса, как же я без твоих шуток, как же я без тебя, как же Николай Александрович, не подводи его... – Мой голос с крика и визга скатился до шепота и каких-то бессвязных причитаний.

Я не замечала, ничего вокруг и не чувствовала больше ничего, даже боль в животе была какой-то несущественной.

– Яна! Яна, – словно через вату, послышался голос Игната. Он прижимал меня к себе со спины, надо же, а я даже не почувствовала тепло его рук.

– Помощь едет, Яна, успокойся, тебе нельзя волноваться, иначе... Яна? Почему так мокро...

Я растерянно посмотрела вниз на бетон, на котором сидела и по которому сейчас водил рукой Игнат. Там была лужа не из крови, а из простой прозрачной жидкости.

– Кажется, у меня отошли воды, – отстраненно произнесла я.

– Что?

– Не кричи, пожалуйста, – всхлипнула, я не могла смотреть на бездыханное тело Лексы и пыталась нащупать пульс, а крики Игната мне очень мешали. – Ты вызвал помощь? –

Он кивнул, а я отметила, что ко мне начало возвращаться рациональное мышление.

Пульс еле слышный, но был.

В следующий момент я вскрикнула от скручивающей боли.

– Игнат, у меня отошли воды! Совсем недавно, а схватки уже с час где-то.

Игнат подал мне руку и, опираясь на нее, я приподнялась, рассеянно глядя на внезапно появившихся на крыше волков, которые аккуратно перекладывали Лексу на носилки.

– Мари, у нее отошли воды и схватки уже час, да, хорошо, едем. Да не переживаю я. Спокоен! – Игнат скинул телефон и выругался в сторону.

– Спокоен, твою мать... Яна, пошли, моя хорошая, тебе нужно в больницу.

– А Лекса?

– Ее тоже повезли в больницу, поехали и мы.

Я кивнула и зашагала вслед за мужем, опираясь на его руку и тихо всхлипывая, чувствуя боль схваток, которые стали значительно дольше, чаще и болезненнее.

Неужели я совсем скоро увижу своих малышей? Луна, пожалуйста, пусть Лекса выживет, и день появления на свет моих малышей не ознаменуется ее гибелью. Пожалуйста. Пожалуйста. Всю дорогу до больницы я молилась, первый раз в жизни молилась луне, которой поклонялись оборотни.

Глава 27

Игнат

Я ехал к дому Лексы, нарушая все мыслимые и немыслимые правила дорожного движения. По пути позвонил паре ребят и для перестраховки отправил их по тому же адресу.

Как же я оказался прав. Дверь в квартиру Назимовой была не заперта, иначе бы выломал к чертям собачьим. В помещении стояла гробовая тишина, и я понял, что они опять наверху.

Ожидавшая меня на крыше картина была самой что ни на есть неожиданной. Яна плакала навзрыд и что-то причитала себе под нос, а рядом с ней лежала Лекса.

И опять кровь. Второй раз я находил Яну, и второй раз она вся в крови. Состояние у нее было, мягко говоря, неадекватное, она даже не заметила, как я появился. Перед ней было только бездыханное тело Лексы, которое она трясла и даже пыталась обнять, несмотря на большой живот, значительно ей мешающий.

Я вызвал наших дежурных врачей и почти не переживал; стоило мне только в самом начале увидеть здоровую Яну, как пружина, натягивающаяся внутри меня испарилась. Просто бахнула, а я вздохнул с облегчением, но ненадолго. Опустившись рядом с ней и попытавшись привлечь жену к себе, уго-

дил туфлями в лужу, состоящую из прозрачной жидкости. Вот тогда-то паника родилась во мне заново. Чувство тревоги пошло на второй круг, взяло меня в свои тиски и не отпускало.

Дыша через раз, позвонил Мари и, пытаясь следовать ее указаниям, еле оторвал Яну от Лексы. Как ни странно, как только приехали врачи, Яна сразу же успокоилась и стала задумчива.

Мы ехали в роддом молча, делая вид, что ничего не происходит. Правда, мне это давалось тяжело, особенно когда слышал ее тихие постанывания при каждой схватке и видел, как искажается в судороге ее лицо от накатывающей боли.

– Где Мари? – спросил у оборотня, встречавшего нас в родильном центре.

– Игнат Маркович, Мария мне звонила и просила позаботиться о Яне Олеговне, пока она не приедет. Пойдемте. – Врач было направился к моей жене, но, заметив, как я оскалился, остался стоять на месте и указал рукой нужное направление. – Роженицу нужно подготовить, и вам, Игнат Маркович, тоже нужно переодеться, если вы хотите быть рядом с женой.

– Что за глупые вопросы, конечно, хочу.

К нам подбежала молоденькая девочка, человек, забрала верхнюю одежду и убежала без следа. Поднявшись на второй этаж, этот отчаянный волк опять попытался увести мою жену.

– Лена, Катя! – прокричал он. – Где вообще кто-нибудь?
В коридор сразу выбежали испуганные девушки.

– Проводите нашего бету переодеться и умыться, – и опять попытался потянуть Яну на себя, – да отпустите вы ее, Игнат Маркович! – вскрикнул он и тут же поспешил успокоиться. – Вы же ей хуже делаете, как вы не понимаете? Ее надо подготовить перед родзалом, а времени и так нет.

Скрипя зубами и с тревожным сердцем отпустил Яну, которая перестала воспринимать происходящее. Как кукла, шла, куда скажут, делала, что скажут и тихонько охала, прикрывая глаза при каждой схватке.

Следующие двадцать минут тянулись для меня словно целая вечность. Молоденькие девочки, между прочим, волчицы (отметил это краем сознания), провели меня по коридорам в совершенно другое помещение. Никогда в жизни мое внимание не было таким рассеянным, я даже не запомнил дорогу и вряд ли мог найти обратный путь.

– Игнат, – навстречу вышла Мари, одетая в больничную форму, – успокойся, все хорошо.

– Мари, не заговаривай мне зубы, где Яна?

– Я уже посмотрела ее, раскрытие семь пальцев, так что если пойдет с такой же скоростью, то скоро родим. А ты сиди здесь. Нечего тебе там делать.

– Ты издеваешься? – Но, посмотрев на ее воинственное выражение лица, понял, что она не шутит. – Еще запри меня, – усмехнулся.

– Так и сделаем, если надо будет, разрешение Николая Александровича имеется.

Твою ж мать, его приказов только не хватало! Саданул кулаком о стену и попытался сосчитать хотя бы до пяти, чтобы успокоиться.

– Точно все в порядке? У нее же очень маленький срок.

– Маленький, но тридцать первая неделя для двойни не так уж и необычно, возможно, Яне будет даже проще. Знаешь же, что волчата всегда появляются на свет крупнее, чем человеческие дети. Так что за малышей не переживай, все жизненно важные органы у них уже сформированы, и вес, судя по последнему УЗИ, достаточный.

– Мари, не грузи.

Опустился в кресло и растер пальцами лицо. Все-таки нужно смириться с тем, что дальше меня не пропустят. В конце концов, Яна, когда мы с ней обсуждали ее роды, не раз заявляла, что не потерпит меня рядом с собой в такой момент.

– Ладно, я здесь побуду, но, Мари, надеюсь, уточнять не надо, что отвечаешь за них головой.

– Игнат Маркович, – обиженно возмутилась волчица и, резко развернувшись, покинула помещение.

Только сейчас осмотрелся, вполне такая комната для ожидания: несколько кресел, диванчик, стол, телевизор и кулер с водой. Большого и не нужно. Увидев воду, понял, что жажда меня мучила нешуточная, выпил залпом три стаканчика.

и наконец-то собрался с мыслями. Надо позвонить своему бете.

– Игнат, все плохо. – Эти слова я услышал вместо приветствия. – Она потеряла очень много крови. И обратиться, само собой, для запуска регенерации не может. Ивановский разводит руками, сюда бы Мари, но сам понимаешь.

– Жили же мы как-то без Мари, – зло выплюнул, – мы столько лет вкладывали огромные деньги в обучение наших врачей. И что толку, руками он разводит, передай ему, что если не Назимов, то я лично откручу его бестолковую голову, – потер переносицу, обдумывая. – Николай уже приехал?

– Еще нет. Звонил, устроил разнос. Я думаю, что скоро подъедет, даже не представляю, что будет, когда Лексы не станет.

– Су-ука!

В этот момент дверь распахнулась, и в помещение влетела перепуганная Мари. Я скинул вызов и посмотрел на женщину.

– Что?

– С Яной все в порядке, если, конечно, так вообще можно сказать о родах, – отмахнулась она. – Что с Назимовой? Яна постоянно отправляет меня помочь Лексе.

– Пулевое в живот, – налил себе еще один стаканчик и, осушив его, зло смял пластик и запустил в урну. – Ивановский говорит, что огромная потеря крови, вроде как сейчас идет операция, но шансов никаких.

Мари закусила сразу несколько ногтей и замолчала. То ли время тянулось слишком медленно, то ли она и правда молчала целую вечность.

– Это теория, – тихо заговорила женщина, – мне ни разу не представился случай проверить, но все же, – надо попробовать перелить ей кровь стопроцентного оборотня, желательного родственника.

– У нас же не усваивается чужая кровь.

– Это у нас! А полукровкам пробовали переливать или человеческую кровь, или таких же полукровок. Я изучала этот вопрос. Игнат, если шансов все равно нет, пусть попробуют. Только группу нужно ту же.

– Мария Владимировна, у нее уже потуги начались, – прокричал врач, встречавший нас, выражение лица у него, когда он просунул свою голову в дверь, было боязливым.

Мари кивнула мне и, беззвучно прошептав: «Все будет хорошо», поспешила к моей жене.

Пнул пару раз закрывшуюся за ней дверь, но, не получив удовлетворения, все же набрал номер Назимова.

– Родила?

– Пока нет. Николай Александрович, вы уже у Лексы?

– Захожу в лифт, – тяжело выдохнул тот.

– Дядя Коля, Мари предложила метод, ни на ком не опробованный, поэтому решать только вам, но вы же понимаете, что у Александры никаких шансов.

– Игнат, не трави душу. Что предложила эта неугомная

барышня?

– Переливание крови от чистокровного оборотня, можно вашу, если группа подходит, она говорит, что такого никто не делал. Я слышал, что нашим кровь не переливают, но Мари склонен доверять.

– Хорошо, я поговорю с врачом. Все, лифт приехал, до связи и удачи тебе, сынок.

Я грузно опустился в кресло, откинул голову на спинку и закрыл глаза. Сердце стучало с сумасшедшей скоростью, и, кажется, руки потряхивало мелкой дрожью. Я ни на миг не переживал за детей, уверенный, что с ними все будет в порядке. Я беспокоился за Яну, очень беспокоился, что ее слабый, не переродившийся организм, несмотря на благополучные прогнозы Мари, просто не справится с такой нагрузкой.

Не знаю, сколько прошло времени, десять минут, час, два или целый день. Вокруг меня словно образовался вакуум. Стояла мертвая тишина, и только мысли мои стали небывало громкими. В голове проносились картины тяжелого детства и беззаботной юности, набатом в голове стучало, что сейчас самый важный момент в моей жизни.

Дверь распахнулась, и заглянула счастливая молоденькая волчица.

– Игнат Маркович, все хорошо с детками и с молодой мамочкой тоже все хорошо.

Я тут же подорвался с места, но она меня остановила.

– Подождите еще минут двадцать, к ним пока нельзя. Де-

ток измеряют, моют, а мамочке послеродовые процедуры проводят. Вас позовут.

– Какой пол у малышей? – поспешил спросить, но то ли голос мой сел, то ли мысли не могли облечься в слова, я даже сам себя не услышал, девочка же прикрыла дверь и поспешила обратно.

Все напряжение разом схлынуло, и накатило чувство безумной эйфории. Когда меня, наконец-то, позвали, я сидел на месте и мечтательно улыбался. Мари только посмеялась и, похлопав меня по плечу, повела через коридор.

Яна лежала на кушетке, уставшая и измученная, но при этом безумно красивая. Мы встретились взглядом, и она обезоруживающе улыбнулась.

– Иди, поддержи сына, а то я хоть и понимаю, что девочек надо пропускать вперед, но все равно ощущение, что я его обделяю, и от этого сердце кровью обливается.

А я, как остолоп, продолжал стоять на пороге, и пытался сообразить, о чем же она меня просит. Еще раз оглядел палату и наконец-то заметил своих щенков, которых прежде своим необыкновенно-волшебным видом затмила Яна. Один малыш лежал на кушетке рядом с ней и, видимо, посасывал грудь, а второй был на руках у акушерки и постоянно причмокивал губками.

Я моментально сорвался с места, а когда девушка протянула мне ребенка, растерялся. Он был таким крохотным, плотно запеленутым, с большими мутно-серыми глазами и

смотрел на меня, хлопая своими пока еще короткими ресницами и как будто что-то понимал.

Сам не знаю, как он оказался у меня на руках. Будто всю жизнь только и делал, как практиковался в качании младенцев. Но он ощущался в моих руках безумно правильно, эта маленькая ноша стала самой важной в моей жизни.

Сын поморгал еще пару раз и сонно прикрыл глазки, разорвав тем самым наш зрительный контакт. Я поднял голову и встретился с изучающим взглядом жены.

– Уснул. – Мой голос звучал беспомощно.

– Ну вот, бедный мой, не дождался своей порции молозива.

– Чего?

– Не бери в голову. – Были бы у нее свободны руки, она обязательно бы ими взмахнула. – Ты оказался прав, – она кивнула в сторону ребенка, мирно спавшего на моих руках, – ума не приложу, что же теперь делать с абсолютно розовой детской.

– Так, – перебила нас Мари, – меняй детей, и я отнесу их в детское отделение.

– Зачем их куда-то уносить? – насторожился, передавая ребенка обратно медсестре, словно руку себе отрывал.

– Ну как зачем? А смотреть за ними кто будет? Яна хоть и справилась на отлично, но все равно обессилена. Ей отдых нужен, тем более вечер на дворе, щенки, да и вообще все детишки первые сутки практически постоянно спят.

Пока Мари проводила мне учебную лекцию, я наклонился к Яне и аккуратно забрал дочь. Удивительно, у детей были одинаковые лица.

– Они так похожи, – восхитилась Яна, поудобнее укладывая маленький сверток рядом с собой. – Только у него носик побольше. Ой! – Она тихонечко засмеялась. – Какой он старательный, не то что сестренка-лентяйка.

– Правильно, мужик же, хоть и маленький.

Яна засмеялась и продолжила рассматривать нашего сына, я же пытался разорваться и постоянно мотал головой, наблюдая за двумя одинаково потрясающими картинками. Наша мирно спящая дочь, и Яна, рассматривающая и воркующая над причмокивающим сыном.

Мы молчали, пока детей не унесли. Яне расставание далось с трудом, и я пообещал ей, что ночь проведу в детском отделении, после чего она успокоилась.

– Давай уедем, – поддался внезапному порыву.

– Куда?

– Куда-нибудь далеко, где не надо решать никакие дела, где никто не будет тебя красть у меня из подноса. Где мы сможем наслаждаться друг другом, что скажешь, Ян?

– Очень заманчивое предложение, и я обязательно его с тебя стребую, но не сейчас... – Я нахмурился, ожидая ответа, но в глубине души радовался, что она не приняла мое предложение, уж больно импульсивным был мой порыв. – Лекса... Николай Александрович, ты забыл? – Я и правда

забыл... – Мы сейчас не можем их оставить. И если и уезжать, то на необитаемый остров, только там тебя не будут доставать. – Она тихонько засмеялась.

А я понял, что это было не что иное, как способ разрядить обстановку и не думать о плохом. Но все же не мог не спросить:

– Она тебе чем-то угрожала?

– Нет. Нет. – Она замотала головой, стараясь донести до меня всю категоричность ее утверждения. – Она просто принесла пистолет, а затем меня напугала, ну я и схватилась за него, только даже с предохранителя не сняла, она потом это сказала и сразу же выстрелила, держа мои руки с пистолетом в своих.

– Она ничего перед этим не говорил?

– Нет. Игнат, она же выживет? – Яна доверчиво заглянула мне в глаза, и я прекрасно знал, какого ответа она ждала, но почему-то не мог быть искренним.

– Шансов практически нет.

Яна всхлипнула, а я кинулся к ней ближе, вытирая слезы с ее щек. Затем обхватил ее лицо ладонями, заглянул в бездонные глаза и севшим голосом прошептал:

– Ты прекрасна как никогда!

Хотелось сказать больше, но почему-то страшно было сознаваться в этом большем даже самому себе. Отогнал ненужные мысли и начал целовать соленые слезы, вызвав улыбку моей маленькой и такой отважной жены. Матери моих де-

тей. Отныне самой важной женщины в моей жизни, не считая дочери, ведь нашей малышке до взросления еще ого-го как долго.

Яна

Наутро ко мне в палату принесли детей. Я наконец-то их рассмотрела и нашла уйму отличий. Вместе с ними пришел счастливый Игнат. Он тихо расположился на кресле рядом и так же тихо уснул, наблюдая за тем, как я люблюсь нашими крошками. Мы до сих пор не придумали им имена. Как-то откладывали все напоследок и даже вчера не вспомнили об этом.

Еще раз посмотрела на спящего Игната и улыбнулась. Имя для сына я однозначно придумала – Марк, в честь его деда. Игнат никогда не говорил о родителях, для него эта тема болезненна, но он не любил их от этого меньше. Его детство таило уйму загадок, ведь я так и не узнала почему он такой: волк с черными глазами в обоих ипостасях.

Обдумывая имя для девочки, мой мозг просто закипел, и в итоге я благополучно решила повесить эту ответственную задачу на плечи своего мужа.

Положила спящих деток в их кровати и, мечтательно улыбаясь, прилегла.

Разве могла я меньше года назад, стоя на крыльце офиса после работы и раздумывая, садиться в машину малознако-

мого мужчины или нет, предположить, что все так сложится?! Конечно, нет, в тот день, когда я поехала с Васильевым, моя жизнь изменилась навсегда. Ведь если бы он не привез меня в клан, то я не встретила бы с Игнатом и не держала бы сегодня на руках свои сокровища. Я всю жизнь мечтала о нормальной семье, и я ее получила, пусть у нас далеко не все идеально и до звания семьи года нам еще работать и работать. Но, как говорится, нет предела совершенству.

И я буду стремиться стать таким совершенством для своих детей, для своего мужа. Ведь разве есть люди для меня ближе, чем они? Нет! Нет, конечно, самые-самые родные и дорогие люди, точнее, волки спят сейчас в этой комнате.

Входная дверь с громким стуком отворилась, привлекая мое внимание.

«Ладно, пожалуй, не только спят, но и бодрствуют, здесь вместе со мной», – подумала я, глядя на взъерошенного отца, который, в свою очередь, не отрывал от меня безумного взгляда, и скромно стоящего за его спиной Николая, улыбающегося лишь уголком губ.

Вот она, моя семья.

Самые важные люди на этом свете.